

ЛАЗУРИНТН

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

1

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ,
МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

2020

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 1 — 2020

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Помощник главного редактора:

Юлия Горбунова, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юртин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Евгений Добренко, Шеффилдский университет (Шеффилд, Великобритания)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Марк Липовецкий, Колумбийский университет (Нью-Йорк, США)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии УрО РАН (Чжэнчжи, КНР / Екатеринбург)

Олег Рябов, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина; Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Василий Щукин, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Александр Эткинд, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5

Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2020

Редакционная коллегия

- Роман Абрамов**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии РАН (Москва)
- Кирилл Балдин**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Константин Бугров**, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Ури Гершович**, Институт философии СПбГУ; Еврейский университет в Иерусалиме; Институт стран Азии и Африки МГУ (Санкт-Петербург / Москва / Иерусалим, Израиль)
- Денис Докучаев**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Оксана Игнатьева-Вильбоа**, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)
- Михаил Ильченко**, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)
- Светлана Касаткина**, Череповецкий государственный университет (Череповец)
- Татьяна Круглова**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Ирина Лаппо**, Университет Марии Кюри-Склодовской (Люблин, Польша)
- Ян Левченко**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Москва / Калининград)
- Олег Лейбович**, Пермский государственный институт культуры; Институт истории и археологии УрО РАН (Пермь / Екатеринбург)
- Олег Лысенко**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)
- Ольга Лысикова**, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина (Саратов)
- Йордан Люцканов**, Институт литературы Болгарской академии наук (София, Болгария)
- Светлана Маник**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Мария Миловзорова**, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)
- Лилия Немченко**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Гильдия киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов России (Екатеринбург / Москва)
- Лариса Петрова**, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург)
- Дарья Радченко**, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)
- Елена Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)
- Андрей Россомехин**, Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский университет в Санкт-Петербурге; Государственный музей В. В. Маяковского (Санкт-Петербург / Москва)
- Татьяна Рябова**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
- Ирина Савкина**, Университет Тампере (Тампере, Финляндия)
- Александра Селиванова**, Центр авангарда; Галерея «На Шаболовке»; Музей Москвы (Москва)
- Нина Спутницкая**, Академия медиаиндустрии; Музей кино; Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва)
- Валентина Хархун**, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя (Нежин, Украина)
- Джереми Ховард**, Сент-Эндрюсский университет (Сент-Эндрюс, Великобритания)
- Ольга Шабурова**, независимый исследователь (Москва)
- Александра Яцык**, Тартуский университет (Тарту, Эстония)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
--------------------------	---

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

О. Б. Божков, С. Н. Игнатова Процессы миграции и социальная память поколений	6
Н. Б. Граматчикова Утрачены и придуманы: места и вещи семейной истории	17
Л. В. Енина Публичная (авто)биография в интервью: дискурсивные практики говорения о миграции	31
В. В. Умнягин Восприятие заграницы в мемуарном наследии узников Соловецкого лагеря	40
О. Ч. Реут, Т. П. Тетеревлёва Петрозаводск — город воинской славы. Конструирование границ в городском пространстве после присвоения почетного звания	47
Е. Ю. Протасова Еда как часть культурной идентичности: практики российских немцев в Германии	57

ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Суворова Наивная война: между коллективными и личными нарративами. По материалам Всероссийской выставки произведений художников-любителей и народных мастеров, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне	71
---	----

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

К. Е. Балдин Всероссийская конференция «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке» (Санкт-Петербург, 3—4 октября 2019 года)	86
Информация для авторов	89

CONTENTS

<i>Introduction</i>	5
---------------------------	---

MEMORY AND MIGRATION

O. B. Bozhkov, S. N. Ignatova Processes of migration and social memory of generations	6
N. B. Gramatchikova Lost and invented: places and things of/in the family history	17
L. V. Enina Public (auto)biography in the interview: discursive practices of speaking about migration	31
V. V. Umniagin The perception abroad in the memoirs of the prisoners of the Solovki camp	40
O. Ch. Reut, T. P. Teterevleva Petrozavodsk as a City of Military Glory: construction of borders in the urban space after the award of the honorary title	47
E. Yu. Protassova Food as a part of cultural identity: practices of Russian-Germans in Germany	57

MEMORY POLITICS IN CONTEMPORARY RUSSIA

A. A. Suvorova <i>NAIVE WAR: Between Collective and Personal Narratives. Based on materials from the All-Russian exhibition of artworks by Amateur and Folk Artists dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War</i>	71
---	----

SCIENTIFIC CHRONICLES

K. E. Baldin Russian National Scientific Conference “200 Years of Diplomatic Support of the Russian Presence in the Middle East: History of the Creation and Activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire” (St. Petersburg, October 3—4, 2019)	86
<i>Information for the authors</i>	89

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагая читателю первый номер нового журнала, обращаем внимание на то, что он является де-факто (не де-юре) преемником сетевого издания «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований». В связи с этим первые выпуски будут иметь «переходный» вид. Сначала мы выполним обязательства перед авторами, чьи тексты не удалось опубликовать из-за приостановки издания, существовавшего с 2011 до 2017 года.

Основной блок номера составляют статьи, созданные на основе докладов, прочитанных на конференции «Память миграции — Миграция памяти», которая состоялась 23—24 марта 2017 года в Хельсинки в рамках проекта «Making Spaces of Justice across the East-West Divide / Создаем пространство справедливости, преодолевая границы между Западом и Востоком», финансируемого Kone Foundation.

В ходе семинара обсуждались вопросы, связанные с проблемами миграции и мультикультурности как с позиции персонального опыта, так и в научной перспективе.

К этому блоку примыкает искусствоведческая статья, посвященная одному из актуальных в 2020 году аспектов политики памяти в современной России.

В этом году все выпуски журнала будут тематическими. Вас ждут три номера, которые мы назвали «Алкоголь в стране Советов», «Вечно Высоцкий» и «Ресурсы локальной территориальной идентичности». Кроме того, на главной странице обновленного сайта читатель сможет найти большое количество материалов в рубриках «Архитектура», «Город», «Искусство», «Кино», «Литература», «Маскульт», «Наследие», «Регионы», «Стиль жизни», «Травелоги», «Урбанистика», «Orbus Soveticus» и ряде других.

Надеемся, что изменения, произошедшие в составе редакционного совета и редакционной коллегии, позволят превратить сайт журнала в притягательную для российских и зарубежных исследователей и практиков площадку междисциплинарного диалога, обмена информацией, обсуждения актуальных проблем культуры.

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 6—16

LABYRINTH
2020. № 1. С. 6—16
УДК 314.15

ПРОЦЕССЫ МИГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

О. Б. Божков, С. Н. Игнатова

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия
olegbozh@gmail.com

Несколько волн миграции из села в город в советской и постсоветской России свидетельствуют о развитых процессах урбанизации. Миграции (пространственные перемещения) накладывают определенный отпечаток как на личные и семейные биографии, так и на объективные и субъективные аспекты социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социумов. Вынужденность и — по большей части — нелегитимность процессов миграции в советское время привели к тому, что мигранты из села в город не только не поддерживали связи с семьей, но и отказывались от памяти о своем прошлом. Произошел разрыв памяти поколений. Мигранты из села не стремятся вспоминать свое крестьянское прошлое, имеют поверхностные, отрывочные представления об истории семьи, предках, семейных традициях. Для представляемого исследования были использованы материалы более ста генеалогических и более ста пятидесяти биографических интервью с сельскими жителями разных возрастных групп, собранных в российских селах в 2000-х годах.

Ключевые слова: миграция, социальная память, разрыв памяти поколений, биографические интервью, семейные традиции.

PROCESSES OF MIGRATION AND SOCIAL MEMORY OF GENERATIONS

O. B. Bozhkov, S. N. Ignatova

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russian Federation, olegbozh@gmail.com

Several waves of migration from the countryside to the city in Soviet and post-Soviet Russia reveal about the developed processes of urbanisation. Migration, spatial movement, impose certain trace both on personal and family biographies, and on changes of objective and subjective aspects of social relations of the movers in old and new societies. Forced and mostly illegitimate

© Божков О. Б., Игнатова С. Н., 2020

Ссылка для цитирования: Божков О. Б., Игнатова С. Н. Процессы миграции и социальная память поколений // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 6—16.

Citation Link: Bozhkov, O. B., Ignatova, S. N. (2020) Protsessy migratsii i sotsial'naia pamiat' pokolenij [Processes of migration and social memory of generations], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 6—16.

migration processes during the Soviet era has led to the fact that migrants in the cities did not only maintained contacts with family, but also refused memory of their past. Memory of generations has broken. Migrants from the countryside do not tend to recall their peasant past, having superficial, fragmentary ideas about history of the family, ancestors, and family traditions. The present study used the materials over a hundred genealogical interviews and more than one hundred fifty biographical interviews with the villagers of different age groups collected in Russian countryside in the 2000s.

Key words: migration, social memory, rupture of memory of generations, biographic interviews, family traditions.

Миграция и внутрисемейные связи

Процессы миграции неизбежно приводят к серьезным и долгосрочным социальным изменениям в обществе. При этом миграция внутри страны играет в таких трансформациях не меньшую роль, чем миграция в другую страну, хотя в последнее время массовая международная миграция несколько затмила проблемы, возникающие при перемещении индивидов внутри страны. Несколько волн миграции из села в город в советской и постсоветской России явились результатом урбанизации общественного пространства, которую проходили все развитые страны. Начиная с 1920-х годов рост городов породил ситуацию, при которой они заполнялись преимущественно сельскими жителями. В 1930-е годы это явление приобрело массовый характер. Начался период бурной индустриализации страны, когда не только росли старые города, но появлялись новые. Однако в условиях СССР этот процесс отличался крайне ускоренным режимом и искусственностью преобразований, вследствие чего их результаты оказались вовсе не похожими на те, которых добилась Европа в ходе многовековых изменений. Государственная миграционная политика исходила из возможности мобилизации дешевой рабочей силы из села для решения проблем развития экономики страны.

Огромные массы людей добровольно или насильственно перемещались в другие регионы страны на строительство крупных промышленных объектов и дальнейшую работу на них. К началу 60-х годов абсолютное большинство «фактических» горожан родились в деревне и весьма немногие были горожанами во втором поколении, которое также несет на себе отпечаток сельского менталитета, хотя и более адаптировано к городским условиям. «Более двух третей новых горожан 50—70-х гг. — в недавнем прошлом деревенские жители. <...> Даже к концу 80-х гг. среди городского населения страны, по некоторым данным, лишь около 15 % являлось горожанами в третьем поколении или теми, кто хотя бы мог претендовать на этот статус» [Денисова, 1996: 132, 139]. Кроме того, «с урбанизацией сопряжены важнейшие социальные перемены — эволюция демографических процессов, эволюция расселения, структурные сдвиги в экономике и, как следствие, трансформация образа жизни и формирование иного типа личности, сильно отличного от исходного, присущего аграрному обществу» [Юдина, 2006: 76].

Миграции (пространственные перемещения) накладывают определенный отпечаток на личные и семейные биографии и влияют на изменения объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социумов. Миграция является не только результатом индивидуального выбора, но зачастую и стратегией семьи или домохозяйства [Stark, 1991]. Она может быть обусловлена как экономическими проблемами, поиском работы или более высокого дохода, так и желанием изменить образ жизни, социальную среду, поиском себя, попыткой испытать другие формы организации жизненного пространства. Миграция как социокультурный процесс ведет к изменению набора базовых идентичностей. Таким образом, в СССР постепенно формировалась новая социальная группа, представители которой уже не были сельскими жителями,

но еще не стали и горожанами. Отток людей из деревни естественным образом разрывал семейные связи и укорачивал семейную память. Как пишет А. Ассман, «на примере американской иммиграционной политики XIX, а в значительной мере и XX века становится ясно, что выбор в пользу будущего связан с отказом от прошлого и решением предать прошлое забвению...» [Ассман, 2017: 98].

Социальная память возникает как эффект принадлежности к сообществу, воспроизводящемуся из поколения в поколение (семейная память — это частный случай памяти социальной). Она диктует этические нормы, дает ощущение осмысленности и стабильности как в эмоциональном, так и в социальном плане, имеет глубокие классовые и профессиональные корни, является выразителем групповых ценностей и представлений. Именно она помогает транслировать социальный капитал определенной социальной группы. Анализ состояния социальной памяти — путь к пониманию причин того, что сейчас происходит в обществе. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она в качестве культурно обработанного продукта закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Как ресурс социального взаимодействия память подпитывает его информационно, конструирует значения для настоящего, вызывает эмоции и сопереживание и наконец косвенно, через социально-политические институты, обеспечивает социальную идентификацию [Рождественская, 2017].

Предметом нашего исследования являются социокультурные практики сохранения семейной памяти в условиях беспрецедентной социальной мобильности XX века. Исследователи отмечают нарушение механизмов передачи памяти в семье, локальном сообществе. Обычно события сохраняются в личной памяти в течение одного, максимум двух поколений. У большинства россиян довольно низкий уровень интереса к истории семьи, отсутствует традиция хранения такой информации [Аналитический отчет ... , 2017: 31]. Б. Дубин считает, что в обществе сложилось неприятие ответственности за историю как за свое время. Такое сокращение времени своего существования до самых коротких дистанций чаще всего означает непонимание смысла прошлого как необходимой части опыта. Из сознания различных социальных групп история как проблема, как связь между настоящим и прошлым вытеснена. Возникает явление беспамятства, разрыва памяти поколений [Дубин, 2002]. В случае межстрановой миграции в первом, втором поколении мигранты создают инфраструктуру, отвечающую за связь с родиной, с диаспорой [Massey, 2002; Boyd, 1989]. Но постепенно такие связи ослабевают. Однако в ситуации внутристрановой миграции действуют иные законы и практики.

Для исследования мы использовали материалы более ста генеалогических интервью с пожилыми сельскими жителями бассейна реки Мологи, взятых в 2001—2003 годах, а также материалы собранных в том же регионе в 2004—2009 годах более ста пятидесяти биографических интервью с представителями особой социальной группы сельской элиты — руководителями, собственниками сельскохозяйственных предприятий, главами сельских поселений. Первый проект концентрировался именно на изучении семейной истории, а сбор биографических данных был строго формализован и очерчен рамками специальной аналитической программы «Генеалогист» [Божков, 2013]. Большая часть информантов данного массива родилась в 1910—1930-е годы, то есть это довоенное поколение, заставшее коллективизацию, сталинские репрессии, сложные годы довоенного развития народного хозяйства и послевоенное восстановление. Второй массив состоит не просто из представителей послевоенного поколения, ядро которого составляют люди, социализировавшиеся в брежневскую эпоху, — это поколение, условно говоря, детей и внуков информантов первого массива. Во втором проекте мы не ставили цели изучения собственно семейной истории наших информантов. Однако в более

широком контексте исследования современных проблем сельского социума и сельскохозяйственного производства при обсуждении вопросов социального происхождения мы получили целый корпус развернутых ответов, включающих рассуждения об истории семьи и предках наших информантов. Именно массив таких спонтанных рассуждений, относящихся к разряду семейной памяти, мы и подвергли тщательному анализу, так как полученный материал оказался очень глубоким и интересным. Если воспользоваться классификацией типов воспоминаний А. Ассман (наличные — прошедшие речевую обработку, досознательные — которые дремлют, но внезапно могут быть осознаны и получить словесное воплощение, и бессознательные — вытесненные травматичные, болезненные или постыдные), то исследуемые нарративы относятся или к наличным, или к досознательным, получившим жизнь благодаря самой ситуации интервью [Троцук, 2015: 169]. Таким образом, эмпирический материал позволил сделать сравнительный дискурсивный анализ семейной памяти, влияния миграционных процессов на социальную память двух поколений сельских жителей. Оказалось возможным проследить вектор развития социальной памяти определенной социальной группы или, по крайней мере, его наметить. Ведь две исследуемые группы разделяет целая эпоха, произошли серьезные исторические события, в стране сменились методы экономических и социальных преобразований, в том числе на селе, страна сильно изменилась в техническом и технологическом плане.

Три волны миграции

Выделяя три волны миграции в СССР и РФ, мы не претендуем на подробный и полный анализ миграционных процессов из села в город. Нумерация волн миграции в данном случае условна, подчинена задачам исследования и опирается на имеющийся эмпирический материал.

Первая волна — вынужденная и нелегитимная

Если процессы миграции определять как одну из причин разрыва памяти поколений, то надо отметить, что первая волна миграции наших респондентов в конце 40-х — 50-х годах XX века была вынужденной и по большей части нелегитимной. После войны в сельскохозяйственной отрасли сложилось крайне бедственное положение: огромные площади, находившиеся под оккупацией, только возвращались в экономический оборот, а те, что использовались, были сильно истощены. У крестьян отбирали практически всё производимое не только в колхозах, но и в домашнем хозяйстве. Они облагались так называемым сельскохозяйственным налогом, где были четко прописаны нормы сдачи продуктов питания. С окончанием войны в обществе возникла ситуация ожидания перемен, потепления идеологического и экономического климата в стране. Крестьяне ждали большей свободы, возможности выхода из колхозов, ведения личного хозяйства. Однако их надежды не оправдались, и поток мигрантов из деревень стал потихоньку нарастать. «В результате, несмотря на наличие паспортного режима, к началу 50-х гг. бегство из деревни стало массовым явлением: только за 4 года с 1949 по 1953 г. количество трудоспособных колхозников уменьшилось на 3,3 млн человек» [Денисова, 1996: 78]; «отток между переписями 1939 и 1959 г. достиг 25 млн человек, в 2,5 раза превысив естественный прирост» [Юдина, 2006: 34].

Нелегитимность миграции из села была в первую очередь связана с невозможностью получения крестьянами гражданских паспортов, что свидетельствовало об их практически «крепостной» зависимости от государства. Крестьяне использовали любые возможности сбежать из деревни, и такая форма миграции привела к тому, что мигранты в города не только обрывали связи с семьей, но и отказывались

от памяти о своем прошлом, поскольку поддерживать семейные отношения было довольно опасно. По воспоминаниям пожилых респондентов из первого массива, многие члены семьи долгое время не давали о себе знать, и они даже не могли припомнить город, в который родственники уехали, или предприятие, где они работали. Многие информанты описывали разные варианты получения столь необходимого в СССР паспорта: «подкупил председателя колхоза», так и «не вернулся из армии» (при окончании воинской службы гражданин получал паспорт на руки и должен был его сдать в правление колхоза), «брат просто сбежал, и больше от него не было вестей» и т. д.

Существовала и легитимная миграция, связанная со специально организованными и строго контролируруемыми партийными органами наборами людей для работы на промышленных предприятиях, стройках, призывом молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Это определялось катастрофической нехваткой в городах рабочей силы, необходимой для восстановления промышленности. Покинув колхоз самостоятельно, крестьянин с трудом мог устроиться на работу в городе. Необходимость не распространяться о способе отъезда из колхоза хотя бы первое время ослабляла связи с базовой семьей.

Многие мигранты из сельской местности в города считали такое перемещение началом новой жизни, разрывом со «старым миром». В этом случае сельское прошлое становится пространством забвения. Жизнь начинается сначала, прошлое умирает. Остаются реальные персонажи прошлой жизни — близкие родственники. Стратегию взаимодействия с ними каждый индивид выбирает самостоятельно. М. Трудолюбов, вспоминая своего дедушку, который уехал из родного села еще в 30-е годы, пишет, что ступени, по которым дед поднимался, были следующие: «выжить, прописаться, получить отдельную квартиру и, если повезет, увенчать успех дачей и машиной» [Трудолюбов, 2015: 25]. Таким способом, кардинально порвав со своим сельским прошлым, он старался влиться в городскую среду. Дед «вырос в большой крестьянской семье, был одним из восьмерых детей... но стал человеком с городскими привычками и городскими амбициями». «Миллионы людей, — продолжает автор, — как и мой дед, бежали из деревень, от голода и новых порядков, и те, кто выжил, перебрались в города». Эти миллионы стали «новым поколением», «новым в том смысле, что жизнь такого огромного количества людей оказалась совсем не похожей на жизнь всех предыдущих российских поколений. <...> Миллионам новых пролетариев... пришлось учиться жить заново. Родительский опыт только мешал. Образ жизни, привычный для их предков, перестал их кормить» [Трудолюбов, 2015: 16—17].

Вторая волна — вытеснение детей в города

Вторая волна миграции, в 1970—80-х годах, и третья, в начале XXI века, эти процессы только усугубили. В 1960-е годы масштабы миграции из села несколько сократились, хотя организованный набор рабочей силы из колхозов для индустрии страны сохранился. Если в 1959 году в Центральном районе из колхозов уехало около 17,3 тыс. колхозников, то в 1965 году — 6,1 тыс., в 1969 году — 5,2 тыс., в 1970 году — 5,3 тыс. [Денисова, 1996: 134]. Но к этому времени крестьяне уже получили паспорта¹ и нелегитимные способы выезда из деревни потеряли свое значение.

¹ Несмотря на то, что на последней странице паспорта печаталась выдержка из закона, где говорилось, что гражданин должен иметь паспорт при себе и не имеет права передавать его другим лицам или организациям, в сельской местности паспорта граждан обычно хранились либо в сельсоветах, либо у председателей колхозов. Только в 1957 году эта практика была законодательно категорически запрещена. Однако во многих местах этот закон нарушался вплоть до начала 1970-х годов.

К тому же в середине 1960-х годов привлечение сельского населения в города было признано нецелесообразным, так как в основном это была неквалифицированная рабочая сила, а промышленность все больше требовала работников высокой квалификации, подготовка которых уже осуществлялась в городах. Тем не менее, с 1959 по 1969 год из села в город переехало 10 млн человек. Сельское население Нечерноземья за 1959—1979 годы сократилось на 36 %, а его доля в общей численности населения упала с 41,7 до 23,8 % [Денисова, 1996: 123, 134].

В 70—80-х годах прослеживается уменьшение абсолютных и относительных размеров миграции сельского населения Нечерноземья. Так, за 1981—1985 годы в результате миграции сельское население уменьшилось на 844 тыс. человек, в то время как в 1966—1970 годах — на 2 млн 162 тыс. человек [Денисова, 1996: 136]. Но связано это уменьшение с тем фактом, что мигрировать на многих территориях стало практически некому. Вообще же с 1959 по 1989 год в города переселилось почти 40 млн человек, из которых 22 млн дали села России [Юдина, 2006: 34—35]. К концу 1980-х годов в городах проживало 74 % населения страны. Представители трудоспособного возраста использовали любые способы миграции из села. Именно в этот период стала формироваться практика получения высшего и средне-специального образования в городах при активной финансовой поддержке старшего поколения. Многие рассматривали это как возможность закрепиться в городе и не возвращаться домой.

Остались или вернулись лишь те, кто демонстрировал предельную укорененность в сельском образе жизни (*«мы уже приросли корнями к этой земле»*) и, соответственно, невозможность поменять его на другой, городской. Например, информанты второго массива это те, кто в довольно благоприятных условиях для миграции в город остался жить на селе и отмечает, что может жить только на селе: *«Я деревенская, куда же я пойду еще»*; *«Да что-то я не люблю город»*. Некоторые из них имели опыт городской жизни, переехав в город (средний или крупный) учиться, работать, но не смогли привыкнуть к иному ритму жизни, экологии, иной организации пространства и времени: *«Я же уезжала, я же 7 лет жила в городе, когда училась, мне и квартиру предлагали, и всё, как говорится... но меня просто тянет в деревню. Видимо, деревенский житель. Я городом не могу...»*.

В разговоре информанты подчеркивают стабильность принадлежности к определенной социальной группе, преемственность социальной позиции. Они не просто работники колхозов и совхозов (нынешние или в прошлом), они крестьяне во многих поколениях: *«Все деревенские. Родители всю жизнь, как говорится, в колхозе отработали»*; *«Родители мои — потомственные крестьяне по бабушке и бабушке»*. Все поколения крестьян, сельских рабочих постоянно тяжело трудились на земле, создавали свое благосостояние: *«Ну, на деревне это такой труд. Тяжелый, конечно»*. Эту традицию переняли и их дети, их труд также связан с землей, с селом, он труден, с ним не всякий справится: *«Да, в благоустроенной квартире живем сейчас. Но все равно у нас построен хлев, держим корову, теленка»*. Они ощущают, что находятся на своем месте, в своем социальном поле. Крестьянская идентичность здесь выбирается сознательно, она уже освоена поколениями предков и стала важной частью культурной практики.

В этом случае семейная память о предках, далеких и близких, помогает поддерживать данную идентичность. Отсюда обязательное упоминание информантами того факта, что кто-то из родителей, дедушек/бабушек был бригадиром, председателем колхоза, отмечен различными государственными наградами: *«Он был председателем колхоза, потом заместителем директора совхоза. Он всю жизнь руководил, он всё время был человек авторитетный в селе, вот в нашей деревне, все к нему шли советоваться»*. Значимыми также являются уникальные личные качества или способности родителей, предков (например, огромное трудолюбие, владение каким-то особым ремеслом): *«Льноводом, даже нескромно замечу, знаменитым*

в то время льноводом был, имел правительственную награду за это, орденами “Знак почета” и “Дружбы народов” был награжден». Таким образом, для тех, кто остался на селе, в отношении предков важным, особо проговариваемым становится их авторитет, значение для сельского социума, достижения. Это в глазах информантов повышает их собственную значимость, увеличивает социальный капитал.

В годы тотального продовольственного дефицита (80—90-е) в семьях мигрантов из села возродилась активная функциональная помощь (материальная, финансовая). Ближайшие родственники стали приезжать в село помогать обрабатывать земельные наделы за некоторую долю выращенной продукции. Это был добровольный обмен рабочих рук на продукты питания. Пожилые родственники с удовольствием принимали помощь горожан, брали на лето внуков. Такая неформальная кооперация в рамках семьи особенно проявилась в годы реформ, в 1990-е годы [Иванова, 2003].

Третья волна — «ползучая миграция»

Последняя волна миграции, в 2000-е годы, когда экономика страны стабилизировалась, а проблемы в сельском хозяйстве только углубились, была не столь массовой и отчетливой. Это скорее ползучая миграция, когда сельское население систематически сокращается, но понемногу в каждый год: в 2002 году — на 1,2 % меньше, чем в 1989 году, а в 2010 году — на 1,6 % меньше, чем в 2002 году [Население России ... , 2013: 10]. И кажется, что проблема стоит не столь остро. Однако новые мигранты — это люди, родившиеся в 80—90-х годах и только вступающие в активный возраст. «По расчетам, основанным на данных переписей населения 2002 и 2010 гг., районы и города внутрирегиональной периферии теряют ежегодно более 30 % выпускников школ, направляющихся на учебу в региональные столицы, возвращение этот отток практически не компенсирует» [Комплексное исследование ... , 2015: 18]. Они, скорее всего, не вернутся в село, это поколение мигрантов в города, которое очень хочет влиться в городскую жизнь и которому сохранившаяся архаика сельского образа жизни не представляется ценной. Разрыв памяти здесь формируется еще и поколением их родителей, которые не видят никаких перспектив для своих детей на селе и всячески способствуют их вымыванию в города. Родители оплачивают образование, проживание детей в городе, помогают им материально в дальнейшем. Вопрос о сохранении семейной памяти не стоит вовсе, главное зацепиться в городе, крупном, среднем, небольшом, но только не остаться на селе.

Семейная социальная память сохраняет правила отношения к миру, однако правила сельской жизни не действуют в городском пространстве, они не способствуют успешной адаптации вновь прибывших. Таким образом, в меняющемся мире «прошлое отнюдь не является некой надежной константой», оно отмечается как ненужная вещь, лишь мешающая движению вперед. Обращение к нему зависит от насущных потребностей, от ценностей и интересов, тех, кто к нему апеллирует [Ассман, 2017: 191].

Влияние миграции на глубину семейной памяти. Вместо заключения

В ходе экспедиций мы видели на селе крайне мало многопоколенных семей. Статистика давно фиксирует старение сельского населения, а следовательно, вымывание жителей средней и молодой возрастных категорий. Дедушки и бабушки остались на селе, их забирают в города только в случае крайней необходимости — болезни и общей немощи, невозможности самостоятельно вести хозяйство. Более молодые давно живут в городах. Однако скупые семейные реликвии, атрибуты социальной, семейной памяти остаются в сельских заброшенных домах не востребованными.

Не случайно в последние десятилетия пышным цветом расцвело явление ограбления сельских домов, откуда выносят любую утварь. Нередко там встречается старинная мебель, часы, иконы и т. д. При этом экспозиции сельских краеведческих музеев крайне скудны и однообразны. Здесь практически не увидать развернутых экспозиций навыков и приемов ведения сельского хозяйства, развития ремесла на селе. Это музеи, состоящие из предметов домашнего обихода, с трудом собранных из разоренных домов. Да и большой популярностью у горожан такие музеи не пользуются, это скорее элемент воспитания остатков молодежи, которая пока еще сохраняется в сельской местности.

Мы заметили, что сокращение глубины памяти в современных поколениях сельских жителей происходит более активно, чем в поколениях их бабушек и дедушек. Наши генеалогические интервью и построенные генеалогии отображали в среднем пять поколений. Пожилые информанты знали не только о бабушках и дедушках, но и о прабабушках/прадедушках, а иногда и о более далеких предках. По крайней мере, имели о них хотя бы самую примитивную информацию — имена, из какой деревни, чем занимались. Информанты второго проекта принадлежат к поколению детей и внуков, и глубина их семейной памяти существенно меньше. Более-менее развернутые рассказы о родителях, их трудовом и жизненном пути встречаются практически во всех интервью, но уже о бабушках/дедушках информанты знают мало, а иногда почти ничего, более глубокие познания почти никто не демонстрирует. При этом они не меняли места жительства, не мигрировали в крупные или средние города, что всегда считалось важнейшим фактором таких процессов. Они живут на той же земле, что и их предки, но почти ничего о них не помнят, не знают. Многие потеряли одного из родителей или более далеких предков в раннем возрасте: они погибли во время войны, были репрессированы или умерли от непосильного крестьянского труда. А вместе с этим исчезла цепочка семейных взаимоотношений. Многие отмечали, что совершенно не интересовались своей родословной, она вообще не является ценностью для них: *«А бабушки-дедушки... я вот про них даже сказать ничего не могу. Бабушка вот по отцовской линии, так они всю жизнь здесь прожили, то есть простые крестьяне. Ну, в общем, не знаю...»; «И мало об этом речи было, разговоров таких, чтобы что-то запомнилось, о прошлом роде. <...> Что до них — даже не знаю. Тоже все в деревне жили. Хозяйством сельским занимались. Все, большие ничего не могу сказать».*

Мигранты из села не стремятся вспоминать свое крестьянское прошлое, имеют поверхностные, отрывочные представления об истории семьи, предках, семейных традициях. Нам представлялось, что сбор генеалогических материалов у представителей старшего поколения актуализирует у их городских детей и внуков стремление больше узнать об истории семьи. Мы предлагали им готовые печатные и аудиоматериалы, оставляли свои координаты. Однако оказалось, что такие знания теперь уже городским жителям абсолютно не нужны, за время экспедиций практически никто из ближайших родственников информантов не заинтересовался нашей информацией.

Следует отметить, что при четкой структуре интервью обсуждение заранее сформулированных сюжетов носило нарративный характер, информантов никто не ограничивал в возможностях осветить тот или иной вопрос. При этом более-менее подробно о своей семье, роде рассказало значительно меньше половины информантов. Мы, следуя нарративности в интервью, задавали лишь уточняющие вопросы, не было давления в части обязательности семейных воспоминаний. Таким образом, можно исходить из того, что информанты предъявляли только актуальные и значимые для них факты семейной жизни, даже если они существуют в их памяти в виде семейных разговоров, преданий или даже мифов. Основная часть ограничивалась упоминанием своего крестьянского происхождения и в лучшем случае называла

профессии родителей, реже бабушек/дедушек. Там же, где встречается более развернутый нарратив, истории редко отличаются подробной фактографией, последовательностью и логичностью. Наши информанты передают их в том виде, в каком запомнили из семейных разговоров. Среди значимых событий семейной истории — раскулачивание ближайших родственников и их участие в Великой Отечественной войне: «У него магазин был. Вот раскулачили его»; «Вся родня была раскулачена». Упоминаются родственники, которые отказались вступать в колхоз, занимались своим хозяйством, сумели по-другому при Советской власти добывать необходимые для жизни средства. Сюжеты про войну очень скупы: краткое описание увечья, полученного родственником на войне, факт его гибели или указание, где он закончил войну: «Вот в Финскую он ушел, и в 43-м в Отечественную сразу попал, и его убили»; «Отец — участник войны, узник Бухенвальда». Скорее всего, война была слишком травматичным переживанием, поэтому в спонтанных нарративах нет места описанию героизма, ярким событиям. Да и пришедшие с войны родственники рассказывали о ней немного, и детям/внукам в этой части социальной памяти передать почти нечего. В то же время факт участия в войне членов семьи очень значим, он упоминается обязательно, если информант расположен сказать несколько больше, чем просто односложно ответить на вопрос. Вопрос в том, что из этих рассказов сохранится для следующих поколений, если отсутствуют документальные свидетельства, если сокращается глубина памяти. Возможно, для потомков окно личной памяти закроется или в нем останутся лишь небольшие щели, через которые будут пробиваться слабые отголоски семейного прошлого.

Библиографический список

- Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России» / Вольное историческое общество, Комитет гражданских инициатив. М., 2017. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/> (дата обращения: 22.05.2017).
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
- Божков О. Генеалогия и биографические данные: уроки генеалогических экспедиций // Право на имя. Биографика XX века: Чтения памяти Вениамина Иофе: избранное, 2003—2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб.); Европейский университет в Санкт-Петербурге; отв. ред. Т. Б. Притыкина. СПб.: Норма, 2013. С. 385—398.
- Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России. Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 215 с.
- Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/534/984/1219/03dubin-11-15.pdf> (дата обращения: 22.05.2017).
- Иванова Е. И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 1. М.: НИСП, 2003. С. 135—164.
- Комплексное исследование региональных рынков труда: структурные дисбалансы и поведение участников / Т. М. Малеева и др. М.: РАНХиГС, 2015. 69 с. URL: <http://www.ranepa.ru/images/insap/insap/issledovanie-rinkov-truda.pdf> (дата обращения: 22.05.2017).
- Население России 2010—2011: восемнадцатый — девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.
- Рождественская Е. Ю. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М., 2013. 50 с.

- Троцук И. В. Помнить или забыть: значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 1. С. 164—177.
- Трудолобов М. Люди за забором. Частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.
- Юдина Т. Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. 272 с.
- Boyd M. Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agenda // *International Migration Review*. 1989. № 23 (3). P. 638—670.
- Massey D. A Synthetic theory of international migration // *World in the mirror of international migration*. 2002. № 10. P. 143—153.
- Stark O. *The migration of labor*. Cambridge: Basil Blackwell, 1991.

References

- Assman, A. (2017) *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [The link of time has broken? Rise and fall of the temporal mode of Modernity], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Boyd, M. (1989) Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agenda, *International Migration Review*, no. 23 (3), pp. 638—670.
- Bozhkov, O. (2013) Genealogiia i biograficheskie dannye: uroki genealogicheskikh ekspeditsii [Genealogy and biographical data: lessons from genealogical expeditions], in: *Pravo na imia. Biografika KhKh veka: Chteniia pamiati Veniamina Iofe: izbrannoe, 2003—2012*, St. Petersburg: Norma, pp. 385—398.
- Denisova, L. N. (1996) *Ischezaiushchaia derevnia Rossii. Nechernozem'e v 1960—1980-e gody* [Disappearing village of Russia. The non-black earth region in 1960—1980-ies], Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.
- Dubin, B. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy poniatia [Generation: sociological boundaries of the concept], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2 (58), available from <http://ecsocman.hse.ru/data/534/984/1219/03dubin-11-15.pdf> (accessed 22.05.2017).
- Iudina, T. N. (2006) *Sotsiologiia migratsii: ucheb. posobie dlia vuzov* [Sociology of migration: a textbook for universities], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Ivanova, E. I. (2003) Pozhiloi chelovek v sel'skoi mestnosti: rodstvennye sviazi i mezhpokolennye transferty [Elderly people in rural areas: family ties and intergenerational transfers], *Sotsial'naiia politika: realii XXI veka*, Vol. 1, Moscow: NISP, pp. 135—164.
- Massey, D. (2002) A Synthetic theory of international migration, *World in the mirror of international migration*, no. 10, pp. 143—153.
- Naselenie Rossii 2010—2011: vosemnadtsati — deviatnadtsati ezhegodnyi demograficheskii doklad* (2013) [Population of Russia 2010—2011: eighteenth — nineteenth annual demographic report], A. G. Vishnevskii (ed.), Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Rozhdestvenskaia, E. Iu. (2013) *Biografiia kak sotsial'nyi fenomen i ob'ekt sotsiologicheskogo analiza: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk: 22.00.01* [Biography as a social phenomenon and object of sociological analysis: author's abstract. ... doctor of social sciences: 22.00.01], Moscow.
- Stark, O. (1991) *The migration of labor*, Cambridge: Basil Blackwell.
- Trotsuk, I. V. (2015) Pomnit' ili zabyt': znachenie vybora dlia proshlogo i nastoiashchego [Remember or forget: the meaning of choice for the past and present], *Sotsiologicheskii zhurnal*, Vol. 21, no. 1, pp. 164—177.
- Trudoliubov, M. (2015) *Liudi za zaborom. Chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii* [People behind the fence. Private space, power and property in Russia], Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Сведения об авторах / Information about the authors

Олег Борисович Божков — старший научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, *e-mail: olegbozh@gmail.com* (Senior Research Fellow, Head of the Research Center “Biographical Foundation”, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation).

Светлана Николаевна Игнатова — научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation).

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 17—30

LABYRINTH
2020. № 1. С. 17—30
УДК 81'42

УТРАЧЕНЫ И ПРИДУМАНЫ: МЕСТА И ВЕЩИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Н. Б. Граматчикова

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Уральский гуманитарный институт УрФУ, Екатеринбург, Россия,
n.gramatchikova@gmail.com

Статья предлагает вариант анализа репрезентации оставленных, покинутых семьей мест и фамильных вещей в (авто)биографических текстах, исследует их функциональность и семантическую наполненность в рассказах о прошлом. Высказывается предположение, что в качестве доминанты в текстах, сфокусированных не на образах близких людей, наблюдаются две тенденции. Первая тяготеет к структурированию текста воспоминаний вокруг пространственной доминанты (мир детства героя) и часто вызывает эффект «консервации» этого мира во времени. Вторая опирается на разнообразие вещного мира, представленного в (авто)биографиях в дескриптивной и нарративной повествовательных стратегиях. В семейной памяти отмечены яркие случаи антропоморфизации вещей (изжитая/неизжитая судьба), выделены их основные функции: идентифицирующая, симптоматическая, ролевая и др. При этом в текстах с документальной установкой сохраняется четкая привязка к предметной реальности, игнорирующая возможность выхода на уровень художественных деталей и символов. В качестве «минус-приема» указаны тексты, в которых повествование развивается в мире, замкнутом пространственно и аскетическом в плане материальном.

Ключевые слова: частная память, семейная история, семейные вещи, пространство, мир детства, артефакт.

LOST AND INVENTED: PLACES AND THINGS OF/IN THE FAMILY HISTORY

N. B. Gramatchikova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, n.gramatchikova@gmail.com
Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

The article offers a version of the analysis of the representation of abandoned places and family things in (auto) biographical texts. The author explores things' and places' functionality and semantic fullness in the stories about the past. It is proposed that if the texts are not focused on the images of close peoples, then there are two tendencies as dominants in them. The first one

© Граматчикова Н. Б., 2020

Ссылка для цитирования: Граматчикова Н. Б. Утрачены и придуманы: места и вещи семейной истории // *Labyrinth*. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 17—30.

Citation Link: Gramatchikova, N. B. (2020) Utracheny i pridumany: mesta i veshchi semejnoy istorii [Lost and invented: places and things of/in the family history], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 17—30.

tends to structure the text of memories around the spatial dominant (the world of the hero's childhood) and often causes the effect of "conservation" of this world in time. The second one relies on the material world's diversity and represents in (auto)biographies in descriptive and narrative strategies. In the family memory, bright cases of anthropomorphisation of things are marked ("things' fate"). Their main things' functions are identified: identifying, symptomatic, role-playing etc. In this case, in texts with a documentary setting, a clear link to the objective reality is preserved; they "ignore" the possibility of transformation into artistic images and symbols. Some texts where family narrative develops in a closed and ascetic space are considered as a specific way.

Key words: private memory, family memory, family history, family things, space, place of childhood, artifact.

Автобиографический текст тесно связан с самоидентичностью, которая в нем отражается и формируется. Жизненный путь может быть описан информантами и как история приобретений и роста, и как история утрат: уходят близкие, покидаются обжитые места, теряются нужные и любимые вещи. Задача данного исследования состоит в попытке анализа репрезентации в (авто)биографических текстах брошенных, оставленных, покинутых семьей мест и вещей, значимых для личной и семейной истории. Речь пойдет о функциональности и семантической наполненности образов вещей и мест в рассказах-воспоминаниях о прошлом. Каким образом повествование снимает или обостряет ощущение потери? Как воспоминания о вещах и местах превращаются в мотивы семейной и личной истории? Каким образом последние влияют на конструирование идентичности?

Материалом для исследования стали несколько текстов автобиографического характера, авторы которых принадлежат трем поколениям: рубежа XIX—XX веков, 1930-х и 1950-х годов, что вызвано желанием прояснить поколенческую зависимость модуса рассказа о местах и вещах, учитывая крайне напряженное отношение населения к вещам на всем протяжении XX века в России.

«История души» как «минус-прием»

Рассказы людей о себе и своей семье обычно структурированы с опорой на некоторые доминанты, в качестве которых часто выступают образы значимых близких. Прежде чем перейти к анализу пространственного и вещного мира автобиографических текстов, отметим тексты, созданные с помощью специфического «минус-приема»: в этом типе автобиографий образы близких занимают центральное место, практически вытесняя места и вещи. Общим названием для подобных текстов мог бы стать заголовок книги о Наталии Ануфриевой (1905—1990) — «История одной души». Эта книга принадлежит к ряду книг-воспоминаний, где стержневым моментом является углубленная (само)рефлексия духовного пути, взросления и личностного становления автора: аресты, тюрьма и высылка приводят к тому, что возможность относительной свободы выбора места жительства обретается Н. Ануфриевой лишь к старости и даже последние годы жизни она вынуждена делить коммунальную квартиру с душевнобольной соседкой.

Часто подобные тексты создаются людьми, долговременно находившимися в особом локусе, резко ограничивающем передвижения и не предоставляющем свободы выбора встреч. Так происходит и в документальной повести Марианны Веховой (Герbst) (1937—2013) «Бумажные маки» (1999): детство героини ограничено стенами костно-туберкулезных больниц, где она месяцами лежит, закованная

в гипсовый корсет¹. Тексты объединены и общим типом подчеркнута аскетического пространства. В повествованиях Веховой и Ануфриевой вещей предельно мало, а те, что есть, используются не по выбору героинь, а вынужденно. Это вынужденное пользование случайно доставшимися в собственность вещами иллюстрирует болезненный эпизод из воспоминаний Н. Ануфриевой о «теплом ватном завшившем одеяле» ее матери, которое вначале было ими с брезгливостью вынесено в сарай, но вскоре, с наступлением холодов, вернулось в пользование [Ануфриева, 2009: 225].

В таких текстах, где знаки материальности мимолетны, близкие люди «наиболее живы» для авторов. Образы родных, значимых для авторов воспоминаний, представлены не просто многогранно, но в «пожизненном» развитии: отношения с ними длятся всю жизнь, составляя одну из напряженных линий становления авторов, иногда вопреки разлуке в «здешнем мире». Так, «повесть о детстве» М. Веховой посвящена памяти «безвременно ушедших родителей: двадцатитрехлетней маме, погибшей в ссылке, и тридцатилетнему отцу, пропавшему без вести в народном ополчении под Ржевом» [Вехова, 2002: 5] — и представляет собой поэтапное проникновение в их судьбу, десятилетия длящуюся попытку понимания их опыта уже с позиции взрослого человека (например, постижение акта самоубийства матери верующей дочерью). Письма матери, книги отца по астрономии и его очки с толстыми линзами — вот те «магические кристаллы», сквозь которые Марианна Вехова пытается разглядеть и воссоздать их облик. Наталия Ануфриева по мере своего духовного взросления разгадывает загадку мучительного для них обеих поведения больной матери спустя много лет после ее смерти, произошедшей на глазах дочери, в холоде, голоде и нищете.

Подобные тексты заслуживают отдельного анализа, мы приводим их как важный пример реализации «минус-приема», на фоне предметно-локальной аскетики которого легче разметить смыслы, важные для огромного большинства поэтиному организованных (авто)биографических повествований.

«Место души»: локусоцентричные тексты

Гораздо чаще движение документальных повестей и воспоминаний о детстве направлено в сторону реконструкции того мира, которого уже нет в реальности, но который определил детские годы автора и остался ему дорог. Тексты, где ведущей является именно эта стратегия, можно условно назвать *локусоцентричными*² (здесь и далее выделения курсивом мои, орфография и пунктуация цитируемых документов сохранены. — Н. Г.), они свидетельствуют о возможной власти места над человеком и часто невероятно трогательны.

Яркий пример — «Воспоминания о детстве» (2005) Натальи Введенской (1913—2015), ученого-геолога, «королевы Вишерских алмазов». Введенская рассказывает о своих родителях и предках, но гораздо больше — о тех местах, где укрылась их семья, «измученная холодной и голодной московской зимой» 1918 года. Эти годы навсегда остались в ней как время семейного счастья и первых

¹ В данном случае речь идет о сложном жизненном опыте, но все же не дающем возможности однозначно отождествить его с травматичным, экзистенциальным опытом пребывания людей в трудовых, исправительных и концентрационных лагерях, как это происходит в текстах П. Леви, В. Франкла, Е. Керсновской и др. И Ануфриева, и Вехова рассказывают о своей жизни как о цельном событии, а не о возможности/невозможности выжить в нечеловеческих условиях.

² Повествования о местах (локусах и топосах) в художественных текстах имеют развитую традицию филологического анализа (Ю. Лотман и др.). О терминологическом разнообразии при обозначении пространственных объектов, см. напр., [Суботина, 2011].

самостоятельных детских воспоминаний: «В бушующем море гражданской войны, голода и разрухи мои родители чудом находили небольшие островки затишья и на них старались сохранить и укрыть нашу маленькую семью» [Введенская, 2013: 4]. Часть высказывания Введенской принадлежит не к вербальному, а к визуальному ряду: среди десятков черно-белых, плохо различимых фотографий-иллюстраций лишь семь показывают лица ее родных, остальные же представляют собой пейзажные снимки тех мест. Сами фото (подписанные, к примеру, так: «Ребятишки и гуси по дороге в село Троицкое у деревни Рековичи» [Введенская, 2013: 47]) становятся для нее наглядным подтверждением правдивости ее воспоминаний, реальности мира, о котором она пишет: «Через много лет я снова *вернулась за воспоминаниями о прошлом* на эту дорогу. Снова увижу здесь, на том же месте, стадо гусей и стерегущих их босоногих ребятишек. Но не было серой лошадки с тарантасом на этой горе, не было моих родителей, не было маленькой хвастливой девчонки. В память о них, в моем альбоме теперь лежит фотография *той самой* крутой дороги с горы, *других* белых гусей и *других* босоногих ребятишек на *старом* месте в низине около ручья» [Введенская, 2013: 46—47]. Место, где и живые объекты (гуси и дети) являются частью пейзажа, пройдя испытание новым (последним?) посещением, вечно остается тем же, безвозвратно уходит лишь время автора. Как мы видим, здесь *другие* гуси и *другие* дети становятся *заменой*, но не подменой прежних на старом месте, удостоверяя одновременно и неизменность места, и невозвратность времени³.

«Место души» важно запечатлеть и людям, для которых практика саморефлексии не является частью профессиональных умений, как у кандидата геолого-минералогических наук Н. Введенской. В автобиографии Марии Сигитовой (1932 г. р.), потомственной семиреченской казачки, наряду со скрупулезным воссозданием деревенского быта мы находим подлинный гимн родному Иссык-Кулю, оставленному ею в 1990-е годы, как она думает, навсегда⁴: «Жила я на берегу голубого Иссы-Куля (так! — *Н. Г.*). Где Господь создал рай на земле. Там не холодная зима и не жаркое лето. Горный, чистый воздух. Экологически чистое место. Из окон моего дома было видно голубое озеро. Я часто стояла на веранде, когда было полнолуние, любовалась, как огромный огненный шар плывет по голубому небу, усыпанным крупными звездами. И казалось, что луна купается в озере. Ночи светлые, хоть иголки собирай. А зори какие там красивые, не описать, надо видеть. Когда на усадьбах сады фруктовые цветут, воздух наполнен запахом цветущих садов. Осенью запахом фруктов. Во сне, я часто вижу себя молодой. Стою на берегу. Муж и сын стоят в озере против друг друга и плещут воду руками. А поехать туда я больше никогда не смогу. И никогда не окраплю его могилу своими слезами» [Сигитов, 2016-1: 10]. Место фотографии родных мест здесь занимает сон, возвращающий родину, молодость и семью.

Жизнь на Иссык-Куле видится М. Сигитовой утраченным раем: прекрасный климат, богатая природа, щедрая земля («И земля там — как пух! До того хорошая!»), вкусная вода («Какая там вода! Не напьешься! Володя наш, помню, приехал. <...> По камушкам бежит вода. Он сидит и плачет. Плачет и говорит: не напьешься этой воды, никогда не напьешься!»), необыкновенно сладкие фрукты («Если б ты покушала нашу грушу, ты б сказала: я больше такого вкуса нигде не чувств... нигде не знаю. Ой, какие у нас груши! Губы слипаются! Сладкие-сладкие!»), любимые занятия («И я так любила эту рыбалку, что вот до сих пор думаю: Господи,

³ Вообще эффект дистанцирования от себя прежнего свойственен многим пишущим о собственном детстве и побуждает их говорить о себе в третьем лице. Так, геолог Н. Введенская именуется себя «маленькой фантазеркой», «хвастливой девчонкой»; историк И. Нарский — «мальчиком» [Нарский, 2008], Кочегарова — «девочкой» [Кочегарова, 2015] и т. д.

⁴ Выражаю искреннюю признательность Инне Эльстон-Бирон (Гоголевой) и ее родным за предоставленные материалы из семейного архива.

хоть бы сейчас вернулось это детство (смеется) с неводом!» [Сигитова, 2016-2]), — все это создает эстетически яркий образ утраченной малой родины.

Эффект *консервации* в репрезентации мира «малой родины» зависит, как нам представляется, от многих причин, в числе которых и частотность посещения в другом возрасте, и причины отъезда, и др. Ярко этот *останавливающий время* эффект проявляется в рассказе Стальды Наварской (1932—2013) о нескольких детских годах, проведенных в г. Березове, где ее отец занимал должность секретаря Березовского райкома ВКП(б) в 1934—1937 годах, сразу после известного Казымского восстания⁵. Восстанавливая насыщенный реалиями образ счастливой семьи (запах распаренных в печи кедровых шишек, сотни самолепных пельменей из олеины, звуки патефона и голоса летчиков, блестящие бока горячего самовара, смешно искажающие предметы), который вскоре будет разрушен арестом отца, С. Наварская, образованная, активная и успешная женщина (инженер Уралмашзавода, одна из изобретательниц популярной стиральной машины «Малютка»), спустя 80 лет после тех событий, объясняя причины гибели группы Астраханцева у священного озера Нумто, транслирует дискурс советских времен: «...Шаманы объявили волю духов — убивать русских и обещали поддержку белой армии, которая, якобы спешит им на помощь с севера по Оби» [Наварская, 2018: 18]. Сохраняя верность памяти отца-коммуниста [Граматчикова, Енина, 2015], здесь она отвергает возможность увидеть те события с новой возрастной позиции, хотя текст «проговаривается» знанием о более сложной природе конфликта: «Когда мы в марте прибыли в Березов, повстанцы были подавлены и рассеяны по тундре. Но опасность еще присутствовала. С запада, из Коми-Пермяцкого округа *восставшим могли оказать помощь многочисленные репрессированные и раскулаченные, сосланные в лагеря. Обстановка готова была взорваться в любой момент!*» [Наварская, 2018: 20].

Кроме практики избегания новой позиции, сохраняющей неизменный взгляд на прошлое, в автобиографических текстах возможны более сложные формы работы со временем. Находясь на значительной временной дистанции от детских лет, автор зачастую уже знает, как сложится в дальнейшем судьба любимых мест, но в своем тексте (даже более, чем в памяти!) он волен удерживать их в любом временном периоде. Так, например, Введенская описывает свое посещение благословенной для нее когда-то Орловщины. Зная, что церковь села Троицкого, где служил священником ее дед, разрушена, дом давно сожжен, фруктовый сад зарос бурьяном, она приходит туда за горстью земли из церковной ограды, утверждая в будущем (!) времени: «На мое счастье, в свои детские годы, я *застану нетронутым дом священника в Троицком. Буду качаться в гамаке под вишнями* в маленьком фруктовом садике рядом с этим домом. Бабушка Евдокия Алексеевна и крестная *будут баловать* меня пастилой и вареньями. А вечером старые руки моего дедушки священника *будут крестить меня перед сном*» [Введенская, 2013: 13]. Эта возможность авторского произволения по отношению к тексту своей жизни, выбор устойчивой временной позиции, важной для идентичности пишущего, дает автору биографии свободу перемещения по шкале памяти о времени, а через это — способность почувствовать себя и актором, и творцом собственной жизни.

Свидетели и атрибуты прошлого: вещи в дескриптивном повествовании

Множественность присутствия вещей в повествовании о семейной истории кажется самоочевидной ввиду погруженности семейной жизни в мир материального; полифункциональность их использования отмечалась исследователями, в основном историками и социологами [Сулейманова, 2010: 75; Елютина, 2014].

⁵ О современных интерпретациях причин восстания см., напр., [Ерныхова, 2003; Пиманов, Пилюков, 1999] и др.

Автобиографическое повествование, описывая обыденное и повторяющееся, тяготеет к *дескриптивной* повествовательной стратегии [Чвырь, 2015: 48]. Так происходит и в том случае, когда рассказчик хочет поведать о практиках хозяйствования ушедшего времени: «Но мама зерно не брала, а вот там у них дергалчак был такой вот, два каменных этих круга, и вот, вот так зерно пожаришь, сыпешь туда, а круги эти размалывают, назывался толкан» [Сигитова, 2016-2]. В таком случае вещи в повествовании равны сами себе, они не наращивают дополнительной семантики, но выполняют роль *атрибутов* иной, ушедшей эпохи: такова большая часть повествования М. Сигитовой, где она подробно живописует сельский быт и обстановку времени своего детства: тяжелую постель из самотканого полотна, рыбацкий невод, кирпичи из кизяка и др. Приметами военного времени у С. Наварской становятся стук деревянных подошв, самодельные самокаты, кукольная мебель из «баклушек», бирки (талоны) на валенки и др.

Пребывая в семье долгое время, становясь «узлом семейной памяти», вещи *антропоморфизируются* в автобиографическом тексте. Концепция «культурной биографии» вещей, разработанная А. Аппадурои и Ф. Копытофф, вполне находит подтверждение в текстах воспоминаний. При этом вещи, прожившие полноценную, долгую жизнь рядом со своими хозяевами (т. е. «изжившими долю»: на наш взгляд, здесь вполне уместна продолжающая антропоморфизацию аналогия с фольклорным представлением о доле и судьбе), упоминаются нечасто: «Привезли из Тюмени мечту моей мамы, сбывшуюся только перед войной, предмет ее гордости — комод, и стол с толстыми точеными ножками, сопровождающий семью во всех переездах. Сейчас он, распиленный пополам, стоит в гараже»; «Украшением нашего скромного жилища было зеркало-трюмо, в первозданном виде украшенное шикарной деревянной резьбой, но ввиду частых переездов, с целью удобства транспортировки, резьба была, к сожалению, отпилена. В голодное время войны мамина подруга тетя Лиля уговаривала продать ей это зеркало. Но мама держалась до последнего, пытаясь сохранить нашу единственную ценную вещь, как воспоминание о прежней мирной и счастливой жизни и как память об отце. Сейчас оно висит в нашей прихожей и, кажется мне, что хранит в себе образы моих дорогих родителей» [Наварская, 2018: 124, 125]. В обоих случаях описана старость вещи, при этом возраст может как понижать (стол в гараже), так и повышать ее статус (зеркало).

Гораздо чаще память информанта удерживает вещи, бытие которых в семье было прервано. Ситуация «неизжитой доли» воспринимается как не законченная не только для человека, но и для вещи: вещи с *«оборванной судьбой»* (украденные, утраченные и др.) помнятся дольше. М. Сигитова рассказывает о хромовых сапогах отца, забранных при раскулачивании: «Ну, и забрали его, а у нас всё описали. Всё-всё. И всё забрали. И он эти сапоги, сволочь такая, я сидела и меня вот так вот слезы текли, как щас вот помню, он свои старые снял. Поставил, а отцовы сапоги одел и ушел» [Сигитова, 2016-2]. И напротив, вещь, *возвращающаяся* к владельцу, почти всегда обретает особенный статус: «Как ни невероятно это звучит в настоящее время, но жильцы, поселившиеся в нашей квартире после нашего отъезда, сохранили всю нашу обстановку и мамин рояль. Не умея играть на этом инструменте, они ухаживали за ним как за ребенком все эти годы. В холодные и голодные зимы 1918—1920-х годов, когда в квартире была минусовая температура, новые хозяева нашей квартиры постоянно укрывали мамин рояль одеялом и коврами, и он выжил» [Введенская, 2013: 7].

Таким образом, вещи, ярко проявившие свою индивидуальность, формируют многолетний «шлейф памяти», оставаясь актуальными участниками рассказов-воспоминаний спустя десятилетия. Именно здесь может происходить переход образности с уровня документальной фиксации на художественный либо символический уровень.

Вещи-идентификаторы: «пустые щи» и «мелкий жемчуг»

Вещи попадают в нарратив, служа важнейшим и наиболее частотным идентификатором имущественного положения семьи: ее нищеты — бедности — достатка — богатства. Рваное одеяло Н. Ануфриевой — знак нищеты именно потому, что его невозможно вывести из постоянного использования. Проносившееся до дыр одеяло Степановых (родителей С. Наварской) становится препятствием для углубления социальных связей семьи, потерявшей кормильца: мать не разрешает Стальде приводить подруг в гости в такую убогую обстановку, повторяя: «У нищеты нет ни друзей, ни гостей» [Наварская, 2018: 124]. Введенская же, описывая гарнитур из оставленной московской квартиры, сделанный «из карельской березы теплого розовато-желтого тона», обитый «плотным зеленоватым шелком с цветами», с инкрустацией из цветного дерева и перламутра, делает вывод: «Судя по гарнитуру, и остальная мебель в нашей бывшей квартире на Фонтанке была очень дорогая и красивая. Мама рассказывала, что в моей детской вся мебель была сделана из белой березы, а на полу лежал белый пушистый ковер» [Введенская, 2013: 7].

Относительность рамки «богатство — бедность» может стать предметом отдельного исследования; отметим лишь, что, хотя информанты часто утверждают типичность своего имущественного/социального статуса («Не следует думать, что только мы жили в голоде и ужасающей бедности. Основная масса населения жила на том же уровне...») [Наварская, 2018: 136], с ним контрастирует частотный мотив *зависти* в рассказах о детстве. Для М. Сигитовой предел детских мечтаний воплощает велосипед соседского мальчишки; свою мечту она реализует с первой же взрослой зарплатой, заняв недостающую сумму у подруг. У Наварской зависть — часть рассказа о первом дне войны: «Начало войны встретили в лесочке, где сейчас станция метро “Уралмаш”. Я лежала на коврикe и завидовала владельцам гамаков. Отец с мамой ушли в киоск за пивом, а я услышала от проходящих мимо взволнованных мужчин слово “война!”» [Наварская, 2018: 65]. Н. Введенская вспоминает эпизод, когда она, решив похвастаться перед босоногими деревенскими детьми новыми лаковыми туфлями, едва не выпала из тарантаса [Введенская, 2013: 45].

Для людей одного поколения, переживших одни и те же исторические катаклизмы, «кривая благосостояния» может складываться прямо противоположным способом. Так, для автобиографий ровесниц — М. Сигитовой и С. Наварской — характерны параболические траектории описания благосостояния семьи через вещный мир. Мир М. Сигитовой мягче, социально гомогеннее: богатой их многодетная семья не была никогда, однако раскулаченные родственники смогли вернуться из ссылки, и семья, все время находясь на грани выживания, потеряла минимум своих членов. Ее повествование о советском послевоенном времени строится как «история вещей», шаг за шагом насыщающих пространство повседневного обихода: «Во время войны не было спичек, соли, мыла. Огонь сберегали в печке. Все время горел кизячок. Иногда перегорал. Ходили к соседям за горящим кизячком. Соль привозили из Кочкорки, черную заливали водой и все солили соленой водой. Когда осядет муть. Мыло варили из каустической соды и из внутренних жиров и кишок свиньи, когда резали на мясо» [Сигитова, 2016-1: 8]. «Послевоенные годы тоже были тяжелыми. Постепенно в магазинах стала появляться материя, мыло, соль, спички, обувь. Можно было купить что-то пошитое. У людей появились деньги. В 1950 году я стала работать. Сама себя обеспечивала. Справила постель. Купили железную кровать. <...> Постепенно люди обживались, появился в продаже каменный уголь, электричество, газовые плиты и балоны. В домах переделывали отопление. Русские печи оставляли только в летних кухнях. Потом и хлеб стали выпекать в духовках. Муку покупали. Все появилось в магазинах. Люди стали жить хорошо. Получать зарплату. А тут перестройка и началось великое переселение народа» [Сигитова,

2016-1: 8]. Как раз перед перестройкой материальное достигает, наконец, той точки насыщенности, в которой становится возможным любоваться природным — «Господним раем на земле». Перестройка ставит крест на общем поступательном движении вверх и ввергает ее семейный мир в хаос, усугубленный смертью любимого супруга.

Для С. Наварской ситуация складывается обратным образом: на обеспеченную семью партийного руководителя «как бич, упала Божья кара» [Наварская, 2018: 38], ввергнув ее в нужду и бедствия; затем самостоятельная профессиональная жизнь приносит Стальде хороший для тех лет уровень материальной обеспеченности (например, за изобретение стиральной машины «Малютка» она была премирована легковой машиной). Однако в автобиографической части «документальной повести» Наварской доминирует интонация перечисления невзгод и лишений (именно она создает ощущение «выговариваемой боли»). Подчеркивая бескорыстие отца-коммуниста, Наварская, тем не менее, включает в образ счастливой семьи ее материальное благополучие: и «самый большой в Березове» служебный дом секретаря РКП(б), и очевидный достаток, ведь вместе с родительской семьей в нем жили на попечении отца еще несколько родственников [Наварская, 2018: 28—29]. После ареста отца выселенная из дома семья вынуждена искать пристанище в маргинальных, нежилых зонах: в сторожке кладбищенского сторожа и даже в театре: «Спали в ложе на пыльных плюшевых, бордовых диванчиках. Утром ни свет, ни заря также бесшумно мы покидали свое пристанище» [Наварская, 2018: 49].

Память о вещах как симптом

В момент стрессовой ситуации происходит детальное запечатление в памяти сопутствующего вещного мира. В женских нарративах к стрессовым относятся ситуации поездок и переездов: у М. Сигитовой в памяти остаются сломанный во время первой поездки в московском метро каблук, купленные при переезде в Румынию новое пальто и ботиночки-«румынки». А вот переезд Степановых в предвоенный Свердловск: «Когда мы зашли в убогую, холодную нелепую комнату, мама села на чемодан и горько заплакала, предчувствуя, вероятно, сколько горя придется нам здесь пережить!» [Наварская, 2018: 124].

Через изменение отношения к вещам информант может догадаться о произошедших в нем изменениях. Так, Наварская объясняет притупленное восприятие нынешнего материального благополучия вступлением в новый возраст: «Я поняла, что бедному человеку ничтожный подарок судьбы приносит больше радости, чем преуспевающему дорогостоящее приобретение. Знаю по себе, с каким восторгом и гордостью надевала я пальтишко, перешитое из старого мамино и как спокойно-равнодушно отношусь нынче к новым приобретениям, будь то четвертый по счету телевизор либо дорогущая диван-качалка для дачи! А может быть это возраст?» [Наварская, 2018: 136].

М. Сигитова внезапную смерть мужа описывает через оставшуюся недособранной машину, а собственное потрясение — через частичную утрату контроля над вещами во время похорон: «Я не помню, че они там готовили, как готовили, ниче не помню. Ниче-ниче не помню. Только помню, одна у меня, одной фартук не хватило. Моей девчонке, которая у меня всё время помогала. Я ей пошла искать фартук. А у нас в сарае стоял шифоньер, старый-старый, а я все фартуки, которые заготовила, раздала, а ей не хватило. И она подошла, говорит: ой, Мария Антоновна, мне фартука не хватило. Я говорю: да я щас тебе найду, наверное, какой-нибудь еще. Она: да хоть старенький, чтоб память осталась о Николай Степаныче. И я пошла в этот шифоньер и нашла ей зелененький, красивый-красивый, новый такой, с этим, я сама шила, фартук. Вот это только помню, больше ниче не помню» [Сигитова, 2016-2].

Вещи «хранители», «предатели», «спасатели»

Природа взаимодействия людей и вещей в документальных автобиографических повествованиях несколько иная, нежели в художественных текстах: за всеми упоминаемыми вещами сохраняется сильная предметная референция, авторы как бы избегают указания на символические детали, хотя подобная интерпретация может буквально напрашиваться (например, можно говорить о сквозном мотиве яблоневого сада в воспоминаниях М. Сигитовой о муже; о символике имени Борис в документальной повести Наварской и др.).

Некоторые вещи получают особую ролевую нагрузку. Плотностью таких упоминаний отличается книга Наварской. В ее родительской семье есть *вещи-хранители*, к которым относится большой сундук, всегда переезжающий с семьей: «В сундуке находились не наряды и не ценные вещи, а семейный архив: мамы альбомы, дневники, письма отца, модные журналы, аж XIX века и т. д. Хранились там и бабушкины памятные вещи: коробка из-под конфет, подаренная женихом, его любовные письма, веночек из желтоватых восковых цветов, в котором она венчалась, фотографии начала века и др.» [Наварская, 2018: 125].

В неблагоприятные периоды дистанция между человеком и вещами сокращается и последние оказываются напрямую включены в перипетии семейной истории, а иногда определяют ее повороты. Кроме очевидных в своей жизнеобеспечивающей функции дров, еды и др., в нарративах представлены и другие вещи — «спасатели»⁶. Например, благодаря наручным часам мать и дочь Степановы получают возможность увидеться с отцом на вокзале перед отправкой на фронт: «У железного переходного моста стояла охрана и на платформы никого не пускала. Я до сих пор удивляюсь, как удалось маме вызвать отца для прощания. Она сказала охране, что он командир, и она принесла ему забытые часы» [Наварская, 2018: 66]. Часто роли «спасателей» выступает одежда. С. Наварская пишет об отцовской шубе-борчатке, пережившей с отцом тюрьму: «Моим любимым занятием было, роясь в густом длинном мехе, разыскивать потаенный карманчик, в котором отец прятал от регулярных тюремных обысков иголки и бритвы. Найти кармашек не всегда удавалось» [Наварская, 2018: 66].

Сложное, подчас амбивалентное отношение выделяет женские платья, спасающие семьи от голода. Эпизоды их продажи, полные внутреннего драматизма, есть у Введенской и Наварской. В памяти Введенской остается концертное парижское платье матери «из мелких блестящих чешуек»: отец долго избегал расставаться с ним («при отборе вещей на продажу или обмен, папа постоянно откладывал это мамино платье в сторону»); дело решил дядя, устроив на рынке небольшое представление: «Не платье, а конфетка! Налетай честной народ! Не пожалеешь!» «И он, как все потом говорили, очень выгодно обменял это платье на большой кусок мяса и буханку хлеба. После этого обмена, мама целую неделю варила вкусный мясной суп с чечевицей. Это были единственные дни той зимы, когда мы ели вкусный мясной суп» [Введенская, 2013: 32]. Неделя сытости — своеобразное «прощальное чудо» платья, эхо ушедшей благополучной жизни.

История Наварской дает иной контекст продажи платьев: ее мать после ареста отца вынуждена распродать свой привлекательный для многих местных дам гардероб. Платья, спасая семью, одновременно становятся свидетелями переживаемого унижения, что придает напряженность сцене продажи, ведь за ночной сделкой, дающей средства к жизни, следует дневное предательство: «По ночам, крадучись

⁶ Безусловно, одна из сильнейших позиций в рейтинге «спасателей» в воспоминаниях принадлежит книгам. Однако их содержание значительно расширяет функционал использования, поэтому книги образуют особую группу, с легкостью включаясь в интертекстуальные связи, и эта проблематика уже выходит за рамки данной статьи.

к нашему дому пробирались женщины. Несмотря на ужас перед кладбищем и страх наказания за связь с врагом народа, они приходили покупать подешевке что-нибудь из маминых нарядов. Днем же при встрече, шествуя в ее платьях, они делали вид, что с ней не знакомы» [Наварская, 2018: 43]⁷.

Документы сохраняют и память о *вещах-«предателях»*. При обыске у Б. Степанова, отца Наварской, находят «чугунный письменный прибор, подаренный отцу другом по фамилии Брудный, который уже сидел в тюрьме как троцкист»; в заявлении его жены (от 02.09.1938 г.) утверждается, что поводом к аресту стала кабинетная настольная ваза, принадлежащая Троцкому [Наварская, 2018: 40]. Заявление самого Б. Степанова свидетельствует, как самые обычные вещи становятся орудиями пыток, распространяя идею «банальности зла» и на вещный мир: в инструменты палачей превращаются листы бумаги, табуретки, спички, стекло лампы и др. [Наварская, 2018: 53—55].

Наследники: артефакты как реликвии

Позиция наследника считается наиболее пассивной. Например, при исследовании механизмов формирования памяти о войне известный историк Т. Хлынина исключает эту позицию из рассмотрения в виду ее малой информативности («...Я не вижу необходимости обращения к его полностью сконструированной памяти о войне»), оценивая наследника как «потребителя готового знания» [Хлынина, 2014: 53]. Однако наш материал свидетельствует о том, что если ситуация сохранения «семейных реликвий» ведет к понятной гордости [Сулейманова, 2010: 73], то утрата таковых, несомненно, меняет качество памяти и может спровоцировать семью «восстановить историческую справедливость». Вообще практики восполнения утрат, в том числе в отношении вещей — носителей памяти, широко распространены, однако здесь важно, что обычно человек приобретает вещь, *похожую* на дорогую ему, *вещь-напоминание*, но не подмену. Так, информантка (1952 г. р.) сетует в интервью: «Ну, я от бабушки получила кружевной шарф... раньше же всё приходилось выбрасывать, в 60-е года много людей переезжало в новые квартиры, а когда переезжаешь, нужно покупать всё новое. Сейчас, будучи работником музея, я вспоминаю какие-то вещи, подсвечник старинный, еще что-то и так жалко становится, что выбросили. <...> Еще я купила себе бусы похожие на те, что были у бабушки, потому что помню эту вещь с детства» [Т., 2016].

Однако существует и другая стратегия, которая предполагает «реконструкцию» утраченных ценностей (наград, имущества и др.). Именно так происходит во втором поколении семьи Сигитовых, где старший сын, осознав восстановление истории рода как свою миссию, по сути стал создателем «авторской генеалогии», соткав ее из реальных и литературных мотивов богатой истории семиреченского казачества. Характерно, что этот этнографически-генеалогический дискурс подкреплен созданием *целого ряда артефактов*, воспроизводящих «семейные вещи», которые, по словам главы семьи, были у предков, но оказались утрачены в результате исторических катаклизмов (как минимум два предыдущих поколения семьи по отцовской линии подверглись репрессиям и погибли). Таким образом, второе и третье поколения семьи в лице нынешнего главы, В. Сигитова (1950-х гг. р.), и его сыновей берут на себя ответственность за соединение «распавшейся цепи», восстанавливая в первую очередь «звенья славы», уравнивая большие и тяжелые страницы семейной памяти. Этот процесс косвенно связан и с «великим переселением народов» (М. Сигитова) — миграционными процессами,

⁷ Отметим, что «мужские вещи» у Наварской несут определенно позитивный заряд: даже новая военная форма отца, в которой он отбывает на фронт, откуда не вернется, сохраняет для нее привлекательность, выраженную в запахе.

вызванными развалом СССР, в результате которого семья В. Сигитова пережила не менее 19 переездов.

Артефакты, изготавливаемые В. Сигитовым, довольно многочисленны: часть из них, вероятнее всего, реплики реально принадлежавших семье вещей, другие явно носят авторский характер, который не скрывается, но и не афишируется автором-создателем, поскольку, согласно его видению развития семейного древа, эти «отростки» в скором времени привьются и станут неотличимы от аутентичных ветвей. На сегодняшний момент список возглавляет герб Эльстонов-Биронов (это новая «родовая фамилия», которую официально приняло третье поколение, 1980-х гг. р.) с детальным страничным описанием: «В голове щита в золотом поле черный двуглавый императорский орел. Поле щита разделено на 4 части: в первой — в красном (червленый) поле три серебряные (белые) стропила... во второй — в серебряном поле вензель последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского... в третьей — в серебряном поле обращенная черная волчья голова... в четвертой — в серебряном поле сидящий на пне черный ворон... <...> В центре малый щиток, где [в] красном поле золотой крест, опирающийся на золотую перевернутую луну под которой шестиугольная золотая звезда... Щит венчает графская Священно-Римской Империи Корона... Щит поддерживают два рыцаря в серебряных доспехах и красных плащах, с красными щитами в которых серебряные литовские кресты. <...>» [Сигитов]. Кроме того, семья приобрела медаль за Крымскую войну, орден Станислава 1-й степени, орден Владимира 4-й степени, медаль в честь 300-летия Дома Романовых и др. Героизация образа репрессированного деда нашла свое выражение в «наградном кинжале» Степана Григорьевича Сигитова, дарственная надпись на котором гласит: «Есаулу Степану Григорьевичу Сигитову-Эльстону в день рождения Генерал-лейт. А. Г. Шкуро 1944 г.». Согласно официальным документам, находящемуся сегодня в открытом доступе, адресата надписи в это время уже не было в живых.

В создании «копий», по мнению В. Сигитова, нет ничего предосудительного: его вера нуждается в овеществлении. Здесь он буквально следует аристотелевскому пониманию поэта, противостоящего историку, ибо «задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что *могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости*» (Поэтика, IX). Одним из его недавних шагов, логично продолжающих описанный процесс, стала установка новой надгробной плиты основателю рода, надпись на которой гласит: «Сигитовъ-Эльстонъ Федоръ Павловичъ (Теодоръ-Казимиръ-Августъ) хорунжий Лейбъ-гвардіи Сводно-Казачьего полка собственного Е. И. В. Конвоя род. 1864 ум. 1930», закрепляя принятую сегодня семьей концепцию семейно-родовой истории.

Итак, оставленные семьей места и вещи оказываются значимыми мотивами формирования повествований о семейной и личной истории. Обычно они находятся в отношениях или/или, т. е. автор нарратива/описания тяготеет либо к пространственному, либо к предметному образу прошлого. Образ покинутого семьей места обретает черты «утраченного рая» и осуществляет возможность «остановить мгновение», открывающуюся автору (авто)биографии. Также автор волен выбрать любой временной отрезок своей жизни в качестве эмоционального камертона, проявляя таким образом активность своей позиции. Одновременное же пребывание в тексте в разных временных пластах в качестве ребенка — взрослого — пожилого человека требует развитых практик рефлексии и сформулированного отношения к сложным событиям семейной и общей истории.

Предметный мир (авто)биографических повествований отличается большим разнообразием и иерархией функций и ролей. Длительные периоды бедности населения в XX веке отечественной истории приводят к тому, что процессы антропоморфизации вещей идут не только динамично, но и напряженно, вызывая подчас неожиданные формы активности разных поколений семьи по отношению к семейным вещам и реликвиям. Все это свидетельствует о том, что работа по принятию всей полноты знания об истории семьи/рода находится в активной фазе и «маятник памяти», десятилетия удерживаемый в положении «забыть / не сохранять», движется в другую сторону, стимулируя авторские варианты семейных историй на основе предлагаемых массовой культурой образцов. Однако сам по себе процесс создания огромного количества доступных исследователям текстов воспоминаний обладает определенной терапевтической силой, позволяя «выговорить боль» и тем самым перейти, наконец, в позицию наследников, чья любовь и признательность не исключают трезвой оценки и рефлексии.

Библиографический список

Источники

- Ануфриева Н.* История одной души / сост. Е. Данилов, Е. Арндт, Д. Лосев. Феодосия: ИД Коктебель, 2009. 272 с.
- Введенская Н. В.* Воспоминания о детстве. Горнозаводск; Лысьва: Изд. дом, 2013. 96 с.
- Вехова М. Б.* Бумажные маки. Повесть о детстве. М.: Путь, 2002. 144 с.
- Кочегарова Г.* Воспоминания о матери, о детстве, о людях, живших рядом с нашей семьей: мемуары. Екатеринбург: Изд.-полиграф. центр УрФУ, 2015. 88 с.
- Наварская (Степанова) С. Б.* Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века: документальная повесть. Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 04.11.2018).
- Сигитов В. Н.* Интервью, 2016 // Личный архив Н. Б. Граматчиковой.
- Сигитов В. Н.* Герб // Личный архив Н. Б. Граматчиковой.
- Сигитова М. А.* Воспоминания, 2016 // Личный архив Н. Б. Граматчиковой.
- Сигитова М. А.* Интервью, 2016 // Личный архив Н. Б. Граматчиковой.
- Т.* Интервью. Екатеринбург, 2016 // Фольклорный архив УрФУ. Коллекция «Музейная субкультура».

Исследования

- Граматчикова Н. Б., Енина Л. В.* Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109—129.
- Елютина М. Э., Ивахнова А. Д.* Повседневные практики использования старых вещей // *Социол. исслед.* 2014. № 2. С. 107—115.
- Ерныхова О. Д.* Казымский мятеж: об истории Казымского восстания 1933—1934 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 160 с.
- Нарский И. В.* Фотокарточка на память. Семейные истории, фотографические послания и советское детство: автобио-историо-граф. роман. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.
- Пиманов А. С., Пиюков А. Н.* Волнения коренного населения на Казыме в 1930—1933 годах // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея*, 1998. Тюмень: Тюменский обл. краевед. музей, 1999. С. 75—90.
- Субботина Т. В.* Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение*. Вып. 57. 2011. № 24 (239). С. 111—113.
- Сулейманова О. А.* «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // *Труды Кольского науч. центра РАН*. 2010. № 2. С. 68—79.

- Хлынина Т. П. Рассказы о войне: детская память людей взрослого возраста // Былые годы = Bylye Gody. 2014. № 1 (31). С. 49—55.
- Чвырь Л. А. Устная традиция в письменном тексте: (о книге воспоминаний Г. Ш. Кызы Кармышевой) // Восток = Oriens. 2015. № 1. С. 42—52.

References

Sources

- Anufrieva, N. (2009) *Istoriia odnoi dushi* [The story of one soul], E. Danilov, E. Arendt, D. Losev (eds). Feodosiia: ID Koktebel'.
- Vvedenskaia, N. V. (2013) *Vospominaniia o detstve* [Memories of childhood], Gornozavodsk; Lys'va: Izd. dom.
- Vekhova, M. B. (2002) *Bumazhnye maki. Povest' o detstve* [Paper poppies. A tale of childhood], Moscow: Put'.
- Kochegarova, G. (2015) *Vospominaniia o materi, o detstve, o liudiakh, zhivshikh riadom s nashei sem'ei: memuary* [Memories of my mother, my childhood, and the people who lived next to our family: memoirs], Ekaterinburg: Izd.-poligraf. tsentr UrFU.
- Navarskaia (Stepanova), S. B. (2018) *Zhizn' odnoi sovetskoi sem'i v 30-e i 40-e gody 20 veka: dokumental'naia povest': rodoslovnaia odnoi vetvi semeistv Navarskikh, Vaisov, Zaporozhtsev* [The life of a Soviet family in the 30s and 40s of the 20th century: a documentary story: the genealogy of a branch of the Navarsky, Weiss, and Zaporozhets families], available from <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (accessed 04.11.2018).
- T. (2016) Interv'iu. Ekaterinburg, 2016 [Interview. Yekaterinburg, 2016], *Fol'klorny arkhiv UrFU. Kolleksiia «Muzeinaia subkul'tura»*.

Research

- Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2015) *Kniga o liubvi i vernosti: rekonstruktsiia obraza ottsa-kommunista v vospominaniakh docheri* [A book about love and loyalty: reconstructing the image of a Communist father in his daughter's memoirs], *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 109—129.
- Eliutina, M. E., Ivakhnova, A. D. (2014) *Povsednevnye praktiki ispol'zovaniia starykh veshchei* [Everyday practices of using old things], *Sotsiol. Issled*, no. 2, pp. 107—115.
- Ernykhova, O. D. (2003) *Kazymskii miatezh: ob istorii Kazym'skogo vosstaniia 1933—1934 gg.* [Kazym'sky revolt: about the history of the Kazym'sky revolt of 1933—1934.], Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- Narskii, I. V. (2008) *Fotokartochka na pamiat'. Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniia i sovetskoe detstvo: avtobio-istorio-graf. Roman* [Photo card for memory. Family history, photo of the message and the Soviet child: autobio of historio-count. novel.], Cheliabinsk: Entsiklopediia.
- Pimanov, A. S., Piiukov, A. N. (1999) *Volneniia koren'nogo naseleniia na Kazyme v 1930—1933 godakh* [The excitement of the indigenous population on the Plant in the years 1930—1933], in: *Ezhegodnik Tiimenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia*, 1998, Tiumen': Tiimenskii obl. kraeved. muzei, pp. 75—90.
- Subbotina, T. V. (2011) *Lokus, topos, urbonim, mikrotoponim: k voprosu o sodержanii prostranstvennykh poniatii* [Locus, topos, urbanism, microtoponyms: to the question about the content of spatial concepts], *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta. Filologiia. Iskusstvovedenie*, Vol. 57, no. 24 (239), pp. 111—113.
- Suleimanova, O. A. (2010) «Semeinye veshchi»: k interpretatsii poniatii [“Family things”: to the interpretation of the concept], *Trudy Kol'skogo nauch. tsentra RAN*, no. 2, pp. 68—79.
- Khlynina, T. P. (2014) *Rasskazy o voine: detskaia pamiat' liudei vzroslogo vozrasta* [Stories of war: children's memory of people of adult age], *Bylye gody = Bylye Gody*, no. 1 (31), pp. 49—55.

Chvyr', L. A. (2015) *Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste: (o knige vospominanii G. Sh. Kzyzy Karmyshevoi)* [Oral tradition in a written text: (about the book of memoirs of G. sh. Kzyzy Karmysheva)], = *Vostok = Oriens*, no. 1, pp. 42—52.

Сведения об авторе / Information about the author

ГраMATчикова Наталья Борисовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доцент кафедры русской и зарубежной литературы департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, *e-mail: n.gramatchikova@gmail.com* (PhD (Philology), Researcher Institute of History and Archaeology, Ural Branch Russian Academy of Sciences, Russian Federation; Department — Faculty of Philology Institute of Humanities and Art, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 31—39

LABYRINTH
2020. № 1. С. 31—39
УДК 070.4

ПУБЛИЧНАЯ (АВТО)БИОГРАФИЯ В ИНТЕРВЬЮ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОВОРЕНИЯ О МИГРАЦИИ

Л. В. Енина

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, enina.lidia@gmail.com

В статье рассматривается портретное интервью как публичный, медийный вариант (авто)биографии успешной личности. Методом дискурс-анализа выявляются закономерности развертывания темы географического перемещения как факта жизненной истории. Специфика медийной (авто)биографии проявляется в том, что в речи героев интервью факт упоминания о смене региона проживания в России не сопровождается рефлексией; развернутая аргументация присутствует только при сопоставлении столицы и провинции. Тема эмиграции в вопросах журналистов наделяется негативными эмоциональными смыслами, а в ответах личные профессиональные достижения поддерживаются смыслом *служения Родине*. Особое место занимает интервью от первого лица, в котором героем публикации выступает человек, чья история жизни вписана в историю страны.

Ключевые слова: (авто)биография, интервью, дискурсивные практики, язык СМИ, идентификация, эмиграция, депортация.

PUBLIC (AUTO)BIOGRAPHY IN THE INTERVIEW: DISCURSIVE PRACTICES OF SPEAKING ABOUT MIGRATION

L. V. Enina

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation, enina.lidia@gmail.com

The article deals with a portrait interview as a public, media version of successful personality (auto) biography. Method of discourse analysis reveals the patterns of the deployment of the topic of geographical displacement as a fact in life history. Media (auto) biography specificity is evident in the fact that in the speech of interview heroes the mention of the change of residence region within Russia is not accompanied by reflection; detailed argumentation exists only when the capital and the provinces are compared. The theme of emigration in journalists' questions is

© Енина Л. В., 2020

Ссылка для цитирования: Енина Л. В. Публичная (авто)биография в интервью: дискурсивные практики говорения о миграции // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 1. С. 31—39.

Citation Link: Enina, L. V. (2020) Publicnaia (avto)biografiia v interviu: diskursivnye praktiki govoreniia o migratsii [Public (auto)biography in the interview: discursive practices of speaking about migration], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 31—39.

endowed with negative emotional meanings, and personal professional achievements are supported by the meaning of service to the Motherland in the responses. A special place is taken by an interview from the first person, in which the hero of the publication is a person whose life story is inscribed in the great history of the country.

Key words: (Auto)biography, interview, discursive practices, Media language, identification, emigration, deportation.

На наш взгляд, тема миграции в российских СМИ задает определенный исследовательский горизонт ожиданий: тема будет развернута, в основном, в сторону трудовой миграции из бывших советских республик на территорию РФ, будут найдены пересечения с этнической проблематикой и исследовано формирование образа мигранта в зеркале СМИ. В данной работе мы не хотим оправдывать эти ожидания и предлагаем посмотреть на присутствие и развитие темы «миграция» в портретном интервью.

Портретное интервью представляет собой медийный, публичный вариант (авто)биографии. Конечно, (авто)биографические сведения о герое интервью нередко содержатся и в информационном, и в экспертном интервью, однако портретное интервью направлено на создание целостного образа собеседника. В таком интервью собеседником журналиста, как правило, выступает известная личность, достигшая высоких результатов в своей профессии. Эмоционально-психологический портрет собеседника, который рисуется в интервью, как правило, окрашен оптимистически. Это обусловлено тем, что «у аудитории есть потребность в информации об успешно действующих личностях» [Майданова, Чепкина, 2011: 67].

Вне зависимости от конкретного СМИ или журналиста, практически в каждом портретном интервью воспроизводятся повторяющиеся смыслы: журналисты дискурсивно «прикрепляют» своего собеседника к трем ведущим идентификациям — профессии, семье и территории. В данной работе я пытаюсь обнаружить в публичном варианте автобиографии некоторую системность развертывания темы миграции — географического перемещения героя интервью. Предметом исследования послужили фрагменты интервью, в которых (авто)биографические сведения связаны с воспоминаниями о территориальных перемещениях личного или национального масштаба. Материалом для анализа послужили телевизионные интервью, вышедшие в эфир на Первом канале (программы «Наедине со всеми», «Познер») и канале «Культура» («Линия жизни»), а также публикации интернет-СМИ (Meduza; Snob.ru; Газета.ru) и интернет-версия издания «Российская газета». Материал собирался методом случайной выборки за 2013—2017 годы. То, что печатные и телевизионные интервью могут подвергаться сокращениям и монтажу, нами не учитывалось, поскольку важен конечный продукт, который получил массовое распространение.

Методологически мы придерживаемся концепции дискурса, предложенной Мишелем Фуко [Фуко, 1996], и пользуемся понятием «дискурсивная практика». Этот подход отличается от исследования речевой деятельности конкретного говорящего. Он нацелен не на проявления индивидуальности в речи, а, напротив, на общие места, общие правила конструирования определенных смыслов в исследуемом материале. Дискурсивные практики понимаются нами как коммуникативный опыт, привычка тем или иным образом говорить на определенную тему в определенных обстоятельствах. Дискурсивные практики «обнаруживаются эмпирически и остаются стабильными, опредмечиваясь в текстах» [Майданова, Чепкина, 2011: 14]. Выявление дискурсивных практик требует качественных методик анализа.

Перемещаясь по провинции: ничего интересного

Факт передвижения из провинции в столицу сопровождается объяснением, тогда как перемещение из одного региона в другой подается как естественный ход событий и не сопровождается комментариями собеседника. Также и журналист не придает значения переезду из региона в регион, не задает дополнительных вопросов и не останавливается на этом биографическом факте. Например, фигуристка Наталья Бестемьянова в программе «Линия жизни» перечисляет: «Родилась на Алтае, потом переехали в Краснодарский край» (Линия жизни, 2016. 7 окт.).

В автобиографических текстах повседневного дискурса, напротив, факт переезда, особенно в детском возрасте, обычно подвергается рефлексии и описываются внутренние переживания [Грамотчикова, Енина, 2015].

Географическая стабильность vs географическая мобильность

В текстах интервью тема миграции поднимается прежде всего в связи с профессиональными достижениями собеседника, поэтому если журналисту известно, что его собеседник родом не из Москвы, то следует вопрос о сравнении значения столицы и провинции для профессионального роста. Это требует от собеседника аргументации, почему он переехал (или не переехал) в Москву.

Поскольку эмоционально-психологический портрет собеседника в анализируемых программах создается исключительно в позитивной тональности, то, какие бы он ни назвал причины переезда или не переезда, это становится его позитивной идентификацией. Географическая стабильность апеллирует к авторитету, например Льва Толстого, как это делает драматург Николай Коляда: «Короче говоря, почему я остался в Екатеринбурге? Потому что Лев Толстой жил в Ясной Поляне — и она стала центром мира, вот и все. Остался в Екатеринбурге — и слава Богу. Мне там нравится, там хорошо». (Изба-рыдальня // Российская газета. 2016. 26 янв.). Напротив, географическая мобильность аргументируется рационально, с опорой на экономические доводы. Актер Сергей Пускепалис: «...основная деятельность связана с Москвой, потому что, к сожалению, в нашей стране все устроено именно так. Любимым делом я готов заниматься где угодно, но вариантов нет. Обидно ужасно, потому что я встречал в регионах много талантливых и прекрасных людей, которые бились головой о стену и не могли преодолеть косность, этот стереотип: “Ну что мы тут, в провинции, можем сделать, если все самое лучшее там, в Москве”. Я знаю потенциал этих людей и при этом понимаю, что на местах невозможно сделать то, что они хотели бы» (Горячее для надежных мужчин // Российская газета. 2013. 20 февр.).

В публичной (авто)биографии дискурсивные практики территориальной самоидентификации вступают между собой в конкуренцию относительно символической значимости провинции и столицы. В ответах дискурсивная местоположенность провинции наделяется противоположными оценками в зависимости от ценностной позиции. Провинция со знаком плюс или минус всегда предстает как отклоняющаяся от стандарта: или обилием талантливых людей, или лишенностью материальных ресурсов.

Журналисты, проблематизируя тему провинция — столица, сохраняют региональную идентификацию собеседников и называют их *сибиряками*, *уральцами*, *северянами*, а также присваивают им особые нравственные качества. Приведем фрагмент беседы ведущей Юлии Меньшовой с рок-музыкантом Дианой Арбениной (Наедине со всеми. 2013. 2 дек.):

Ю. М. — Вы выросли на Севере / и с каким-то вы огромным уважением говорите о людях / которые живут на Севере / что это такое / прям почти братство особое / люди которые жили на Севере.

Д. А. — Люди которые жили / наверно / потому что / я не живу там уже очень много лет / но в Магадане мы / кстати / в этом году были в сентябре / и я поняла / что все там / вот эта / вот эта породистость / которая была всегда в северных людях / она осталась.

Ю. М. — А что? Что особенное / в этой породистости?

Д. А. — Ну смотрите / тут такая ситуация / ведь изначально на Север ехали / а-а / люди / по разным причинам / некоторые ехали заработать денег / некоторые ехали за романтикой / некоторые ехали / допустим потому что кого-то сослали / ну и так далее и так далее / но все равно во всем этом был какой-то авантюризм. И когда его предельная масса достигла критической точки / это все превратилось все в такой / а-а / интересный контингент людей...

Нам кажется показательным этот ответ. Он фиксирует разные социальные группы, которые заметны в городском пространстве Магадана. Но обратим внимание, что происходит смена модальности: включение модального слова «допустим» указывает на неуверенность выделения в круге горожан группы бывших заключенных. Это говорит о том, что в обществе есть знание о насильственном перемещении больших групп людей и эта тема не является табуированной в журналистском дискурсе, но не развиты практики публичного говорения на эту тему, ей не придается ни личного звучания, ни общественной значимости. Причины приезда в Магадан обобщаются склонностью характера к авантюризму.

Эмиграция: как же все-таки так случилось?

Теперь обратимся к еще одному важному повороту в публичной (авто)биографии — к теме эмиграции как выезду из России на длительное проживание, обусловленному политическими, экономическими или другими причинами. В журналистском дискурсе актуален отбор публикаций с отрицательной оценкой выезда на постоянное жительство за пределы России. Перечислим только некоторые заголовки медиатекстов: «Тут тебя ненавидят сразу. История россиянки, поселившейся в Южной Корее» (Лента.ру. 2017. 15 мая); «Просто не мое место» (Сноб. 2017. 15 мая); «Разочаровавшись в жизни за рубежом, граждане РФ возвращаются в Россию» (Regnum. 2017. 9 марта); «Эмиграция делает из человека обезьяну» (Комсомольская правда. 2017. 17 февр.) и др. На этом фоне посмотрим, как в портретных интервью разворачивается тема эмиграции.

В интервью эту тему прежде всего поднимают журналисты. Герой интервью, рассказывая о себе, сам к ней не обращается. С нашей точки зрения, поскольку в портретном интервью есть задача создать положительный образ собеседника, вопросы об эмиграции играют роль углубления этого образа и выполняют функцию «неудобного» вопроса.

В нашем материале тема эмиграции присутствует в телевизионной разновидности интервью. В телеинтервью журналисты довольно единодушно реализуют одну оценку эмиграции — негативную. Показательным является вопрос зрительницы программы «Линия жизни» к Ирине Родниной, фиксирующий как бы «неблагоприятное стечение обстоятельств»: «Как все-таки так случилось / что вы все-таки решились уехать в Америку / и как она вас встретила / чему в результате научила?» (Линия жизни. 2015. 12 июля).

Для телеинтервью не приглашаются те, для кого выбор, эмигрировать или не эмигрировать, стоит в настоящем. В схеме успешной (авто)биографии, транслируемой на телеканалах, этот выбор отодвинут в прошлое: собеседником журналиста выступает человек, эмигрировавший в советское время, а сейчас реализующий свои публичные проекты в России, как, например, художник Михаил Шемякин. Владимир Познер в беседе с Михаилом Шемякиным уделил 19 из 52 минут интервью

обсуждению эмиграции, что подчеркивает высокую общественную значимость этой темы (Познер. 2016. 19 дек.). Речь в интервью идет о разных волнах эмиграции, их причинах и последствиях, подробно раскрывается случай вынужденной эмиграции самого Михаила Шемякина. Журналист привносит личное звучание в эту тему («Я сын эмигранта»); заостряет внимание на том, что у Шемякина американское гражданство, но живет он во Франции; спрашивает, справедливо ли, что обычно его представляют русско-американским художником, согласен ли он со словами Эрнста Неизвестного, что в эмиграции надо выбирать, какой ад лучше, и является ли для Шемякина Америка адом. Словом, Владимир Познер главной идентификацией своего героя выбирает статус эмигранта. Он не один раз фиксирует для зрителей неоднозначную, «плавающую» идентификацию Михаила Шемякина: он и американец, и русский, и кабардинец. Но эта неоднозначность снимается и, более того, приобретает позитивную окраску благодаря рассказу М. Шемякина о разговоре с Владимиром Путиным: «...А потом он (Путин. — Л. Е.) вслух сказал / слушай / я знаю / что у тебя американский паспорт / но не думай его менять / потому что всю жизнь ты служишь России / и какой у тебя паспорт абсолютно неважно. Это / вообще / даже печаталось в “Известиях”. Я эту историю бережно храню и / поскольку это была указка Президента / я ее выполняю».

Положительную оценку приобретает, конечно, не «плавающая» идентификация и не американское гражданство, а нейтрализующий их смысл «служить России». И. Сандомирская исследовала концепт «Родина» в отечественной традиции употребления и описала дискурсивные практики, структурирующие этот концепт, среди которых важен смысл сознательного служения Родине: «Сознательное отношение к Родине — это отношение убежденного коммуниста и свободного гражданина, добровольно отдающего свой труд на благо общества» [Сандомирская, 2001: 74]. В переданных М. Шемякиным словах Президента РФ Россия предстает не абстрактной категорией, а именно средоточием силы государства, и неясно, соглашается Шемякин с этой позицией или не соглашается, но в этом фрагменте он ее транслирует: творчество служит государству, работает на его авторитет. Хотя в дискурсе российских средств массовой информации коммунистическая идеология представлена только на периферии, смысл преданности Родине, понимаемой как государство, активно воспроизводится в подавляющем большинстве СМИ.

Когда речь идет об эмиграции, то в историю жизни, рассказанной на публику, включается государственный дискурс, личным достижениям придается государственное значение. Иными словами, *служением Родине* достигается оправдание факта переезда в другую страну. Еще одним примером этому будет фрагмент беседы Юлии Меньшовой с историком моды Александром Васильевым в программе «Наедине со всеми» (2015. 24 марта).

Ю. М. — В 1982 году вы уехали в Париж / причинами вашего отъезда / вы называете разные. [...]

А. В. — В ту пору шла война в Афганистане / и эта война стала причиной смерти огромного количества людей. Вы предпочли бы видеть Васильева живым / или в цинковом гробу? Спасибо за ответ!

Ю. М. — То есть вы бежали от призыва в армию?

А. В. — Безусловно / безусловно. **И я счастлив / что могу приносить такую пользу Родине / нежеле в виде разложившегося трупа где-то / в Туркменистане. Я думаю / что это так. И историк моды у нас один / и он перед вами.**

В журналистских вопросах географическое отдаление от границ России наделяется негативными эмоциональными смыслами. Возможно, это связано с тенденцией неофеодализма в официальной общественно-политической риторике, в русле которой особую важность приобрела «крепка к земле», понимаемой не только как малая, но и как большая Родина [Хапаева, 2017: 232].

В ответах мы видим большее разнообразие смыслов: негативная оценка эмиграции нейтрализуется за счет смысла «труд на благо Родины», а также присутствует ее позитивная оценка за счет другого смысла — свободного выбора места проживания: *«Однажды я попал в Нью-Йорк / влюбился в него с первого взгляда и понял / что я должен жить там хотя бы / для развития моего искусства»* (Познер. Интервью с Михаилом Шемякиным. 2016. 19 дек.); *«Я действительно русский режиссер / и был / и останусь / но это так сказать / место проживания / сейчас в наше время оно как бы не имеет большого значения. Я вообще считаю / что каждый человек имеет право на выбор климата»* (Наедине со всеми. Интервью с Сергеем Бодровым-старшим. 2016. 21 дек.).

У героев телеинтервью возможно выделить еще одну заметную стратегию в ответах на вопрос о причинах эмиграции — *как же все-таки так случилось*. В качестве объяснения используется такой «правильный» ответ, как объяснение этого случайностью: *случайно пригласили; согласилась, не думая, что получится; случайно приехал и остался*. Возможно, такие ответы вуалируют прагматические причины или позволяют замаскировать личный выбор волею сложившихся обстоятельств. То есть публичный вариант (авто)биографии при обращении к причинам эмиграции значительно упрощается, уплощается.

Эти смыслы служат маркерами разных дискурсивных практик, которые, совместно или раздельно, повторяются в ответах героев интервью при обращении к теме эмиграции.

Память о депортации: превращение в культурную память

Необходимо сказать об отдельной разновидности портретного интервью: в печати и интернет-СМИ получили распространение интервью, оформленные как рассказ от первого лица. То есть журналист формально не присутствует в тексте, авторская интонация сохранена, хотя заметно, что устная речь литературно обработана. Героями таких публикаций становятся люди, «чьи судьбы позволяют наглядно иллюстрировать социальные процессы. Эти персонажи, соотнесенные с конкретными биографическими личностями, одновременно манифестируют социальные типажии» [Чепкина, 2000: 137]. Рассмотрим интервью, посвященные теме насильственной миграции в советской истории. Информационным поводом для публикаций на такую тему служат, как правило, памятные даты: 23 февраля — день депортации чечено-ингушей, 18 мая — день депортации крымских татар и т. д. Благодаря таким публикациям индивидуальная память становится публичным достоянием и преодолевает границы семейного дискурса.

Так, накануне Дня памяти жертв политических репрессий, 29 октября 2015 года, информационный портал Meduza опубликовал текст «Люди, прошедшие через ад, становятся святыми» — о депортации латышей в Сибирь в 1941 году. Текст состоит из двух частей-воспоминаний. Первая часть — рассказ общественного деятеля, режиссера Дзинтры Геки об истории депортации ее отца и о работе организации «Дети Сибири». Вторая часть — рассказ Надежды Ариных о депортации ее матери (сама Надежда родилась в одном из лагерей Красноярского края). Оба повествования объединяет тип рассказчика — это представители второго поколения, которые в своих историях опираются на устные рассказы родителей.

Также объединяет эти два текста, равно как и другие подобные тексты, способ повествования: безэмоционально, сухо говорится о чудовищных фактах: *«Везли всех в телячьих вагонах. Мама говорила, что в вагоне было человек 70 или 80, в углу дыра — в туалет ходить. Там была женщина с грудным ребенком, у нее молоко пропало. Ему нашли какое-то варенье, развели с водой чуть ли не из лужи. Ребенок умер, и солдат его выкинул из поезда. И все»*.

В этих повествованиях о прошлом практики виктимности — описания пережитого страха, голода, скитаний — соседствуют с этнографическими зарисовками — идеализированным описанием разрушенного уклада жизни: *«Мой дед Эйженс Ариньи держал хутор неподалеку от границы с Литвой, в Гренцтале (Grenctāle). Бабушка моя Мария-Эмилия Витте Арине была очень образованная, она когда-то жила в Самаре, была гувернанткой и знала пять языков. У нее были братья Андрейс, Эйженс и сестра Элизабета. Дед был рачительный хозяин. Мама рассказывала, что он покупал спички и разрезал их вдоль — для экономии. Они держали даже двух работников, по-моему. Мама говорила, что за стол всегда сиделись все вместе».*

Этнический дискурс поддерживается описаниями быта, сохранения традиций в самых тяжелых условиях. Рассказ ведется от представителя этнического сообщества, и депортированные обозначаются этнонимом — *латыши, чеченцы, ингуши, немцы*. Завершаются такие рассказы похоже — возвращением в родные места или желанием (иногда так и не осуществленном) вернуться на историческую родину.

Несмотря на то что депортации народов — это часть общей советской истории, в публикациях СМИ этот опыт не переводится в сферу *нашего* общего опыта (см. также [Савкина, Розенхольм, 2016]). Даже дистанция по отношению к прошлому длиной почти в 70 лет оставляет описываемый опыт в пределах этнического круга. Сторона, которая проводила выселение, обозначается с помощью неопределенно-личных конструкций: *«Почти полмиллиона человек выгнали из своих домов»; «Везли всех в телячьих вагонах»* — или используются номинации, затемняющие преследующую сторону: *солдаты, военные, военнослужащие, конвоиры*.

Нам встретился только один текст, в котором рассказы от первого лица о пережитой депортации сопровождались анализом причин. Причины называет не журналист, а его собеседник — доктор исторических наук Муса Ибрагимов, сам потомок депортированных чеченцев. Он перечисляет четыре причины депортации: (1) *за сотрудничество с немецкими войсками и дезертирство*; (2) *чеченцы и ингуши могли примкнуть к туркам в войне с фашистами и стать «пятой колонной» для Красной армии*; (3) *сама политическая система Советского Союза и ее тоталитарный характер, при котором репрессии были неотъемлемой частью существования страны*; (4) *потребность Казахстана в рабочих на металлургических комбинатах*. Первые две причины воспроизводят советскую официальную идеологию, третья заимствуется из начала 90-х годов XX века, а четвертая причина носит экономический характер. Попытки рационального объяснения масштабного насилия на самом деле не поддерживают рассказанных историй и выглядят чужеродными в этом тексте. Но такого типа портретные интервью играют важную социальную роль и без глубокой аналитики: воспоминания о трагических событиях семейной и национальной истории включаются в структуру публичной (авто)биографии успешного человека, чей успех состоит в том, что он выжил в нечеловеческих условиях.

Таким образом, портретное интервью как публичный вариант (авто)биографии конструируется совместно: журналистом и его собеседником. Медийный портрет рисуется в позитивной тональности. Региональная идентификация собеседника получает развитие только при сопоставлении провинции и столицы. Тема эмиграции в журналистских вопросах единодушно наделяется негативными эмоциональными смыслами, а в ответах героев интервью наблюдается идеологизация: личные профессиональные достижения поддерживаются смыслом служения

Родине. Особое место в российских СМИ занимает интервью от первого лица, в котором героем публикации выступает человек, чья история жизни вписана в большую историю страны.

В заключение мы бы хотели сказать о распределении некоторых дискурсивных практик в зависимости от типа СМИ. Телевизионные СМИ принадлежат государству и корпорациям, главной задачей которых является обеспечение влияния на общественное мнение; на данный момент это самый мощный коммуникационный ресурс для трансляции смыслов жизненного опыта общественно значимой и успешной личности. В портретных телеинтервью заметны две практики говорения о миграции, которые почти не имеют вариаций в оценке со стороны журналистов. Первая — это позитивная региональная идентификация собеседника. Вторая — негативная оценка факта проживания за пределами России. При этом важным, на мой взгляд, является присутствие дискурсивных практик, поддерживающих смысл «право выбора места проживания».

Анализируемые интернет-СМИ имеют гораздо меньший охват аудитории, и степень их влияния на общественное мнение меньше. Однако их опыт говорения о памяти миграции в России нельзя считать ничтожным. Современные российские интернет-СМИ выступают, условно говоря, лабораторией по выработке новых дискурсивных практик осмысления миграции.

Эта статья не претендует на исчерпывающую полноту: естественно, что в поле нашего зрения попала лишь небольшая часть источников, в которых обсуждается тема миграции внутри России и из России.

Библиографический список

- Грамотчикова Н. Б., Енина Л. В. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109—129.
- Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 304 с.
- Савкина И., Розенхольм А. «Секрет ее успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 3—4. С. 22—25.
- Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50*. Wien, 2001. 281 S.
- Фуко М. Порядок дискурса // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь, 1996. С. 47—97.
- Хапаева Д. Рабские мечты об имперском величии // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 2 (144). С. 207—236.
- Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.

References

- Chepkina, E. V. (2000) *Russkii zhurnalistskii diskurs: tekstoporozhdaushchie praktiki i kody (1995—2000)* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes (1995—2000)], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Fuko, M. (1996) Poriadok diskursa [Order of discourse], in *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*, Moscow: Kastal', pp. 47—97.
- Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2015) *Kniga o liubvi i vernosti: rekonstruktsiia obraza ottsa-kommunista v vospominaniakh docheri* [A book about love and loyalty: reconstructing the image of a Communist father in his daughter's memoirs], *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 109—129.

- Khapaeva, D. (2017) Rabskie mechty ob imperskom velichii [Slave dreams of Imperial greatness], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (144), pp. 207—236.
- Maidanova, L. M., Chepkina, E. V. (2011) *Mediatekst v ideologicheskom kontekste* [Media text in an ideological context], Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet.
- Sandomirskaia, I. (2001) *Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the Motherland. Experience in analyzing discursive practices], Wiener Slawistischer Almanach, Wien: Sonderband 50.
- Savkina, I., Rozenkhol'm, A. (2016) «Sekret ee uspekha»: razmyshleniia o romane Guzel' Iakhinoi «Zuleikha otkryvaet glaza» [“The secret of her success”: reflections on Guzel' Yakhina's novel “Zuleikha opens her eyes”], *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, no. 3—4, pp. 22—25.

Информация об авторе / Information about the author

Енина Лидия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: enina.lidia@gmail.com (Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Stylistics of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 40—46

LABYRINTH
2020. № 1. С. 40—46
УДК 930

ВОСПРИЯТИЕ ЗАГРАНИЦЫ В МЕМУАРНОМ НАСЛЕДИИ УЗНИКОВ СОЛОВЕЦКОГО ЛАГЕРЯ

В. В. Умнягин

Москва, Соловки, Россия, solovki-news@yandex.ru

Описания заграницы в воспоминаниях иностранцев никогда не сводятся только к путевым заметкам или отвлеченному, лишенному внутренней рефлексии рассказу о реалиях «чужой» жизни. В той или иной мере это всегда сопоставление собственной и наблюдаемой социальной действительности, что видно на примере воспоминаний заключенных Соловецкого лагеря, часть которых бежала из советских ссылок и лагерей либо оказалась за рубежом после окончания Второй мировой войны.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий лагерь, мемуары, эмиграция, заграница.

THE PERCEPTION ABROAD IN THE MEMOIRS OF THE PRISONERS OF THE SOLOVSKI CAMP

V. V. Umniagin

Moscow, Solovki, Russian Federation, solovki-news@yandex.ru

Descriptions of abroad in the memoirs of foreigners are never limited only by a travel diary or abstract narrative about “alien” life, which lacks internal reflection. More or less it is usually a comparison of one’s native and observed social reality. It is obvious in the examples of memoirs of Solovetski Camp prisoners, some of whom either escaped from Soviet exiles and camps, or found themselves to be abroad after the end of the WW II.

Key words: Solovki, the Solovki camp, memoirs, emigration, abroad.

Упоминания заграницы в воспоминаниях иностранцев никогда не сводятся к географическому описанию или отвлеченному, лишенному внутренней рефлексии рассказу о реалиях «чужой» жизни. В той или иной мере это всегда сопоставление «своей» и наблюдаемой социальной действительности. Приобщение к иным формам общественного бытия становится актом самопознания, который может быть следствием как свободного выбора и благоприятствующих ему внешних обстоятельств, так и вынужденного пребывания на чужбине.

© Умнягин В. В., 2020

Ссылка для цитирования: Умнягин В. В. Восприятие заграницы в мемуарном наследии узников Соловецкого лагеря // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 40—46.

Citation Link: Umniagin, V. V. (2020) Vospriyatie zagranitsy v memuarnom nasledii uznikov Solovetskogo lagerya [The perception abroad in the memoirs of the prisoners of the Solovki camp], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 40—46.

Последнее напрямую касается узников Соловецкого лагеря особого назначения, которые в 1920—1930-х годах бежали из мест лишения свободы или оказались за рубежом в ходе Второй мировой войны. Из тюрем и лагерей за граница многим из них представлялась земным раем, местом божественного покоя, тогда как пребывание на Соловках, сама жизнь в Советском Союзе нередко воспринимались как сходжение в ад. «Неужели снова увижу мир Божий, близких друзей, другие страны, где нет чекистов, нет Соловков, страшной Секирки и тех ужасов, которые я там видел» [Грубе, 2015: 210], — задавал риторический вопрос латышский моряк А. Р. Грубе, отражая распространенное среди заключенных отношение к происходящему.

При подготовке к побегу зарубежные страны рассматривались как надежное убежище, причем такое, где можно было сохранить не только жизнь, но и присущие человеку убеждения. «Я просто спасал свою душу, не жизнь, а душу. Препятствий к побегу из ссылки и переходу через границу ведь никаких не было, кроме риска своею жизнью. Но я решил рискнуть и ею, ибо я человек слабый. Я боялся уступить, пасть, изменить истине, за которую боролся» [Польский, 1931: 108], — сообщал о причинах бегства из СССР протопресвитер Михаил Польский, подчеркивая духовную составляющую своего поступка.

Рассматривая зарубежье как пространство свободной мысли, торжества демократии, по прибытии за границу многие беглецы намеревались «отдать свою оставшуюся жизнь, знания и опыт на дело освобождения России от большевиков» [Маслов, 1936: 10], как это определял для себя бежавший в Финляндию сотрудник ОГПУ Н. И. Киселев-Громов.

На практике далеко не все державы охотно принимали русских беженцев, заботились об их устройстве и поощряли политическую активность. Беглецов нередко подозревали в шпионаже и подвергали продолжительным проверкам. «Финны любят подумать, — писал Ю. Д. Бессонов о неделях, проведенных в тюрьмах Финляндии. — Не могли решить, что с нами делать. Думала Кусома. Мы ели и спали... Запросила Улеаборг. Он ответил. Нас перевезли туда. Думал Улеаборг. Мы сидели в тюрьме. Улеаборг связался с Гельсингфорсом, подумал и Гельсингфорс. Ответил, и мы в столице Финляндии... Но... опять в тюрьме» [Бессонов, 2013: 507].

В ряде случаев обстоятельства жизни в той или иной стране не способствовали распространению сведений о Советском Союзе. Так, братьям Солоневичам пришлось приложить массу усилий для переезда на Балканы, где им, наконец, удалось развернуть широкую пропагандистскую и издательскую кампанию. «Финляндия как место проживания, несмотря на свою гостеприимность, их не устраивает: за полтора года с трудом удалось добиться разрешения для проведения публичных докладов, — сообщает о членах этой семьи биограф И. Л. Солоневича И. П. Воронин. — Хочется пробиться к эмигрантским центрам — Париж, Берлин, Белград, ну хотя бы София. Визу в Болгарию весной 1936 г. удалось получить при помощи однокашника Бориса — капитана Клавдия Фосса, имевшего определенный вес в Русском Обще-Воинском союзе... То, о чем в Финляндии не приходилось и мечтать, постепенно начинало приобретать реальные очертания. Речь шла, конечно, о своей газете, в которой без цензурных рамок можно будет рассказать всю правду о жизни в Советской России» [Воронин, 2014: 349].

Те, кто оказался в Европе по окончании Второй мировой войны, могли годами находиться в лагерях для перемещенных лиц, испытывая нищету и постоянный страх перед выдачей НКВД. Данной теме посвящена книга Б. Н. Ширяева «Ди-Пи в Италии», представляющая собой своеобразный путеводитель по Апеннинскому полуострову, который включает в себя многочисленные описания античных памятников, средневековых палаццо, торговых площадей, трущоб и пустырей, ставших пристанищем и местом скитаний для тысяч русских эмигрантов.

Тот же автор отмечал несправедливое, часто забюрократизированное отношение к его соотечественникам со стороны официальных властей и международных организаций. «Русскую очередь на получение виз в Аргентину вдруг сплошь заполнили сербы, правда, не какие-нибудь нищие братушки, а стажированные солидным взносом “на содержание комитета”, как разъяснил эту доктрину его глава оставшимся за бортом эмигрантского корабля российским недоумкам-мракобесам» [Ширяев, 1952: 139].

Собственные мытарства, которые можно считать типичными, литератор описал так: «в Чили сунулся — сантиметра роста не хватило, в Канаду — жена протанцевать перед врачом не сумела, в Австралию — лишние года оказались, так сказать, внеплановые... Теперь по инерции в США намереваюсь, но туда 20 кило веса недостает...» [Ширяев, 195: 235].

Отдельное место в воспоминаниях соловчан занимает критика русской эмиграции, воспринимавшейся ими чуждой по отношению к России частью зарубежного социума. «Кто во главе? Все те же злые старички со стажем, — писал Ю. Д. Бессонов, характеризуя обнаруженные им во Франции политические группировки. — Великая война... За ней две революции... Гражданская война... Все ими... не нами — ими создано и ими проиграно. Их просят: “Уходите!” Но нет! Они все ссорятся и думают: за ними вся Россия. За ними — никого. Так, по три человека... И уж, конечно, не Россия. Но это все отцы... Все главари, руководители... Все тени прошлого... Ни Запад, ни Россия; так — серединочка... Они уж доживают и не родятся вновь...» [Бессонов, 2013: 510].

Подобные выпады, естественно, вызывали ответную неприязнь. Филолог Е. Г. Сойни указывает, что «негативное отношение Бессонова к эмиграции привело к тому, что книгу нечасто цитировали в русской зарубежной периодике, а некоторые симпатии к коммунистам и красноармейцам настроили против автора монархистов» [Сойни, 2013: 449].

Еще более трагично сложилась судьба генерала И. М. Зайцева, покончившего с собой, в том числе из-за личных нападков, с которыми он столкнулся после бегства в Китай. За высокую оценку РККА и критику карьеризма в Белом движении его предали настоящей обструкции, обвиняя в «причастности к лагерю большевиков», что, впрочем, по заключению епископа Виктора (Святина), исследовавшего архив генерала, было «вымыслом злонамеренных людей и его злейших политических врагов — безбожников коммунистов» [Ганин, 2014: 170].

И все же, несмотря на известные издержки, отношение к приютившей их чужбине со стороны русских эмигрантов было скорее положительным. Совсем не случайно воспоминания С. А. Мальсагова завершаются «словами искренней благодарности всем (как финнам, так и русским), кто проявил к нам в Финляндии столько симпатии и участия. После зверской жестокости, пережитой в концлагерях, вопиющего эгоизма, черствости и непостижимого бессердечия, привитого большевиками несчастному народу России, прием, оказанный в Финляндии, тронул нас до глубины души» [Мальсагов, 2013: с. 444].

Среди положительных моментов беглецы подчеркивали царивший в Европе достаток, связывая с ним общий уровень культуры, гражданские свободы и уверенность, которую они наблюдали в поведении местных жителей. «Спокойные лица, все сыты, обуты, одеты...» [Бессонов, 2013: 508] — такова типичная характеристика представителей западного общества, которую в той или иной форме можно встретить на страницах практически всех воспоминаний. Даже представители животного мира приобретали специфическую маркировку, что видно по реплике 12-летнего А. В. Чернавина, бежавшего со своими родителями с одной из материковых командировок СЛОНа, после встречи с лосем: «Думаешь, это был финский лось, отец? Он был горд, как английский лорд, и достаточно спокоен. Уверен, что это был не советский лось» [Сойни, 2017: 299].

Контраст во внешнем облике граждан европейских государств и советских узников был настолько очевиден, что на него обращали внимание в случаях с заключенными, отбывавшими наказание в иностранных тюрьмах. Белорусский драматург Ф. К. Олехнович, которого после семи лет пребывания на Соловках обменяли на коммуниста Б. А. Тарашкевича, отбывавшего наказание в польской тюрьме, подчеркнул имеющиеся различия следующими словами: «Я уже различал лица людей, подходивших к нам. Впереди шел какой-то высокий мужчина в штатской одежде. С ним — с двумя полицейскими по бокам тот, кого польское правительство обменивало на меня... В этот момент я ощутил не только духовный, но и физический контраст между нами. Узник “капиталистического государства” имел на себе нормальную фетровую шляпу, хорошо скроенное осеннее пальто, безукоризненно начищенные туфли... Советский узник шел в стареньком порванном кожухе поверх соловецкого бушлата...» [Олехнович, 2012: 218].

Впрочем, отмечаемое мемуаристами изобилие и культурное развитие западного общества имело и свою обратную сторону. Иронизируя над «тяжестью» европейской жизни и обличая неспособность людей оценить доступное им благополучие, Б. Л. Солоневич предлагал устроить на Западе «санаторий в виде кусочка советского концентрационного лагеря», из которого, по его убеждению, «выходили бы неисправимые оптимисты, весьма довольные эмигрантской действительностью» [Солоневич, 1937: 39—40].

Резкий, как и в других своих оценках, архимандрит Феодосий (Алмазов) подчеркивал меркантильный характер западной цивилизации, абсолютно безразличной, по его мнению, к страданиям других народов: «Европа тогда только пошевелит пальцем, всколыхнется, зашумит, когда ей математически точно и ясно докажут всю гибельность коммунистического строя для современной экономики Европы. Ее нужно привести в ужас грядущей опасностью уничтожения капиталистической Европы. Что за дело Европе до восточно-христианской культуры, которая гибнет на наших глазах?» [Феодосий, 2015: 101].

Пребывание за границей, разумеется, влияло и на оказавшихся там людей. Несмотря на критическое отношение, рано или поздно все они адаптировались к окружающей действительности и вписывались в западный социум, что не удивительно, учитывая их воспитание и навыки выживания, полученные в условиях соловецкой каторги. Нередко свою повседневную деятельность эмигранты совмещали с литературным творчеством, что вообще можно считать особенностью русского менталитета, на которую обратил внимание В. Крейд в рецензии на соловецкие этюды В. Канева: «Вырвавшись на свободу, северные корейцы открывают овощные лавки, китайцы — рестораны, кубинцы занимаются решительно чем придется, поляки устраиваются на стройку или на заводской конвейер. Вырвавшийся на свободу россиянин начинает писать. Кое-как зарабатывает на хлеб насущный и пишет. Так было с первой эмиграцией, так было и со второй — дипийцами¹» [Крейд, 2017: 257].

Однако схожие модели поведения и склонность к художественному осмыслению прошлого не гарантировали тождественного отношения к происходящему. Свообразными антиподами здесь можно считать упоминавшихся уже Ю. Д. Бессонова и Б. Н. Ширяева. Дворяне, участники Первой мировой и Гражданской войны, до революции они жили и учились в Европе, куда вернулись вновь после бегства из СССР.

¹ Ди-пи (англ. displaced person) — перемещенное лицо. В XX веке так называли людей, задействованных в принудительном труде или вывезенных из стран своего проживания по расовым, религиозным и политическим мотивам, а также военнопленных Второй мировой войны.

По мнению историка М. Г. Талалая, благодаря Италии Ширяев окончательно сформировался как писатель и «несмотря на постоянный страх насильственной репатриации и полуголодное беженское существование здесь, в колыбели европейской цивилизации... ощутил и литературное призвание, и собственный дар» [Талалай, 2013: 196].

Бессонов, по заключению Е. Г. Сойни, наоборот, мастерски описал «резкую перемену, произошедшую в сердцах беглецов, когда они, наконец, достигли Финляндии. Первое, что произошло “за границей”, — потерялась цель, исчезла энергия» [Сойни, 2010: 92].

Потеря жизненных сил объясняется массой причин. Среди них можно выделить то, что, несмотря на достигнутую цель и внешнее благополучие, буквально всё за пределами Отечества казалось чужим, от формы зданий и устройства техники до звучания топонимов и запахов. На это указывал Г. Андреев, рассказывая в биографической повести о своем железнодорожном путешествии по Германии: «Промелькнуло приплюснутое здание, с надписью во всю стену “Корнхауз”. Я бы предпочел вытянутый в синь неба элеватор, где-нибудь в наших местах. И чтобы вместо этих аккуратных станций проплывали другие, скажем — Алексиково, Аксай, Зимовники. Чего стоит одна музыка слов! И не нужно бы этого пронзительного, такого европейского, поросячье-железного визга тормозов. Хорошо бы сидеть не в этой узкой крысоловке, а в нашем просторном вагоне. Покачиваясь, он неторопливо вез бы тебя по нескончаемым степям, пропахшим горечью полыни, ромашки, ковылем» [Андреев, 1959: 2].

Диссонанс между чувством благодарности, признанием высокого уровня европейской культуры, непримиримой критикой большевизма и неизбывной ностальгией по родным местам объяснялся не только внешними раздражителями, но и внутренним, в том числе религиозным, устройством русских беженцев. Хотя тот же Бессонов считал, что иностранцы «сухи, как-то черствы, впрочем, как и сам Запад» [Бессонов, 2013: 507], а Ширяев с большой симпатией отзывался о том, что «итальянцы любят и умеют легко жить» [Ширяев, 152: 50], оба мемуариста сходились в мысли, что «Запад, католический, а еще более протестантский, пытался и пытается обосновать свою веру в Господа рационально и рационально же, умственно, логически согласовать с нею свою личную и общественную жизнь. Мы же устремляемся к Богу не умом, но чувством и тем же чувством, сердцем, эмоцией вводим в свое миропонимание религиозное начало» [Ширяев, 2016: 130].

Последствия такого состояния души, мистическим образом связанной с духом, историей и пространством Отечества, описал Б. Л. Солоневич, передавая слова своего старшего брата о том, что «нам, русским, ни французами, ни немцами, ни болгарами все равно не сделаться. <...> И пока мы не вернемся на Родину, покоя нам не дано» [Солоневич, 193: 463—464].

Подводя итог, можно еще раз указать на то, что описание заграницы в воспоминаниях соловецких узников носит полифонический характер как с точки зрения разнообразия затрагиваемых аспектов, так и с точки зрения разброса оценок зарубежной действительности. Среди последних, во-первых, можно выделить чувство благодарности в адрес принимавших их стран и народов, которое было тем более острым и глубоким, что возникало на фоне абсолютно бесчеловечных порядков на Родине; во-вторых, вполне критическое отношение к обживаемому социокультурному пространству; в-третьих, нежелание ассимилироваться в западном мире, стремление к сохранению своей национальной идентичности и возвращению в Россию, разрыв с которой нередко вел к упадку моральных и физических сил.

Раем заграница, похоже, не стала ни для кого...

Библиографический список

- Андреев Г. А. Трудные дороги. Мюнхен: ТЗП, 1959. 157 с.
- Бессонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловки: Соловецкий монастырь, 2013. С. 451—514.
- Воронин И. П. Борис Солоневич, младший брат Ивана // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловки: Соловецкий монастырь, 2014. С. 342—355.
- Ганин А. В. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловки: Соловецкий монастырь, 2014. С. 162—171.
- Грубе А. Р. Рассказ человека с «того света» // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловки: Соловецкий монастырь, 2015. С. 194—211.
- Крейд В. Слово о «Сатаниаде» // Воспоминания соловецких узников. Т. 5. Соловки: Соловецкий монастырь, 2017. С. 256—258.
- Мальсагов С. А. Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловки: Соловецкий монастырь, 2013. С. 370—444.
- Маслов С. Предисловие // Киселев-Громов Н. И. Лагери смерти в СССР. Шанхай, 1936. 191 с.
- Олехнович Ф. К. В когтях ГПУ. Минск: Харвест, 2012. 320 с.
- Польский М., протопресв. Положение Церкви в советской России: (очерк бежавшего из России священника). Иерусалим, 1931. 122 с.
- Сойни Е. Г. Побег в Финляндию Юрия Бессонова // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 446—450.
- Сойни Е. Г. Побег ученых // Воспоминания соловецких узников. Т. 5. Соловки: Соловецкий монастырь, 2017. С. 298—303.
- Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 242 с.
- Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ: жизнь и борьба советской молодежи. София: Голос России, 1937. 464 с.
- Талалай М. Г. Русская судьба XX века: каторга, ссылка, изгнание // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловки: Соловецкий монастырь, 2013. С. 194—199.
- Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловки: Соловецкий монастырь, 2015. С. 73—103.
- Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. 302 с.
- Ширяев Б. Н. Путь русской веры: (к 60-летию кончины Н. С. Лескова) // Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. С. 130—133.

References

- Andreev, G. A. (1959) *Trudnye dorogi* [Difficult road], Miunkhen: TZP.
- Bessonov, Iu. D. (2013) *Dvadsat' shest' tiurem i pobeg s Solovkov* [Twenty-six prisons and escape from Solovki], in: *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 1, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 451—514.
- Feodosii, (Almazov), arkhim. (2015) *Moi vospominaniia* [My memoirs], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 3, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 73—103.
- Ganin, A. V. (2014) «Solovki» Ivana Matveevicha Zaitseva [“Solovki” by Ivan Matveevich Zaitsev], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 2, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 162—171.
- Grube, A. R. (2015) *Rasskaz cheloveka s «togo sveta»* [The story of a man from the “other world”], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 3, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 194—211.
- Kreid, V. (2017) *Slovo o «Sataniade»* [A word about “Satanize”], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 5, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 256—258.
- Mal'sagov, S. A. (2013) *Adskii ostrov: sovetskaia tiur'ma na dalekom severe* [Hell island: a Soviet prison in the far North], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 1, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 370—444.

- Maslov, S. (1936) Predislovie [Introduction], Kiselev-Gromov N. I. *Lageri smerti v SSSR* [Death camps in the USSR], Shankhai.
- Olekhnovich, F. K. (2012) *V kogiakh GPU* [In the clutches of the GPU], Minsk: Kharvest.
- Pol'skii, M., protopresv. (1931) *Polozhenie Tserkvi v sovetskoj Rossii: (ocherk bezhavshego iz Rossii sviashchennika)* [The position of the Church in Soviet Russia: (essay of a priest who escaped from Russia)], Ierusalim.
- Shiriaev, B. N. (1952) *Di-Pi v Italii. Zapiski prodavtsa kukol* [D. P. in Italy. Doll seller's notes], Buenos-Aires.
- Shiriaev, B. N. (2016) Put' russkoj very: (k 60-letiiu konchiny N. S. Leskova) [The path of the Russian faith: (to the 60th anniversary of the death of N. S. Leskov)], in *Brillianty i bulyzhniki: stat'i o russkoj literature*, SPb.: Aleteiia, pp. 130—133.
- Soini, E. G. (2010) *Solonevichi i Sever* [Solonevich and North], Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Soini, E. G. (2013) Pobeg v Finliandiiu Iurii Bessonova [Escape to Finland by Yuri Bessonov], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 1, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 446—450.
- Soini, E. G. (2017) Pobeg uchenykh [Escape of scientists], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 5, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 298—303.
- Solonevich, B. L. (1937) *Molodezh' i GPU: zhizn' i bor'ba sovetskoj molodezhi* [Youth and the GPU: the life and struggle of Soviet youth], Sofia: Golos Rossii.
- Talalai, M. G. (2013) Russkaia sud'ba KhKh veka: katorga, ssylka, izgnanie [Russian fate of the twentieth century: hard labor, exile, exile], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 1, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 194—199.
- Voronin, I. P. (2014) Boris Solonevich, mladshii brat Ivana [Boris Solonevich, Ivan's younger brother], *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, Vol. 2, Solovki: Solovetskii monastyr', pp. 342—355.

Информация об авторе / Information about the author

Умнягин Вячеслав Вячеславович — кандидат филологических наук, ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников (1923—1939)», Москва, Соловки, Россия, e-mail: solovki-news@yandex.ru (PhD (Philology), Executive editor of the book series «Memories of Solovki prisoners (1923—1939)», Moscow, Solovki, Russian Federation).

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 47—56

LABYRINTH
2020. № 1. С. 47—56
УДК 711

ПЕТРОЗАВОДСК — ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАНИЦ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛЕ ПРИСВОЕНИЯ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ

О. Ч. Реут, Т. П. Тетеревлёва

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург,
Россия, olegreut@sampo.ru

Северный (Арктический) Федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия, tat.tet2010@gmail.com

Исследуются практики конструирования и деконструирования границ, определяемых социетальными представлениями о формах сохранения наследия в современном городском пространстве. Историческое в городском контексте определяется не только сферой (вос)производства культурной памяти, но и усложняющимися взаимоотношениями практик повседневности и новых представлений об «общих местах», а зачастую и взаимопротиворечивыми обстоятельствами организации городской мемориальной культуры, формирующей локальные сообщества памяти.

Ключевые слова: публичная история, политика памяти, сообщества памяти, городская идентичность.

PETROZAVODSK AS A CITY OF MILITARY GLORY: CONSTRUCTION OF BORDERS IN THE URBAN SPACE AFTER THE AWARD OF THE HONORARY TITLE

O. Reut, T. Teterevleva

North-Western Institute of management Ranepa, Saint Petersburg, Russian Federation,
olegreut@sampo.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk,
Russian Federation, tat.tet2010@gmail.com

The paper discusses practices of construction and deconstruction of borders based on social imaginations of heritage in the modern urban space. It explores a case study of Petrozavodsk as a City of Military Glory, how communities practice public memory today and historically, the relationship of these efforts to social activism, and how public historians can be partners in this work.

Key words: public history, memory politics, memory communities, local identity.

© Реут О. Ч., Тетеревлёва Т. П., 2020

Ссылка для цитирования: Реут О. Ч., Тетеревлёва Т. П. Петрозаводск — город воинской славы. Конструирование границ в городском пространстве после присвоения почетного звания // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 47—56.

Citation Link: Reut, O. Ch., Teterevleva, T. P. (2020) Petrozavodsk — gorod voinskoj slavy: konstruirovaniye granits v gorodskom prostranstve posle prisvoeniya pochotnogo zvaniya [Petrozavodsk as a City of Military Glory: construction of borders in the urban space after the award of the honorary title], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 47—56.

Проведение символических границ и наделение их пространственно детерминированными маркерами выступает составной частью процессов конструирования коллективной идентичности. Эти процессы не стоит считать завершившимися и даже завершающимися; освоение пространства, подвижность сфер публичное — частное, национализируемое — приватизируемое, консенсусное — дискретное, включение в символические поля других масштабов, единожды начавшись, продолжаются с разной степенью интенсивности и открытости. Оформление символических границ разворачивается во времени, испытывает исторически предзаданные изменения, реализует потребность в смысловой наполненности общественного взаимодействия.

Нарушение и даже временная дисфункция идентификации приводит к возникновению помех во властно-общественной коммуникации, создает обстоятельства, препятствующие формированию устойчиво функционирующих социальных институтов и закрепляющие казусы разрывов в выработке и принятии коллективных решений. При этом изменения практик производства, распространения и конкуренции идентификационных идей — существенная составляющая трансформации материальной среды, которая нередко выпадает из поля зрения исследователей. Хотя, конечно, соотнесение идейно-символических и материальных проекций приходится учитывать при анализе практически всех институтов и процессов. В силу этого существует потребность в изучении не только содержания представленных в публичном дискурсе проектных альтернатив, но и меняющихся институциональных условий их производства и конкуренции.

В качестве инструмента описания в предлагаемой статье используется понятие публичной истории, указывающее на совокупность арен, где в открытом режиме обсуждаются исторические детерминанты социально (и политически) значимых проблем, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются групповые идентичности. Публичная история может быть локализована в различных объектах и сочетать разные форматы общения, как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем.

Кейс дебатов, инициированных присвоением г. Петрозаводску почетного звания «Город воинской славы», выбран авторами в качестве исследовательского поля для обсуждения того, как происходит конструирование границ в городском пространстве. Дескриптивный подход дает возможность проследить реальные изменения в публичной политике на местном уровне, оценить степень автономности публичной дискуссии от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов городского сообщества, ее фрагментированность, структуру каналов коммуникации (сочетание живого обсуждения и общения посредством медиа-сообщений, особенности циркуляции последних).

6 апреля 2015 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 178 «О присвоении г. Петрозаводску почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”» [Указ Президента ... , 2015] «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» карельской столице было присвоено почетное звание «Город воинской славы». Практически сразу представители городской интеллигенции приступили к обсуждению вопросов выполнения требований Федерального закона РФ от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”» [Федеральный закон ... , 2006], поскольку п. 1 ч. 3 статьи 2 «Особенности правового положения города, удостоенного звания “Город воинской славы”»

обязывает «установить стелу с изображением герба города и текстом указа Президента Российской Федерации о присвоении городу этого звания».

Одновременно возникла первая дискуссия на предмет обоснованности получения Петрозаводском звания, связанного с проявлением воинской славы. Прилагательные «воинский» и «военный» образуют паронимы, лексические значения которых соответственно определяются «связью с военным делом и военной службой» и «отношением к службе в армии, обслуживанием армии». Как правильно интерпретировать историю города в связке с тем, что «свойственно, подобающе войну» (воинская честь, воинская отвага)?

Основные позиции в дискуссии определялись тем, что во время Великой Отечественной войны оборона Петрозаводска велась на дальних подступах. Организованный отход воинских сил проходил при «отрыве от противника» [По обе стороны Карельского фронта, 1995], который 1 октября 1941 года вошел в практически пустой город [Оборона Петрозаводска].

Формулировка президентского указа — «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» — непосредственно не указывала на события начала Великой Отечественной войны, что, в свою очередь, открыло возможности для активации механизмов разобщения городского сообщества. Доминирование одних интерпретационных моделей стало неизбежно маргинализировать другие. Под влиянием конкуренции по поводу того, о каком периоде истории города надлежит говорить в связи с его защитой, происходила существенная трансформация публичного дискурса. Определялось это тем, что именно консенсусные, общепринятые представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современного петрозаводского сообщества.

Ситуация оказалась еще более сложной с учетом того, что первоначальный интерпретационный посыл исходил от имени государства; на протяжении последних лет общественного движения, ставящего целью добиться присвоения городу почетного звания, не наблюдалось. При этом стоит признать, что государство, не будучи единственным актором поля формирования политики памяти, заняло на нем особое положение. Оно попыталось реализовать возможность навязывать поддерживаемые им способы интерпретации исторической реальности путем правовой категоризации, властного распределения ресурсов. Указ российского президента как публичное высказывание стал для других участников коммуникации своего рода точкой отсчета. Вместе с тем доминирование интерпретации, указывающей на неуточненных защитников города и артикулированной высшим должностным лицом, не было предпринято. Пусть и относительно пассивное оспаривание существующего порядка — не менее важная часть символического вчитывания, чем его легитимация.

Довольно сложно судить о том, что, продвигая официально предложенную интерпретацию коллективного прошлого, президентская власть преследовала политические цели, которые не обязательно должны были быть связаны с официальной версией истории, они могли определяться запросом на мобилизацию электоральной поддержки на городском и/или региональном уровне, демонстрацией несостоятельности оппонентов, оправданием параллельно принимаемых управленческих решений. С другой стороны, возможность реализации этих целей существенно зависела от конфигурации уже сложившегося репертуара нарративов, представлений, образов, символов, которые выступали в качестве общего достояния всех участников публичного пространства и оказывались предметами реинтерпретации, присвоения и оспаривания.

Очевидно, что «пригодность» прошлого детерминировалась не только преследуемыми целями, но и наличным набором сложившихся у горожан представлений, связанных с теми или иными событиями и фигурами, которые, в свою очередь,

опирались на более ранние интерпретации прошлого, циркулирующие независимо от принятого властью решения. Более того, важнейшей опорой территориальной идентичности для петрозаводчан десятилетиями выступали образы архитектурных объектов, появившихся в городе до периода оккупации и существующих поныне. Именно они закрепились в массовом сознании, т. е. освоены посредством разных каналов социализации и позволяют конструировать представления об отсутствии крупномасштабных военных действий как при защите города осенью 1941 года, так и при его освобождении летом 1944 года.

В этой связи весьма показательным, хотя и категоричным представляется высказывание директора Национального музея Карелии: «Вопрос, с каких это шей Петрозаводску дали статус “Города воинской славы”, может задать только невежда, исторически неграмотный человек. Человек, у которого в историческом сознании есть проблемы с памятью и вообще с эрудицией. Я убежден, что нам надо начать большую разъяснительную работу, чтобы каждый житель понял, что это оправдано, этим надо гордиться. Я считаю, что сама история постучала в нашу дверь. История всегда может быть капитализирована. История помогла получить нам этот витамин успеха, в котором так нуждаются наши люди» [Гольденберг, 2015].

Вышесказанное позволяет сделать важное предположение о том, что вся более чем трехсотлетняя история Петрозаводска представляет собой хотя и богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием и реконструированием местной идентичности. Особенно тогда, когда научно-историческая интерпретация событий Великой Отечественной войны входит в противоречие с мифологизированной «борьбой за свободу и независимость Отечества». Привлекая прошлое для подкрепления своих идеологических конструкций, участники неожиданно начавшейся дискуссии работали и продолжают работать с ним в технике коллажа: они спешат заполнить контуры «удобной» в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов. При этом они мало заботятся о правдоподобности аргументов: вырванным из контекста устоявшихся нарративов символам прошлого приписываются радикально новые смыслы. Такая технология позволяет обозначить контуры усовершенствованной модели городской идентичности, однако не может обеспечить формирование устойчивых представлений о коллективном прошлом, настоящем и будущем, ибо исходно не была на это нацелена.

Вернемся к проекту установки стелы «Город воинской славы». Несмотря на определенную заданность и даже детерминированность властно-управленческих усилий по установке памятной стелы, реализация проекта столкнулась со значительным количеством препятствий, в которых нашла отражение неоднозначность актуальной политики памяти. Возникла целая последовательность вопросов: что должен закрепить объект мемориальной пропаганды, какие исторические точки и архетипы должны быть актуализированы, какие символы и практики коммеморации должны быть сконструированы, как вписать официально назначенный памятник в публичное пространство?

Первоначальная дискурсивная стратегия по малопонятным причинам в качестве исходного тезиса указывала на то, что «по положению о звании воинской славы, стела должна быть на квадратной площади». Однако Положение об условиях и порядке присвоения почетного звания РФ «Город воинской славы», утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 г. № 1340 «Об условиях и порядке присвоения почетного звания РФ “Город воинской славы”» [Указ Президента РФ ... , 2006], не содержит не только обязательных, но и необходимых и/или достаточных требований к месту установки памятной стелы.

Особенностью карельской столицы является то, что в городе всего пять площадей [Городские площади Петрозаводска]. Три площади — пл. Гагарина

(до 1961 года Привокзальная), пл. Ленина и пл. Кирова — расположены в центральной части города, но все они «заняты» соответствующими памятниками, и на них установка памятной стелы, имеющей стандартные параметры: высота главной колонны — 10 метров, основание — 17 x 17 метров, не представляется возможной.

На площадях Ленина и Кирова по традиции проводятся общегородские мероприятия, масштабные концерты, отмечаются праздники. Прохождение военных парадов, демонстраций и шествий — например, на 1 мая и 4 ноября, в дни города и республики, при проведении акции «Бессмертный полк» — организовано по маршруту именно между этими площадями (по направлению от пл. Ленина к пл. Кирова).

14 апреля 2015 года директор Национального музея Карелии предложил установить стелу на пл. Кирова «вместо памятника Кирову» [На месте памятника Кирову ... , 2015]. Аргументация «Киров уже не держит площадь» не могла быть признана в полной мере профессиональной. Ответ оппонентов не заставил себя ждать: «Тут уж какой-то особый цинизм! Без индустриализации, одним из активных деятелей которой был Сергей Миронович Киров, никакой победы в войне бы не было» [Депутат Заксобрания ... , 2015]; «В соседней стране нацисты рушат все советские памятники, у нас тоже найдется определенная категория людей, желающих идти по тому же пути, воспользовавшись любым поводом. Даже таким, как присвоением Петрозаводску почетного звания» [Степанов, 2015]. Реакция петрозаводского мэра была не менее интересной: «Здесь могут быть битвы историков». Этого, видимо, городские власти желали бы полностью избежать.

В принципе, уже по первым дискурсивным ориентирам и первым дискурсивным конфликтам стало понятно, что отношение представителей профессиональных сообществ и городского политического класса к вопросу о «возможных местах установки стелы» стоит рассматривать в системе координат, ориентированных на удовлетворение потребности в консолидации расколотого политикума и стабилизацию конфликтов, которые во время кампании по выбору места могли намеренно обостряться. Последовавшая за этим дискуссия, несомненно, внесла оживление в общественную повестку и привлекла внимание многих историков, краеведов, публицистов, журналистов, архитекторов и просто рядовых (интересующихся как историей, так и формированием общественного пространства) горожан. Но она не привела к искомому результату — установка на взаимодействие по принципу игры с нулевой суммой оказалась сильнее призывов к единению. Даже на рассматриваемом уровне подтверждалась общероссийская тенденция, свидетельствующая о проблемах интерпретации коллективного прошлого при попытках переписать историю [Малинова, 2013].

Ситуация ограничения возможностей выбора места установки стелы усугублялась тем, что сформировавшаяся российская практика (первые звания «Город воинской славы» были присвоены в 2006 году) указывала на то, что располагаться стела должна на территории, способной вместить несколько тысяч (или десятков тысяч) человек — потенциальных участников праздничных мероприятий, а рядом с ней должно быть свободное пространство, достаточное для проведения военных парадов. Выход за пределы традиционного маршрута «пл. Ленина — пл. Кирова» фактически означал серьезное переформатирование планировочной ткани исторического центра.

Удивительно, что попытки узкопрофессиональных ответов не снимали возникающих вопросов, но порождали всё новые. Например, почему бы не создать «с нуля» площадь Воинской славы и не запроектировать ее в одном из спальных районов? Схожую идею озвучил депутат Законодательного собрания региона (фракция КПрФ): «Поставьте ее там, где сейчас ничего нет, никакого благоустройства. Чтобы было пустое, не обихоженное место. И рушить ничего не надо, и лишняя польза будет в виде хоть еще одного обустроенного места в Петрозаводске»

[Депутат Заксобрания ... , 2015]. Однако ответ одной из наиболее активных групп архитекторов был практически ультимативен: стела должна располагаться «в сердце города», а не «на задворках» [Алиев, 2016]. Особое мнение выразил главный архитектор карельской столицы: «Наиболее интересной площадкой нам видится место: стрелка на Первомайском проспекте около танка. Эта улица — въезд в город, там есть символ военного времени — танк, там есть памятный знак. Кроме того, в этом месте можно организовать площадку для проведения торжественных мероприятий» [Главный архитектор ... , 2015].

При этом было очевидно, что даже незначительное вынесение стелы за пределы исторического центра города обостряет вопрос о том, что именно должен закрепить в памяти горожан проект мемориальной пропаганды. Более того, он взаимоувязывался с задачей создания «атмосферы торжественности, которая так необходима для восприятия исторического монумента» [Алиев, 2011]. Дискурсивная позиция «стела должна объединять людей, а не вносить раскол» спровоцировала новый виток дебатов об отношении к памятникам, к проблематике их инкорпорирования в публичное пространство, изначально не заточенное ни под «усиление милитаризации истории», ни под ситуационное переоформление символических границ.

В идеале публичная сфера должна являться пространством медиации общественных интересов и поиска общего языка для установления социального консенсуса. Ее функция — сделать зреющие в обществе конфликты видимыми, предупредить их обострение и найти приемлемый для вовлеченных в него сторон выход [Усманова, 2013]. Следуя такой логике, Администрация Петрозаводска в июне 2015 года провела общегородской опрос: «Куда, по Вашему мнению, нужно установить стелу “Город воинской славы”?». На заседании общественного градостроительного совета его результаты были приняты к сведению.

Удивительно, но сразу после прошедшей в Кремле 22 июня 2015 года церемонии, на которой российский президент В. В. Путин вручил представителям Петрозаводска грамоты о присвоении почетного звания «Город воинской славы» [Вручение грамот ... , 2015], обсуждение проекта установки стелы практически приостановилось. В значительной мере это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что городская элита осознавала потребность в более целенаправленной работе с ресурсом коллективного прошлого. Вместе с тем воинско-славный вектор политики памяти скорее являлся объектом ситуативного «использования», нежели предметом целенаправленного конструирования. Очевидно, что городская власть предпочла не касаться «трудного прошлого» и стремилась, насколько это возможно, избегать определенности в оценках исторических событий и процессов, которые вызывали споры в сообществе.

В сентябре 2015 года в Законодательном собрании Карелии первое чтение прошел законопроект «О городе на территории Республики Карелия, удостоенном почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”» [Салют в День города ... , 2015], была создана рабочая группа для его последующей доработки. Администрация Петрозаводска готовила предложения в адрес республиканского правительства по совместному финансированию мероприятий, связанных с присвоением Петрозаводску почетного звания, которые должны проводиться объединенными усилиями властей города и региона. Основным объектом для совместного финансирования должно было стать возведение стелы, стоимость и монтаж которой составит около 30 млн рублей.

Однако на процесс стало оказывать влияние обостряющееся политическое противостояние между городской и губернаторской администрациями, важным элементом которого стало в декабре 2015 года удаление градоначальника

в отставку «в связи с неисполнением... своих непосредственных полномочий» [Главу Петрозаводска ... , 2015].

В апреле 2016 года на должность главы города был назначен сити-менеджер, который принял решение отказаться от всех рассматриваемых вариантов установки стелы. В сентябре 2016 года было объявлено, что «стела разместится в створе проспекта Ленина на Онежской набережной», а решение об этом «принято совместно администрацией, советом ветеранов, архитекторами и общественниками еще два месяца назад» [«Мама дорогая» ... , 2016]. Против установки стелы на набережной резко выступили наиболее уважаемые члены Союза архитекторов Карелии, которые назвали решение мэрии «необоснованным и странным» [Орфинский осудил ... , 2016].

Стоит отметить, что еще на самых первых этапах обсуждения данное место полностью исключалось (в том числе по причине отсутствия там собственно площади как открытого, архитектурно организованного пространства). «Хотя она [набережная] и играет важную роль в жизни города, но только в качестве места отдыха и развлечений. А еще, отчасти, как творческая площадка. Разумеется, такой серьезный символ, как стела “Города воинской славы”, не может быть установлен в подобном месте. Иначе он начнет в большей или меньшей мере играть роль одного из аттракционов. А это недопустимо. Достаточно того, что среди отдыха и развлечений стоит памятник основателю города — царю-работнику Петру Первому» [Салмин, 2015].

С целью смягчения медийного эффекта от довольно волюнтаристского решения в октябре 2016 года состоялись общественные слушания, однако и они не выработали консолидированного решения, поскольку при единстве позиции, что «с предложением конкретного места установки мэрия поторопилась», «перечень предложенных мест для стелы рос с каждым новым выступающим» [Алиев, 2016]. Вновь были представлены аргументы по размещению стелы на пл. Кирова, впервые прозвучала идея переименовать проспект Ленина в проспект Славы, стали известны мнения двух бывших главных архитекторов города, которые высказались «категорически против размещения стелы на набережной».

Планируемая установка стелы и реорганизация существующих архитектурно-планировочных решений позволяют рассмотреть вопрос об идеальном публичном пространстве, в котором именно площадь в провинциальном городе оказывается местом для обсуждения общественных вопросов, дискуссий и предъявления себя другим горожанам. Публичное в целом определяется через противопоставление частному (на уровне представленности интересов, уместности тех или иных практик, демонстрации интенции к управлению пространством), но при этом не менее важна опция, открывающая возможности для коммуникации между собравшимися.

Противоположностью этих обстоятельств стоит признать приватизацию, присвоение публичных пространств частными лицами и их последующую коммерциализацию, которая превращает общественное место в источник извлечения прибыли и стремительно редуцирует публичную жизнь до потребления. Однако есть и совершенно инновационная форма противопоставления публичному — перенос дискуссий в заочный формат, в виртуальное пространство. Эта форма мобильна и не нуждается в создании условий для собраний и выступлений.

«Обезжизнивание» городского пространства только усиливается в обстоятельствах мемориализации конкретного места. Если история определяется через способность разворачиваться из прошлого в будущее, то мемориал — это всегда односторонняя повернутость в прошлое, диалог с ним однонаправлен. В таком понимании городская площадь есть средство ретрансляции освященных традицией ценностей, последние же составляют ядро коллективной идентичности. К сожалению, в условиях, когда история переопределяется как процесс бдительного

сохранения наследия, публичной дискуссии остается лишь преобразовывать всё это в ориентир целенаправленных действий по реконструкции утраченного. Происходит консервация прошлого в том композиционном порядке, который отвечает нуждам сегодняшнего дня, и согласно тому избирательному режиму, который позволяет потомкам символически утилизировать «защитников города» с той или иной выгодой для себя.

За этой попыткой противопоставления идеальному публичному пространству стоит особый способ работы с прошлым, оформляющий характерный для современного властно-общественного взаимодействия тип догматического патриотизма. Не отрицая трагичности, травматизма и скорби (но точно не вины), патриотический дискурс видит в прошлом ресурс, позволяющий утвердить свою ценностную гегемонию. При этом он довольно жестко определяет и предписывает то, что надлежит делать у мемориала: стоит ли, например, практиковать медиа- и фотографическое освоение фактически музеефицируемого пространства в формате YOLO (you only live once).

Именно таким образом происходит конструирование и деконструирование границ, определяемых социетальными представлениями о формах сохранения наследия в современном городском пространстве. Ведь историческое в городском контексте определяется не только сферой (вос)производства культурной памяти, но и усложняющимися взаимоотношениями практик повседневности и новых представлений о надграницных «общих местах», а зачастую и взаимопротиворечивыми обстоятельствами организации городской мемориальной культуры, формирующей локальные сообщества памяти [Реут, 2017].

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что кейс присвоения Петрозаводску почетного звания «Город воинской славы» свидетельствует о том, как слабо конкретизирован набор политически «пригодных» символов и нарративов, связанных с городской историей. Не удастся сформировать концепцию истории, отвечающую задачам конструирования обновленной коллективной идентичности. В значительной степени этот результат надлежит считать следствием выявленных тенденций и внутренних противоречий политики памяти, которая скорее пытается следовать узко прикладным оценкам значимого прошлого, нежели стремится их трансформировать, создавая новые проекции прошлого на настоящее и будущее.

Библиографический список

- Алиев М.* Страсти по стеле. Как в Петрозаводске место для памятника выбирали // Петрозаводск говорит: информационный портал. 2016. 31 окт. URL: <https://ptzgovorit.ru/shortread/strasti-po-stele-kak-v-petrozavodskoe-mesto-dlya-pamyatnika-vybirali> (дата обращения: 02.03.2020).
- Вручение грамот о присвоении звания «Город воинской славы» // Президент России: официальный сайт. 2015. 22 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49746> (дата обращения: 02.03.2020).
- Главный архитектор Петрозаводска против установки монументальной стелы в центре города // Петрозаводск говорит. 2015. 14 апр. URL: <https://ptzgovorit.ru/content/glavnyu-arhitektor-petrozavodsk-a-protiv-ustanovki-monumentalnoy-stely-v-centre-goroda> (дата обращения: 02.03.2020).
- Главу Петрозаводска Ширшину отправили в отставку // РИА Новости. 2015. 25 дек. URL: <https://ria.ru/politics/20151225/1348663836.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- Гольденберг М.* О звании «Город воинской славы» // Столица на Онего: новости Петрозаводска и Карелии. 2015. 14 апр. URL: <http://stolicaonego.ru/comments/265791> (дата обращения: 02.03.2020).

- Городские площади Петрозаводска. URL: <http://karelian.ru/petrozavodsk/364-gorodskie-ploschadi-petrozavodska.html> (дата обращения: 08.10.2017).
- Депутат Заксобрания Карелии Александр Степанов: Поставьте стелу там, где сейчас ничего нет // Столица на Онего. 2015. 15 апр. URL: <http://stolicaonego.ru/news/265840> (дата обращения: 02.03.2020).
- Малинова О. Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114—130.
- «Мама дорогая», воскликнула Ициксон, узнав об установке стелы на набережной Петрозаводска // Столица на Онего. 2016. 6 сент. URL: <http://stolicaonego.ru/news/349060> (дата обращения: 02.03.2020).
- На месте памятника Кирову в центре Петрозаводска установят стелу о звании воинской славы? // Столица на Онего. 2015. 14 апр. URL: <http://stolicaonego.ru/news/265774> (дата обращения: 02.03.2020).
- Оборона Петрозаводска. 1941 год // Сайт Государственного казенного учреждения Республики Карелия «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия». URL: <http://monuments.karelia.ru/napravlenija-dejatelnosti/popularizacija/stat-i-ob-ob-ektah-kul-turnogo-nasledija/g-petrozavodsk/oborona-petrozavodska-1941-god> (дата обращения: 02.03.2020).
- Орфинский осудил решение мэрии установить стелу на набережной Петрозаводска // Столица на Онего. 2016. 6 сент. URL: <http://stolicaonego.ru/news/349057> (дата обращения: 02.03.2020).
- По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: документы и материалы / Ин-т языка, литературы и истории КарНЦ РАН; науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995.
- Реут О.* Два года с воинской славой: эффект откладывается // Столица на Онего. 2017. 5 апр. URL: <http://stolicaonego.ru/analytics/dva-goda-s-voinskoj-slavoj-effekt-otkladyvaetsja/> (дата обращения: 02.03.2020).
- Салмин О.* Знаки отличия не располагают где попало // Сайт Центра политических и социальных исследований Республики Карелия. 2015. 30 апр. URL: <http://politika-karelia.ru/?p=16196> (дата обращения: 02.03.2020).
- Салют в День города в Петрозаводске будет обязательен // Столица на Онего. 2015. 4 сент. URL: <http://stolicaonego.ru/news/281077> (дата обращения: 02.03.2020).
- Степанов А.* «Бандеровщина» наоборот // Карелновости: республиканский новостной сайт. 2015. 14 апр. URL: <http://karelnovosti.ru/society/banderovshhina-naoborot> (дата обращения: 10.05.2018).
- Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2015 г. № 178 О присвоении г. Петрозаводску почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы» // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39592/print> (дата обращения: 02.03.2020).
- Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 г. № 1340 Об условиях и порядке присвоения почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы» // Российская газета. 2006. 6 дек. Федер. вып. № 0 (4240). URL: <https://rg.ru/2006/12/06/gorod-slavi-dok.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- Усманова А.* От художественного акционизма к перформативной политике: искусство и публичная сфера // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: Вариант: ЦСПГИ, 2013. С. 125—149.
- Федеральный закон Российской Федерации от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» // Российская газета. 2006. 11 мая. Федер. вып. № 0 (4063). URL: <https://rg.ru/2006/05/11/goroda-dok.html> (дата обращения: 02.03.2020).

References

- Aliev, M. (2016) *Strasti po stele. Kak v Petrozavodskoe mesto dlya pamyatnika vybirali* [Passion of the bed. How to choose a place for the monument in Petrozavodsk], available from <https://ptzgovorit.ru/shortread/strasti-po-stele-kak-v-petrozavodskoe-mesto-dlya-pamyatnika-vybirali> (accessed 02.03.2020).
- Malinova, O. Yu. (2013) Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i ehvoluciya oficial'noj simbolicheskoj politiki v postsovetsoj Rossii [The problem of a politically “fit” past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia], *Politicheskaya konceptologiya*, no. 1, pp. 114—130.
- Po obe storony Karel'skogo fronta, 1941—1944: Dokumenty i materialy (1995)* [On both sides of the Karelian front, 1941—1944: documents and materials], in: *In-t yazyka, literatury i istorii KarNC RAN*, Petrozavodsk: Kareliya.
- Reut, O. (2017) *Dva goda s vojskoj slavoj: ehffekt otkladyvaetsya* [Two years with military glory: the effect is postponed], available from <http://stolicaonego.ru/analytics/dva-goda-s-vojskoj-slavoj-effekt-otkladyvaetsya/> (accessed 02.03.2020).
- Salmin, O. (2015) *Znaki otlichiya ne raspolagayut gde popalo* [The insignia does not feature anywhere], available from <http://politika-karelia.ru/?p=16196> (accessed 02.03.2020).
- Stepanov, A. (2015) «Banderovshchina» naoborot [“Bandera” on the contrary], available from <http://karelnovosti.ru/society/banderovshchina-naoborot> (accessed 02.03.2020).
- Usmanova, A. (2013) *Ot hudozhestvennogo akcionizma k performativnoj politike: iskusstvo i publichnaya sfera* [From artistic actionism to performative politics: art and the public sphere], in *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, kejs stadi: kolektiv. monogr.*, Moscow: ООО «Variant»: CSPGI, pp. 125—149.

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Чеславович Реут — доцент кафедры сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, *e-mail: olegreut@sampo.ru* (associate Professor, Department of comparative political studies, North-Western Institute of management, Ranepa, Saint Petersburg, Russian Federation).

Татьяна Павловна Тетеревлёва — доцент кафедры отечественной истории Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова, *e-mail: tat.tet2010@gmail.com* (associate professor, Department of national history, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation).

ПАМЯТЬ МИГРАЦИИ, МИГРАЦИЯ ПАМЯТИ

LABYRINTH
2020. № 1. P. 57—70

LABYRINTH
2020. № 1. C. 57—70
УДК 008.001

ЕДА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Е. Ю. Протасова

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия,
ekaterina.protassova@helsinki.fi

Специфика повседневного питания варьирует от культуры к культуре и способствует формированию смешанных, или гибридных, идентичностей; посторонним она дает представление о сходстве или различии с привычным. Настоящая статья основывается на 25-летнем опыте полевой работы в Германии; лонгитюдное исследование языковой идентичности российских немцев дополнено концептами кулинарных практик. В фокусе исследования находятся ресурсы, связанные с повседневной и праздничной едой в прошлом и настоящем в жизни данного репатриантского сообщества. Участники вспоминают, что они готовили в стране своего происхождения (Казахстане), что было важным для них после переезда, как они приспособились к новым способам приготовления блюд и, с другой стороны, продолжали развивать дальше привезенные с собой представления о качественном питании. В исследовании анализируется идентичность российских немцев в Германии; принципы питания помещены в центр восприятия собственной культуры.

Ключевые слова: кулинарные практики, качественная еда, российские немцы, иммигрантская идентичность, память о принадлежности, сообщество практик, русско-немецкое двуязычие.

FOOD AS A PART OF CULTURAL IDENTITY: PRACTICES OF RUSSIAN-GERMANS IN GERMANY

E. Yu. Protassova

University of Helsinki, Helsinki, Finland, ekaterina.protassova@helsinki.fi

Specificity of everyday nutrition varies across cultures and contributes to formation of mixed or hybrid identities; for the outsiders, it offers an idea of likeliness or otherness from the habitual. The present article is based on the 25 years long experience of fieldwork in Germany; the longitudinal study of the Russian-German linguistic identity was completed with concepts of food practices. In the focus are everyday and festivity culinary resources in the past and in contemporary life of this repatriate community. The participants remember how they cooked in their country of origin (Kazakhstan), what was important for them upon arrival, how they adopted new

© Протасова Е. Ю., 2020

Ссылка для цитирования: Протасова Е. Ю. Еда как часть культурной идентичности: практики российских немцев в Германии // *Labyrinth*. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 57—70.

Citation Link: Protassova, E. Yu. (2020) Eda kak chast' kulturnoj identichnosti: praktiki rossijskih nemtsev v Germanii [Food as a part of cultural identity: practices of Russian-Germans in Germany], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 57—70.

ways of preparing dishes and, on the other hand, continued to develop further their imported views upon quality nurturing habits. The research analyses the identity of the Russian-Germans in Germany and puts the principles of feeding into the centre of the own culture perception.

Key words: culinary practices, quality food, Russian-Germans, immigrant identity, memory of belonging, community of practice, Russian-German bilingualism.

Построение культурно-языковой идентичности

Понятие *идентичности* в гуманитарных науках связано с пониманием, знанием, представлением, осознанием, определением, оценкой, конструированием самого себя (или общественной группы) по отношению к своей деятельности и другим личностям (и группам) в самых разных обстоятельствах и контекстах, на различных этапах жизненного пути [Leary, Tangney, 2012]. Самый большой толчок исследованиям идентичности дали работы психолога Э. Эриксона (см., напр., [Erikson, 1994]). Нас будет интересовать прежде всего связь языка, культуры, образа жизни и идентичности, и для этого важны исследования Х. Сакса, например категоризация групповой принадлежности в зависимости от коллекций социальных параметров [Sacks, 1992]. Э. Щеглофф детально рассмотрел порядок параметров в коллекциях категорий, нужных для анализа [Schegloff, 2006].

Извлекая из памяти факты своего прошлого и пытаясь представить их собеседнику, человек конструирует в нарративе свою флуктуирующую идентичность [McAdams, McLean, 2013]. Он не просто перечисляет события жизни, но подвергает их осмысленному отбору, упоминает одно и не упоминает другое, дает оценки с прошлой и сегодняшней позиции. Иногда преувеличивает невзгоды, а иногда — радости. Интерпретируя происшедшее, говорящий дает ему моральную, эмоциональную, социальную, индивидуально-историческую оценку. Идентичность конструируется на основе своего и чужого пережитого. Часто, обращаясь к прошлому, рассказчики могут иметь целью позитивное самоутверждение или оправдание своих поступков.

Личный и семейный миграционный опыт разных поколений способствует конструированию коллективного нарратива российско-немецкой истории, а типы самоидентификации отчасти связаны с типом иммиграции (см.: [Зевелева, 2014; Полян, 2018]). Существуют семейные рассказы о прошлом, и их переработка приводит к формированию коллективной идентичности на микроуровне (см.: [Kiel, 2009]). Межпоколенческая передача семейной истории, формирование отношения к прошлому и влияние семьи на поведение молодежи рассматриваются в книге «Хрупкие связи: как семьи “русских немцев” рассказывают свои истории» [Rosenthal et al., 2011]. Рассказы о прошлом могут, безусловно, влиять на жизненные установки подрастающих поколений, однако не могут оказывать решающего влияния на макроуровне. К тому же рассказы непостоянны, они со временем меняются.

Согласно исследованию Г. Гредингера [Gredinger, 2010], принимающее общество по-разному относится к прибывающим российским немцам: большинство — нейтрально, но чем моложе и образованнее респонденты, тем их установки позитивнее, а чем больше ощущается разница в жизненном стиле, тем восприятие негативнее. Если же говорить о маркерах принадлежности, то оба государства, Россия и Германия, продолжают влиять на процессы самоопределения у российских немцев как в историческом, так и в синхронном плане, а также через категоризацию включения и исключения, в том числе через организации российских немцев.

В настоящем исследовании мы рассматриваем особую сторону культурных практик российских немцев, связанную с их идентичностью: кулинарные привычки и их трансформации в Германии. Работа построена на базе индивидуальных

и групповых интервью с шестью многопоколенными семьями российских немцев, проживающих в Германии в среднем четверть века. В общей сложности в данном исследовании учитывается около 30 часов записей 2016 года от 30 информантов [Менг, Протасова, 2016]. Семьи участвовали в лонгитюдном исследовании К. Менг и Е. Протасовой [Менг, Протасова, 2002] на протяжении всего этого времени. Ранее мы неоднократно обращались к информантам с вопросами об их самопонимании [Менг, Протасова, 2015]. В последних интервью было выявлено, что после долгого привыкания переселенцы нашли свое место в принимающем обществе, а приобретенный опыт позволяет им оценивать свое жизненное положение в целом скорее позитивно. В этом процессе самооценки им приходится сравнивать себя с другими русскоязычными и нерусскоязычными иммигрантами, с теми, кто не уехал, кто приехал позже и кто уехал не в Германию, а в другие страны. Эти объекты сравнения выступают как значимые другие. Сначала мы покажем, как позиционируют российских немцев в Германии различные исследователи, а затем посмотрим, как соотносятся выявленные особенности с кулинарными практиками. Как писали П. Вайль и А. Генис в книге «Русская кухня в изгнании», «культура еды говорит о человеке больше, чем эрудиция и умение пользоваться носовым платком» [Вайль, Генис, 1995: 50].

Российские немцы: самосознание и бытовые практики

Многообразие идентичности российских немцев проявляется еще в России. Они могут считать себя просто немцами, русскими и немцами одновременно, российскими немцами, сочетанием трех предыдущих вариантов, не русскими и не немцами, иметь немецкую идентичность как этническую, а российскую — как гражданскую. В последнее время они также идентифицируют себя в значительной степени как членов транснационального сообщества, в котором часть семьи и друзей проживает в Германии, а часть — в России [Mamattah, 2009]. В то же время активизировались, в том числе и благодаря помощи из-за рубежа, общественные движения внутри России, российские немцы больше, чем раньше, учат немецкий язык, больше занимаются собственным прошлым (см.: [Авдашкин, 2015; Колесник, Евенко, 2015; Курске, 2011; Толмачева, 2014; Шабаетов, 2016]).

Согласно одному из исследований [Pfetsch, 1999], российские немцы — особое меньшинство: по паспорту они немцы, однако их культурное наследие, общая с Россией история, опыт иммиграции и проблемы с языком не позволяют принять их в Германии как настоящих немцев. В 1990-е годы большое значение для выработки определенных позиций имели СМИ, а русскоязычная пресса российских немцев в Германии часто считала проблемы своих читателей чересчур банальными. Подлинного диалога, обмена мнениями между представителями большинства и меньшинства, серьезного обсуждения общих и различных ценностей и культурных практик не происходило. В заглавии обсуждаемой работы использовано высказывание, характерное для репатриантов: «В России мы были немцы, а теперь мы русские». В других исследованиях особенностей русскоязычной прессы Германии [Протасова, 2000; Смолярова, 2014; Шовгенин, 2007] было показано, что русский и немецкий языки функционируют несимметрично, при заимствованиях и переключении кода преследуются определенные коммуникативные цели, имеется установка на адресата, что обуславливает выбор тем и уровень подачи материала; под влиянием окружения осмысливается новое положение иммигрантов из России, а дискурс в значительной степени устанавливает характерные черты группы русскоязычных немцев в новом обществе.

В работах разных исследователей используются сходные, но несовпадающие наборы идентичностей по отношению к своей немецкости, русскости и приверженности той или иной культуре. Зависимость типа идентичности от успешности

интеграции в немецкое общество была показана в статье М. С. Савоскул [Савоскул, 2004]. Выявлены типы сочетания инфраструктур (в области экономики, культуры, политики и информации — землячества, религиозные общины, места собраний и клубы по интересам, театр, магазины, фирмы, туристические бюро, дискотеки, печать, сайты) и принадлежности к некоторой группе среди переселенцев. Определены группы: *немцы среди немцев* (они могут руководить общественными структурами российских немцев, а другими структурами не пользуются), *российские немцы* (активные в двух мирах, извлекающие пользу из владения двумя языками), *ни русские, ни немцы* (замкнутые внутри своих структур). В этой концепции успешность интеграции связана с полноценным участием иммигрантов в общественной жизни и с равными шансами достичь высокого социального статуса.

В статье Ю. Ивановой-Бучатской [Иванова-Бучатская, 2010] выделяются четыре типа этнической самоидентификации российских немцев в Бамберге: 1) немецкий тип, часть немецкой нации; 2) российский немец, одновременно принадлежащий к российской и германской культурам; 3) кризисный тип, не могущий отнести себя ни к одной нации либо культуре; 4) русский. Выехавшие до 1990 года подчеркивают неприкосновенность своей идентичности, пронесенной через века, общение на сохраненном диалекте, отсутствие контактов с русскими. У поздних переселенцев среди факторов, способствующих ощущению принадлежности к немцам, выступают немецкая фамилия, совершенное владение немецким языком, одинаковое окружение материального и духовного плана. Дети как тех, так и других не сомневаются в своей немецкости. Большинство относит себя ко второй категории, гордится знанием русского языка и культуры, причем в стране исхода эти люди могли считать себя просто немцами. Назвать родину им затруднительно, а дом их в Германии. Третий тип старается найти баланс своих ощущений, но не может принять однозначно ни ту, ни другую сторону; у этих людей два дома или только свой маленький мир, нет удовлетворения от общения (в том числе на немецком диалекте) и работы (потеряно профессиональное самоуважение). Четвертый тип чаще встречается в смешанных семьях, когда нет языка и чувства принадлежности к Германии, все близкие друзья — русские. Несмотря на обильное общение с немцами, такой человек бравит своей рускостью, родиной ощущает Казахстан, а домом — Германию; типично самоназвание «русаки» или «наши люди», существование в своей среде, смешанный язык, подчеркивание стереотипов (алкоголь, нарядные женщины, мат, провоцирующее поведение и т. п.). Эти тенденции являются выражением социального протеста, уважения к русской культуре, спортивным и иным достижениям России, признания престижа России либо подчеркиванием своих заграничных корней в мультикультурном обществе. У себя дома российские немцы стараются поставить мебельную стенку с российскими сувенирами и книгами преимущественно на русском языке и положить ковер. Портреты предков связывают их с прошлым. У более молодых происходит переориентация на образцы, усвоенные от товарищей по учебе. Палисадники, напротив, оформляются по возможности так же, как у немцев-соседей. Сохраняется любовь к дачам, большим семейным праздникам, шашлыкам. Бородина [Borodina, 2013] уделяет внимание рассказам о еде и привычкам в питании: еда объединяет. Своими блюдами репатрианты стараются угостить местных немцев, но, к сожалению, привезенные ими с собой кулинарные традиции постепенно уходят.

Грожан [Grosjean, 2015] остро ставит вопрос о взаимосвязи языка и культуры при двуязычии. До сих пор нет однозначных свидетельств того, как сочетание языков влияет на сочетание культур, можно ли говорить на языке, не полностью разделяя связанную с ним культуру. Применительно к российским немцам исследователи говорят о том, что эта группа осознает свои специфические черты по отношению к прежнему и новому окружению и историческим перипетиям и в зависимости

от обстоятельств коммуникации использует разные самоназвания [Менг, Протасова, 2015; Meng, Protassova, 2013]. При переезде в другую страну процессы самоидентификации интенсифицируются, переселенцы становятся стихийными культурологами и лингвистами, психотерапевтами и педагогами, прорабатывая и преодолевая шок от новой обстановки в дискуссии с окружающими, а приспособление к новой жизни происходит в том числе и в ходе мутаций речевых практик [Протасова, 2003].

Соотнесение себя с прошлым и будущим приводит к появлению двойной идентичности (dualidentity). Если она внутренне противоречива, то это может привести к такому виду политической мобилизации, как радикализм [Simon et al, 2013]. Для российских немцев одним из способов вновь обрести себя может быть репатриация в Россию [Овсянникова, Чернышов, 2013]. В одной из работ [Hier die Russen, 2011] рассматриваются гибридность идентичности, влияние семьи и семейного языкового употребления на формирование самопонимания, самоощущение через преодоление риска и шанс стать новым типом немца в Германии, а также колебание между старыми и новыми ценностями.

Языковая идентичность

В классических трудах по языку и идентичности (см., напр., [Edwards, 2009; Handbook of Language ... , 1999; Skutnabb-Kangas, 1996]) большое значение придается конкретным признакам групповой идентичности, проявляющимся в языке, и, наоборот, зависимости самоопределения сообщества от общих черт коммуникации. Сегодня в этом плане важны соотношения между языками глобального и местного использования, гибридные варианты, социальные, гендерные особенности, коммодификация. Например, пребывание меннонитов в России продолжалось около 200 лет, и они сохранили свою лингвистическую, религиозную и социальную идентичность. В течение последних десятилетий около 200 000 из них переехали в Германию, где испытывают трудности с самоидентичностью из-за другого языка (как привезенного с собой русского, так и собственного нестандартного варианта немецкого), окружающей современности и религиозных убеждений [Daller, 2005].

Исследователи рассуждают о различных сторонах языкового использования [Berend, 2014; Dück, 2014; Prediger, 2014]. Они считают, что язык страны происхождения, сохраненный там немецкий диалект, усваиваемый в Германии локальный вариант немецкого языка, помогающий чувствовать себя *своим*, а также литературный немецкий язык — это различные составляющие языковой личности, а их комбинации дают возможность превратить свое многоязычие в преимущество. Нельзя не заметить, что есть соответствие между составляющими идентичности и компонентами языковой способности. Язык, таким образом, может быть ресурсом для построения идентичности, причем русский продолжает играть важную роль и во втором поколении, хотя большая часть общения происходит на немецком языке. Тем, кто хорошо овладел немецким, уже неважно, кем их считают, потому что они не испытывают предвзятого отношения к себе из-за маркированности языка.

У двуязычных индивидов идентичность проявляется и в акценте: отмечалось, что произношение может быть даже нарочитым, чтобы подчеркнуть принадлежность к определенной группе, утрируется влияние первого языка, даже если на самом деле человек может всё артикулировать безупречно. В известном исследовании [Migrant youth ... , 2006] выделено у молодежи четыре профиля аккультурации: интеграционный, этнический, национальный и диффузный, а также две формы адаптации: психологическая и социокультурная. Авторы считают, что наиболее удачен интеграционный профиль, а наименее удачен диффузный.

Русский элемент языковой идентичности входит в противоречие с этничностью и по-разному воспринимается в группах немецкого и еврейского происхождения не только по отношению к принимающему большинству, но и в сравнении между собой, выявляя при этом такие не относящиеся к этничности характеристики, как социальный и образовательный статус [Irwin, 2009]. Большинство тех, кто чувствует себя увереннее в русском языке, не обязательно имеет русскую идентичность, иногда не чувствует никакой, но вообще идентичность множественна и зависит от социального контекста. Ощущение принадлежности к определенной общности играет решающую роль [Rethage, 2012].

Многие исследователи придерживаются мнения, что владение языком принимающего общества является ключом к интеграции, и требуют от иммигрантов его быстрого изучения [Steiz, 2010]. Несмотря на очевидность того, что не в каждом возрасте этого можно легко добиться, лингвистически не подготовленные члены принимающего общества нередко считают, что приехавшие не хотят учить язык, и стигматизируют их как ленивых, в то время как у многих просто нет навыков и способностей для продвижения к высоким уровням языковой компетенции. Взгляды принимающего общества важны в первую очередь для него самого, но косвенным образом сказываются и на принимаемых. Вживание в среду может быть и глубоким, и поверхностным, однако у разных индивидуумов это может происходить несовпадающими путями, и то, что одни будут считать комфортным существованием, для других будет маргинальным типом самореализации [Ferdinand-Storb, 2014]. Тут важно сопоставление себя с теми, кто остался на родине, в стране исхода: самими собой в момент отъезда, казахами раньше (в СССР) и теперь (в процветающей Республике Казахстан), немецкими, украинскими, русскими, корейскими родственниками, а также знакомыми по прежней жизни, уехавшими раньше и позже в другие страны [Менг, Протасова, 2019].

Эмпирические данные

Рассмотрим, как оценивают себя российские немцы спустя 25 лет после переезда в Германию с точки зрения кулинарных практик (переводы отдельных слов с немецкого даются в квадратных скобках; Ж и М означают пол информантов, а цифры — их возраст; в данном разделе цитируются высказывания нескольких участников интервью). По их словам, еда это то, что у них получается лучше и вкуснее, разнообразнее и веселее, чем у местного населения. Информанты отмечают, что им не удалось принять карнавал (Fasching) в качестве праздника: он остается чуждым их мировосприятию. Обсуждая, что готовить на Рождество, которое постепенно становится для них более важным праздником, чем Новый год, они упоминают различные блюда, например капусту, начиненную сладкими сухофруктами с белым хлебом, и обязательно утку. Эта традиция теплилась и тогда, когда они жили при советской власти: боясь открыто отмечать религиозные праздники, ставить елку уже на 24 декабря, пожилые люди все же старались что-то приготовить, подарить детям подарки, пусть и завернутые в газету, а не в специальную бумагу: «Мама всегда делала дрожжевое тесто, пекла, из дрожжевого теста пекла ватрушки, пирог с затирками или с маком, куриный суп обязательно был, курица на столе, крупно нарезанная картошка, жаренная в масле («кораблики»)» (Ж, 70), «Nudel-суп [с лапшой] варился, куриная лапша была» (Ж, 51). Вообще говоря, рождественский вечер — это еще постное время, по традиции в это время следует есть рыбу, а мясо можно употреблять в пищу с 25 декабря, но не все опрошенные знают об этом: «Птицу всегда делали, чем-нибудь ее наполняешь, так интересно, потом открываешь» (Ж, 48). В качестве начинки использовали гречневую кашу, чернослив, рис, картошку, яблоки.

Рыба, которую ставят на стол, у местных немцев может быть и просто селедочным салатом, а у российских немцев — селедкой под шубой. Есть, однако, и традиция готовить карпа, в том числе копченого, и этому можно научить: «У нас просто в Алма-Ате продавали частенько карпов копченых. И эта женщина, которую я рыбу всегда покупаю у нее, и она говорит: ой, блин, карп упал, и не знаем, че с ним делать. Я говорю — вы его помойте, посолите и покоптите мне, я его заберу. Она говорит: как, коптить? Я говорю: да-да, я заберу. И если у вас карпы есть, и кто, скажем, с Казахстана, вы можете им предлагать, они будут покупать у вас копченого карпа. И это просто завелось, она мне теперь уже звонит... Она мне звонит: я тебе карпа покоптила!» (Ж, 52). Русская рыба, в отличие от немецкой, должна быть с сильным запахом, в Германии она не всякому понравится. Сушеная рыба, например, коренное население может удивлять: «Вот эта рыба, которую мы пиво пьем — об стол бьем. У нас они все были, засолённые и закопчённые, и карасики, и пескарики, и лещи, и все это, они у нас в Казахстане во всех пивбарах были, я им как-то принес, они попробовали, что это такое? А один сказал: я, говорит, в Финляндии такую рыбу ел» (М, 51). Угостить знакомых и коллег чем-то непривычным — особое развлечение.

Рождество воспринимается как семейный праздник, а Новый год отмечают с друзьями («Сильвестер здесь, или новогодний праздник, он более шумный, активный такой, все, а Рождество — более фамильный», Ж, 54), часто в большой компании, для которой снимается зал, приглашается аниматор, угощение готовится в складчину. «На Новый год едем покупаем специально, где этих режут, баранов. Свежего барана, маринуем шашлык. Ну, там салаты, и кто че принесет... Шампанское в 12 часов! Оливье, обязательно. Селедка под шубой» (Ж, 52); «Без салата оливье даже Нового года не бывает» (М, 51). Аналогичным образом отмечается и Восьмое марта, но тогда больше заняты мужчины, готовящие праздник для женщин, хотя в целом традиция упростилась.

К полуфабрикатам, к тому, что продается в кулинариях, относятся с недоверием: «Я вот как сама варила, так и варю и буду, потому что я эту химию... Потому что везде напичкано ужас что» (Ж, 52); «Своими руками приготовленное — знаешь, что ешь, скажем так» (М, 54). Традиции рождественского печенья Plätzchen не знали, а здесь переняли и теперь активно готовят. Раньше пекли Rivelkuchen: «Это ж традиция. Испокон веков наши мамы пекли нам» (Ж, 52); «Это немецкий этот... Streuselkuchen, сверху посыпанный» (М, 54); «У нас мама всегда делала просто эту крошку на это, тесто поднимается, она туда эту крошку в это и сахар потом. Плюшки были, все такое, ну, что там готовили. А потом со временем они же научились там у казахов и манты делать, и вот эти блюда, фирменный плов, и так и здесь варим» (Ж, 52).

Борщом респонденты называют разные виды овощных супов, в том числе из тыквы. Собственно говоря, участники опроса никогда не жили в России. По словам информантов, русская кухня — это «борщ зеленый, борщ нормальный, манты, пельмени, плов, это советское, это даже можно сказать азиатское. Но что вот чисто русское? Пирожки, блины» (Ж, 51), торт «Наполеон» (несколько ответов). «Вот я сейчас пеку чакчак — это чисто казахское блюдо» (Ж, 70). — «Нет, татарское. У казахов — баурсак, это их еда» (М, 51).

Возможно, под воздействием восточной кухни появился интересный кулинарный гибрид: «Вот что еще сохранилось, называется немецким словом, но откуда взялось — никто не знает. Наши омы [бабушки] делают штрудли. Здесь у них есть штрудель, aber das ist Apfelstrudel [но это яблочный штрудель]. Это вот в Bäckerei [булочная], там вот штрудель, он может разрезанный быть, там тесто слоеное тоже, а наши делают в казане, мясо, картошка, тушится, потом туда закладываются такие маленькие закатанные колбаски, это называется штрудли. Это тесто слоеное, с маслом,

закатывают в такую большую ролик, потом его режешь, масло почему — потому что если его не будет, будут клецки. Оно должно вариться, лежать на картошке, на мясе, чуть-чуть воды чтобы было снизу, ни в коем случае чтобы водой не залило, оно должно быть пропаренное, это вот привезли оттуда с Крыма, они привезли в Казахстан, делали в Казахстане, а с Казахстана это приехало сюда. Вот если ты сейчас спросишь Russlandsdeutsche, Strudle, fast jeder weißt das. Wenn du fragscht, mm, malso [российских немцев, штрудле, почти каждый знает это. Если ты спрашиваешь, гм, да так], если ты спросишь местных, да, они знают само слово, но что такое — понятия не имеют». Наш собеседник показал приготовленное женой блюдо на работе: «Вот, пожалуйста, des ist unsere deutsche russische deutsche Gericht [это наше немецкое русское немецкое блюдо]. Каждому дал попробовать, jeder war begeistert, aber [каждый был в восторге, но] они этого не знают». Высказывается версия происхождения: «Я считаю так, что это, думаю, что наши предки, може, deutsche Strudel [немецкий штрудель] и был когда-то в тесте gebacken [выпечен], абы [от aber — но] кто-то взял его, попробовал с мясом, с картошкой пожарил, так оно и осталось» (М, 51).

«Закупаться» (т. е. покупать сразу много, в запас) любят в русских магазинах, потому что это им напоминает о чем-то, о вкусе, знакомом с детства: «Если мы опять же вот докторскую колбасу знаем, то мы ее знаем и в русском мы ее купим. Тут есть она всяких сортов. Купили докторскую колбасу с салом, которое мы в детстве выковыривали, наши дети точно так же» (М, 51). Там же информант купил и «русские бублики». В русских магазинах продаются не только продовольственные товары, но и книги, пресса. Раньше их было немного, а сейчас это большая сеть, куда приходят и местные, как кажется нашим информантам, из-за того, что в них всегда свежее и более дешевое мясо.

Рассказывают, что турки, у которых покупают мясо, удивляются, когда российские немцы просят порезать баранину («две задние ляжки») крупными ломтями (ведь для шашлыка нужны толстые куски). Этим дело не ограничивается: берут еще телячью шею и «желудок от коровы»: «А он отваривается просто, и он очень вкусный. А можно сделать просто вот так еще: с косточек бульон, и нарезать его, и суп» (Ж, 52), а раньше запекали в большой печи под названием «контрамарка», которая была одна на четыре комнаты и долго не остывала.

Качество мяса вообще имеет очень большое значение: «Раньше в Казахстане не каждый день можно было купить мясо, вот если покупали мясо, ты прстоишь эту очередь, и ты купишь столько, сколько ты можешь унести. Поэтому ты замораживал. А привычка эта долго тут оставалась, а вдруг оно завтра закончится. А оно здесь не кончалось. И вот мы поняли: зачем морозить, ведь можно завтра пойти и купить свежее мясо. Но это несколько лет стоило, чтобы мы поняли. Вот привычка эта была: нужно же пойти, запасть, а вдруг оно кончится». Однако постепенно это изменилось: «Сейчас оно осталось, но только на праздники. Вот если, допустим, мы знаем, что много будет у нас дома гостей, а в праздники четыре дня закрыты магазины, вот это мясо, чтобы его сохранить, вот куда ты его положишь? Естественно, только в морозилку».

Осмыслиют и свой опыт, и свое поведение в прошлом и ныне: «Раньше покупали у мясника — пытались купить свежее мясо, но потом его все равно морозили, сейчас это закончилось, сейчас мы пытаемся сходить за угол, купить это мясо, пускай оно два ойро [евро] дороже стоит, но оно свежее. Может, мы на этом и сэкономили, ja [да], он здесь называется Schlachthof [скотобойня], где свиной валят, бойня, некоторые имели большие холодильники, едут, покупают целую свинью, забивают, потом только через два месяца опять едут. Вот я до сих пор понять не могу, как оно могло быть свежим мясом. Это опять же система общения, русского общения с русскими, и вот кто-то сказал, а вот мы ездим туда, покупаем мясо, оно

там такое вкусное у него, и все, и один за другим начали ездить» (М, 51). Информанты с иронией относятся к себе в контексте межкультурной коммуникации.

«Вот ома, когда штрудли делает, идет специально к метцгеру [мяснику], покупает у него свежее мясо, скажет, вот это, вот отсюда мне отрежьте. В последнее время нас приучили покупать фарш у метцгера. Приходишь, говоришь, я хочу gemischte Farsch, also [смешанный фарш, то есть], чтобы он там смешанный был, он тебе берет и молет. На данное время все они молят еще на твоих глазах, раньше — за ширмой. Он может стеклом отгородиться, но ты его видишь, что он там полóжил, потому что честных в бизнесе не бывает. Каждый стремится где-то урвать, что-то там замесить, чтобы ему осталось пару копеек больше. И потом это мясо молотое, оно намного вкусней. Вот мой майнунг [от Meinung (мнение), по-немецки — женского рода] — оно намного вкуснее». В то же время раньше, среди казахов, у них пользовалась популярностью конина, а в Германии это редкость: «Здесь можно купить, но не каждый Metzgerei [мясная лавка или мясной магазин, в немецком слово женского рода] продает. Не каждый метцгер, который продает, у себя в лавке хочет продавать конину, потому что он потеряет просто кундов [клиентов]. У них здесь лошадь — это друг человека. В Саарбрюкене мы работали, проезжали, я вижу: Pferdemetzgerei [мясная лавка конины]. Я думаю: о, undderexistiertnoch [и он еще существует]? Его еще не сожгли — просто я про себя подумал» (М, 51). Все же в целом мяса стали есть меньше, а среди молодого поколения есть и вегетарианцы.

Кулинарные практики — квинтэссенция нажитого опыта. Здесь не обманешь ни себя, ни других. Ценности привезенные и ценности приобретенные, самобытность и переосмысление оптимальных вариантов — вот то, что наглядно проявляется в рассказах о еде. В цитатах из речи участников общения видны заимствования в русский из немецкого в плане формы и содержания, переключение кода и разные способы введения вкраплений в дискурс (с адаптацией и без адаптации к русской фонетике и грамматике).

Подводя итоги исследования, можно сказать, что длительность проживания не прямо влияет на успешность интеграции, но второе поколение репатриантов обычно принадлежит к другому интеграционному типу, чем первое. При всех различиях в концепциях интеграции исследователи часто упоминают стабильное позитивное самоощущение, множественные проявления принадлежности к тому обществу, в котором человек живет. Хотя самоидентификация происходит многократно, в действительности нарративные примеры не позволяют дать однозначного толкования. Люди всегда показывают разные стороны своей личности в зависимости от собеседника, конкретных жизненных обстоятельств, своего и чужого опыта и т. п. Важно, чтобы переселенцы знали законы, правила, нормы, приемы и навыки жизни принимающего общества, имели положительные установки, могли самореализоваться по мере своих сил, достигали желаемой цели. Демократическое общество, лояльное к иммигрантам, не препятствует осуществлению этих условий, на каком бы языке интеграция ни происходила. Значимыми «другими» для переселенцев могут быть те, кого показывают по телевизору; соседи; коллеги по работе; родители других детей — друзей их детей; те переселенцы, которые приехали раньше и успели интегрироваться; те, кто приехал позже и еще делает ошибки, которые когда-то делали они сами; иммигранты из других стран; беженцы; русскоговорящие иммигранты и репатрианты в других странах. Рефлексия по поводу себя среди своих и себя среди других происходит и на таком материале, как разговоры о еде.

Библиографический список

- Авдашкин А. А. «Кто мы и где наша Heimat?»: этническая идентичность российских немцев на рубеже вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. Т. 28, № 1 (28). С. 116—124.
- Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М.: Независимая газета, 1995. 176 с.
- Зевелева О. И. Миграционная политика и коллективная идентичность: опыт российских немцев в Германии // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 114—126.
- Иванова-Бучатская Ю. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. Т. 12, № 2. С. 137—166.
- Колесник Н. Т., Евенко С. Л. Исторические условия формирования психологических предпосылок развития идентичности этнических меньшинств в условиях дисперсного проживания: (на примере российских немцев) // Вестн. Екатеринбургского ин-та. 2015. Т. 32, № 4. С. 7—12.
- Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): дис. ... канд. соц. наук. М.: МГИМО, 2011. 181 с.
- Менз К., Протасова Е. «Свои» и «местные»: четверть века российских немцев в Германии // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2 т. / под ред. А. Г. Степанова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. Т. 1. С. 195—213.
- Менз К., Протасова Е. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. 2015. № 6 (89). С. 13—25.
- Менз К., Протасова Е. Четверть века в Германии: опыт одной семьи российских немцев // Acta Slavica Estonica VIII. Свое — чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Tartu: University of Tartu, 2016. С. 124—136.
- Менз К., Протасова Е. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. № 6. С. 29—40.
- Овсянникова В. В., Чернышов Ю. Г. О причинах реэмиграции российских немцев из Германии в Россию в конце XX — начале XXI в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4 (80). С. 183—192.
- Полян П. Русскоговорящие в Германии // Демоскоп Weekly. 2004. № 183/184. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit04.php> (дата обращения: 15.11.2018).
- Протасова Е. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 4. С. 49—60.
- Протасова Е. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 27—47.
- Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации // Этнографическое обозрение. 2004. Т. 78, № 4. С. 97—113.
- Смолярова А. С. Функционирование русскоязычной прессы в современной Германии (социально-политический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. 23 с.
- Толмачева А. Ю. Этническая идентичность современных российских немцев Оренбургской области // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2014. № 8 (337). С. 58—61.
- Шабает Ю. П., Гончаров И. А., Садохин А. П. Жизненные стратегии российских немцев // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 100—107.
- Шовгенин А. Н. Социолингвистическое пространство русскоязычной диаспоры Германии: на материале русскоязычной прессы ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2007. 21 с.
- Berend N. Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache: Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion // Deutsche Sprache. 2014. Т. 42, N. 3. S. 218—237.
- Borodina S. Ethnic Identity of Russian Germans in Interaction: Attitudes towards Food Habits: MA Thesis. Waterloo, Ontario: University of Waterloo, 2013. 117 p.
- Daller H. Language shift and group identity: Memmonite immigrants from the former Soviet Union in Germany // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism / J. Cohen et al. (eds.). Somerville, MA: Cascadilla Press, 2005. P. 583—593.

- Dück K.* Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion // *Deutsche Sprache*. 2014. Vol. 42, № 3. S. 261—274.
- Edwards J.* *Language and identity: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 324 p.
- Erikson E. H.* *Identity and the Life Cycle*. New York: W.W. Norton & Company, 1994. 192 p.
- Ferdinand-Storb P.* *Russlanddeutsche in der Bundesrepublik Deutschland: Identität und Anpassung im Kontext der Integrations- und Migrationsforschung*. Hamburg: Diplomica, 2014. 120 S.
- Gredinger G.* *Identity beyond the Nation State: The Case of the Russian Germans* // *Working Papers 5*. Bielefeld: Centre for German and European Studies, 2010. 62 p.
- Grosjean F.* *Bicultural bilinguals* // *International Journal of Bilingualism*. 2015. Vol. 19, № 5. P. 572—586.
- Handbook of Language and Ethnic Identity* / J. Fishman (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1999. 480 p.
- Hier die Russen — dort die Deutschen. Zur hybriden Identität russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach Katharinas Einladungsmanifest / M. C. Hermann, R. Öhlschläger (Hrsg.) // *Deutsch-russisches Jahr der Bildung, Wissenschaft und Innovation*. 2011. № 12. 120 S.
- Irwin V. V.* *More than just ethnic: Negotiation of Ethnicity through Language among Russian German Re-Settlers and Jewish Refugees from the Former Soviet Union in Germany*: PhD Thesis. Ann Arbor: University of Michigan, 2009.
- Kiel S.* *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien*. Münster: Waxmann, 2009. 212 S.
- Leary M. R., Tangney J. P.* *Handbook of Self and Identity*. 2nd ed. New York: Guilford Press, 2012. 754 p.
- Mamattah S.* *Russian German identity: transnationalism negotiated through culture, the hybrid and the spatial*: PhD Thesis. Glasgow: University of Glasgow, 2009. 210 p.
- McAdams D. P., McLean K. C.* *Narrative Identity* // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, № 3. P. 233—238.
- Meng K., Protassova E.* *Deutsche or rusaki? Transformations of the cultural self-conceptions after (re)migration* // *Multilingual Identities: New Global Perspectives* / I. Du Bois, N. Baumgarten (eds.). Frankfurt/Main: Lang, 2013. P. 67—84.
- Migrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts* / J. W. Berry et al. (eds.). London: Erlbaum, 2006. 336 p.
- Pfetsch B.* "In Russia, we were Germans, and now we are Russians". — *Dilemmas of identity formation and communication among German-Russian Aussiedler* // *WBZ Discussion Paper*. 1999. Fs. 3. P. 99—103.
- Prediger A.* *Erwerb und Produktion alemannischer Dialektmerkmale durch (Spät-)Aussiedler mit Russisch als Erstsprache* // *Deutsche Sprache*. 2014. T. 42, № 3. S. 207—217.
- Rethage W.* *Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktinguistische und soziolinguistische Aspekte*. München: Otto Sagner, 2012. 383 S.
- Rosenthal G., Stephan V., Radenbach N.* *Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von "Russlanddeutschen" ihre Geschichte erzählen*. Frankfurt: Campus, 2011. 287 S.
- Sacks H.* *Lectures on conversation*. Oxford: Basil Blackwell, 1992. 1520 p.
- Schegloff E. A.* *A tutorial on membership categorization* // *Journal of Pragmatics*. 2006. № 39. P. 462—482.
- Simon B., Reichert F., Grabow O.* *When dual identity becomes a liability: Identity and political radicalism among migrants* // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24, № 3. P. 251—257.
- Skutnabb-Kangas T.* *Language and Self-Determination* // *Self-determination. International perspectives* / D. Clark, R. Williamson (eds.). London: The Macmillan Press, 1996. P. 124—140.
- Steiz D.* *Russlanddeutsche (Spät-)Aussiedler: Deutsche Sprachkompetenz und Integration*. Berlin: Humboldt-Universität, 2010. 104 S.

References

- Avdashkin, A. A. (2015) «Kto my i gde nasha Heimat?»: etnicheskaia identichnost' rossiiskikh nemtsev na rubezhe vv. [“Who are we and where is our Heimat?”: ethnic identity of Russian Germans at the turn of the century.], *Vestn. arkheologii, antropologii i etnografii*, Vol. 28, no. 1 (28), pp. 116—124.
- Berend, N. (2014) Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache: Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 218—237.
- Borodina, S. (2013) Ethnic Identity of Russian Germans in Interaction: Attitudes towards Food Habits: MA Thesis. Waterloo, Ontario: University of Waterloo.
- Daller, H. (2005) Language shift and group identity: Memmonite immigrants from the former Soviet Union in Germany, in: *Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*, J. Cohen et al. (eds.), Somerville, MA: Cascadilla Press, pp. 583—593.
- Dück, K. (2014) Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 261—274.
- Edwards, J. (2009) *Language and identity: An introduction*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Erikson, E. H. (1994) *Identity and the Life Cycle*, New York: W.W. Norton & Company.
- Ferdinand-Storb, P. (2014) *Russlanddeutsche in der Bundesrepublik Deutschland: Identität und Anpassung im Kontext der Integrations- und Migrationsforschung*, Hamburg: Diplomica.
- Gredinger, G. (2010) *Identity beyond the Nation State: The Case of the Russian Germans, Working Papers 5*, Bielefeld: Centre for German and European Studies.
- Grosjean, F. (2015) Bicultural bilinguals, *International Journal of Bilingualism*, Vol. 19, no. 5, pp. 572—586.
- Handbook of Language and Ethnic Identity* (1999), J. Fishman (ed.), Oxford: Oxford University Press.
- Hier die Russen — dort die Deutschen. Zur hybriden Identität russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach Katharinas Einladungsmanifest (2011), *Deutsch-russisches Jahr der Bildung, Wissenschaft und Innovation*, no. 12.
- Irwin, V. V. (2009) *More than just ethnic: Negotiation of Ethnicity through Language among Russian German Re-Settlers and Jewish Refugees from the Former Soviet Union in Germany*: PhD Thesis, Ann Arbor: University of Michigan.
- Ivanova-Buchatskaia, Iu. (2010) *Rossiiskie nemtsy v Germanii: znakovye ob'ekty povsednevnoj zhizni i identichnost'* [Russian Germans in Germany: iconic objects of everyday life and identity], *Diaspory*, Vol. 12, no. 2, pp. 137—166.
- Kiel, S. (2009) *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien*, Münster: Waxmann.
- Kolesnik, N. T., Evenko, S. L. (2015) Istoricheskie usloviia formirovaniia psikhologicheskikh predposylok razvitiia identichnosti etnicheskikh men'shinstv v usloviakh dispersnogo prozhivaniia: (na primere rossiiskikh nemtsev) [Historical conditions for the formation of psychological prerequisites for the development of the identity of ethnic minorities in conditions of dispersed residence: (on the example of Russian Germans)], *Vestn. Ekaterininskogo in-ta*, Vol. 32, no. 4, pp. 7—12.
- Kurske, V. S. (2011) *Mnozhestvennaia etnicheskaia identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev)*: dis. ... kand. sots. nauk [Multiple ethnic identity: theoretical approaches and research methodology (on the example of Russian Germans)], Moscow: MGIMO.
- Leary, M. R., Tangney, J. P. (2012) *Handbook of Self and Identity*, New York: Guilford Press.
- Mamattah, S. (2009) *Russian German identity: transnationalism negotiated through culture, the hybrid and the spatial*: PhD Thesis, Glasgow: University of Glasgow.
- McAdams, D. P., McLean, K. C. (2013) Narrative Identity, *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 22, no. 3, pp. 233—238.
- Meng, K., Protasova, E. (2002) Iazykovaia integratsiia rossiiskikh nemtsev v Germanii [Language integration of Russian Germans in Germany], *Izv. RAN. Ser. lit. i iaz.*, no. 6, pp. 29—40.

- Meng, K., Protasova, E. (2015) Transformatsiia kul'turno-iazykovogo samosoznaniia rossiiskikh nemtsev v Germanii [Transformation of cultural and linguistic identity of Russian Germans in Germany], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (89), pp. 13—25.
- Meng, K., Protasova, E. (2016) Chetvert' veka v Germanii: opyt odnoi sem'i rossiiskikh nemtsev [A quarter of a century in Germany: the experience of one family of Russian Germans], in: *Svoe — chuzhoe v iazyke i rechi. Acta Slavica Estonica VIII*, I. P. Kiul'moia (ed.), Tartu: University of Tartu, pp. 124—136.
- Meng, K., Protasova, E. (2019) «Svoi» i «mestnye»: chetvert' veka rossiiskikh nemtsev v Germanii [“Own” and “local”: a quarter of a century of Russian Germans in Germany], in: *Drugoi v literature i kul'ture: sb. nauch. tr.: v 2 t.*, A. G. Stepanov (ed.), Moscow: Novoe lit. obozrenie, Iss. 1, pp. 195—213.
- Meng, K., Protasova, E. (2013) Deutsche or rusaki? Transformations of the cultural self-concepts after (r)emigration, in: *Multilingual Identities: New Global Perspectives*, I. Du Bois, N. Baumgarten (eds.), Frankfurt/Main: Lang, pp. 67—84.
- Migrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts* (2006), J. W. Berry et al. (eds.), London: Erlbaum.
- Ovsiannikova, V. V., Chernyshov, Iu. G. (2013) O prichinakh reemigratsii rossiiskikh nemtsev iz Germanii v Rossiiu v kontse XX — nachale XXI v. [About the reasons of re-emigration of Russian Germans from Germany to Russia in the late XX — early XXI century.], *Izv. Altajskogo gos. un-ta*, no. 4 (80), pp. 183—192.
- Pfetsch, B. (1999) “In Russia, we were Germans, and now we are Russians” — Dilemmas of identity formation and communication among German-Russian Aussiedler, WBZ Discussion Paper, Fs. 3, pp. 99—103.
- Polian, P. (2004) *Russkogovoriashchie v Germanii* [Russian speakers in Germany], Demoskop Weekly, no. 183/184, available from <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit04.php> (accessed 15.11.2018).
- Prediger, A. (2014) Erwerb und Produktion alemannischer Dialektmerkmale durch (Spät-)Aus-siedler mit Russisch als Erstsprache, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 207—217.
- Protasova, E. (2000) Leksicheskie osobennosti russkoiazychnoi pressy v Germanii [Lexical features of the Russian-language press in Germany], *Izv. RAN. Ser. lit. i iaz.*, no. 4, pp. 49—60.
- Protasova, E. (2003) Russko-nemetskii bilingvizm i russkij iazyk: opyt Germanii [Russian Russian-German bilingualism and the Russian language: the German experience], *Diaspory*, no. 1, pp. 27—47.
- Rethage, W. (2012) *Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktinguistische und soziolinguistische Aspekte*, München: Otto Sagner.
- Rosenthal, G., Stephan, V., Radenbach, N. (2011) *Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von “Russlanddeutschen” ihre Geschichte erzählen*, Frankfurt: Campus.
- Sacks, H. (1992) *Lectures on conversation*, Oxford: Basil Blackwell.
- Savoskul, M. S. (2004) Rossiiskie nemtsy v Germanii: integratsiia i tipy etnicheskoi samoidentifikatsii [Russian Germans in Germany: integration and types of ethnic identity], *Etnograficheskoe obozrenie*, Vol. 78, no. 4, pp. 97—113.
- Schegloff, E. A. (2006) A tutorial on membership categorization, *Journal of Pragmatics*, no. 39, pp. 462—482.
- Shabaev, Iu. P., Goncharov, I. A., Sadokhin, A. P. (2016) Zhiznennye strategii rossiiskikh nemtsev [Life strategies of Russian Germans], *Sotsiol. Issled*, no. 1, pp. 100—107.
- Shovgenin, A. N. (2007) *Sotsiolingvisticheskoe prostranstvo russkoiazychnoi diaspory Germanii: na materiale russkoiazychnoi pressy FRG*: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Sociolinguistic space of the Russian-speaking Diaspora in Germany: based on the material of the Russian-language press of Germany], Volgograd: Volgogradskii gos. un-t.
- Simon, B., Reichert, F., Grabow, O. (2013) When dual identity becomes a liability: Identity and political radicalism among migrants, *Psychological Science*, Vol. 24, no. 3, pp. 251—257.
- Skutnabb-Kangas, T. (1996) Language and Self-Determination, in *Self-determination. International perspectives*, D. Clark, R. Williamson (eds.), London: The Macmillan Press, pp. 124—140.

- Smoliarova, A. S. (2014) *Funktsionirovanie russkoiazыchnoi pressy v sovremennoi Germanii (sotsial'no-politicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. polit. Nauk* [Functioning of the Russian-language press in modern Germany (socio-political aspect)], SPb.: SPbGU.
- Steiz, D. (2010) *Russlanddeutsche (Spät-)Aussiedler: Deutsche Sprachkompetenz und Integration*, Berlin: Humboldt-Universität.
- Tolmacheva, A. Iu. (2014) Etnicheskaia identichnost' sovremennykh rossiiskikh nemtsev Orenburgskoi oblasti [Ethnic identity of modern Russian Germans in the Orenburg region], *Vestn. Cheliabinskogo gos. un-ta*, no. 8 (337), pp. 58—61.
- Vail', P., Genis, A. (1995) *Russkaia kukhnia v izgnanii* [Russian cuisine in exile], Moscow: Nezavisimaia gazeta.
- Zeveleva, O. I. (2014) Migratsionnaia politika i kollektivnaia identichnost': opyt rossiiskikh nemtsev v Germanii [Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 114—126.

Информация об авторе / Information about the author

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия, *e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi* (PhD in General Linguistics and Pedagogy, Adjunct Professor University of Helsinki, Helsinki, Finland).

**НАИВНАЯ ВОЙНА:
МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВНЫМИ И ЛИЧНЫМИ НАРРАТИВАМИ**
*По материалам Всероссийской выставки произведений
художников-любителей и народных мастеров,
посвященной 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

А. А. Суворова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, suvorova_anna@mail.ru

Темы советской истории, военных событий часто появляются в повестке конкурсов, смотров, выставок самодеятельного искусства. Темы войны, памяти, победы на позднем этапе советской истории сплетались с идеологическими конструктами, но одновременно функционировали и на уровнях индивидуальной и коллективной памяти. Эти темы конструировались благодаря кинофильмам о военном времени, поэзии и прозе, монументам и картинам. Символы и истории «большого искусства» впоследствии были присвоены художниками-самоучками и стали основой для индивидуальных нарративов. Влияние официального искусства заметно в творчестве самодеятельных художников, многие из которых обращаются к сюжетам, образам, символам из военных фильмов, фотографий, кинохроник и литературы. В последние несколько лет тема Победы в государственной культурной политике вышла на новый виток и к уже сложившимся официальным нарративам и событиям добавились новые, которые также вторгаются в образность и сюжеты самодеятельного искусства. В последнее десятилетие происходит значительная трансформация содержания и языка самодеятельного искусства: обращение художников-самоучек к визуальности компьютерных игр, модернистского и постмодернистского искусства; гибридизация образов, транслируемых современными массмедиа, и индивидуальных воспоминаний; рефлексия собственного наивного языка и мимикрия с профессиональным полем; соединение образов войны и религиозных и эзотерических нарративов.

Ключевые слова: самодеятельное искусство, наивное искусство, аутсайдерское искусство, коллективная память, индивидуальная память, политика памяти, религия.

© Суворова А. А., 2020

Ссылка для цитирования: Суворова А. А. Наивная война: между коллективными и личными нарративами. По материалам Всероссийской выставки произведений художников-любителей и народных мастеров, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 71—85.

Citation Link: Suvorova, A. A. (2020) Naivnaia vojna: mezhdu kollektivnymi i lichnymi narativami. Po materialam Vserossijskoj vystavki proizvedenij hkudozhnikov-liubitelej i narodnyhk masterov, posviashchennoj 75-letiiu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj Vojne [Naive War: Between Collective and Personal Narratives. Based on materials from the All-Russian exhibition of artworks by Amateur and Folk Artists dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 71—85.

**NAIVE WAR: Between Collective and Personal Narratives
Based on materials from the All-Russian exhibition of artworks
by Amateur and Folk Artists dedicated to the 75th anniversary
of the Victory in the Great Patriotic War**

A. A. Suvorova

Perm State National Research University, Perm,
Russian Federation, suvorova_anna@mail.ru

Themes of Soviet history and the Great Patriotic War often appear on the agenda of Amateur Art's competitions and exhibitions. The themes of war, memory, and Victory in the Late Soviet period were combined with ideological constructs, but at the same time, they functioned at the levels of individual and collective memory. It was constructed due to wartime films, poetry, prose, monuments, and paintings. The symbols and stories of official art were appropriated for individual narratives. The influence of official art was noticeable in amateur artists' artwork, many of whom turn to plots, images, symbols from films, photographs, newsreels, and literature. In last years, the theme of the Victory in the Russian cultural policy has been entered a new round, and new narratives and events were added to the already established official ones, which also invade the imagery and plots by Amateur Art. In the last decade, there has been appeal a significant transformation of the contents and languages of Amateur Art: Self-taught Artists turn to computer's games visuality, modernist and postmodern art; hybridization of images broadcast by mass media, individual memories; reflection in one's own language and mimicry with the professional field; a mix of war's and religious and esoteric narratives.

Key words: self-taught art, naive art, outsider art, collective memory, individual memory, politics of memory, religion.

Российская и советская государственная культурная политика и политика памяти на протяжении последнего столетия были ориентированы на масштабную работу с различными феноменами непрофессионального творчества, самодеятельным и наивным искусством. В период 1930—1950-х годов самодеятельное искусство мыслилось некоторым резервом профессионального, а творчество «неученых» художников было в своем роде «голосом народа», искренне говорящем о «достижениях социализма» [Бобрихин и др., 2012; Suvorova, 2019]. Культура «оттепели» была ориентирована на расширение языка и содержания искусства, включение в поле культуры многих ранее маргинальных тенденций и феноменов, что поменяло статус наивного и самодеятельного искусства: художники-наивы превратились в новых культурных героев. Но на протяжении советского периода большая часть официально организуемых выставок и фестивалей самодеятельного искусства конструировалась исходя из идеологически одобряемого исторического нарратива [Бобрихин и др., 2012].

Темы, связанные с мемориализацией военных нарративов и милитаристской тематики, были важной частью работы с самодеятельными художниками. Так, еще в канун войны, в 1940—1941 годах, ВДНТ им. Н. К. Крупской проводил Всесоюзный смотр художественной самодеятельности, в это же время прошла Всесоюзная выставка «Оборона СССР», в которой участвовало 11 000 самодеятельных художников и мастеров [Всероссийская выставка ... , 2020: 5]. В последующие десятилетия в системе работы с самодеятельным искусством выставки, смотры-конкурсы, посвященные теме Великой Отечественной войны, организовывались регулярно, часто с ориентацией на юбилейные даты Победы и знаковые, рубежные события отечественной военной истории.

С 2000-х годов, с разворачиванием и актуализацией в культурной повестке и политическом поле политики памяти, в России можно наблюдать все большее масштабирование исторической памяти на уровне тематики конкурсов, выставок и смотров самодеятельных художников. Так, с начала 2000-х годов Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова проводил всероссийские выставки патриотической тематики, приуроченные к годовщине Победы в Великой Отечественной войне: Первая Всероссийская выставка «Славные сыны Отечества» (Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945; 2001; 321 произведений; 152 авторов из 26 субъектов РФ); Вторая Всероссийская выставка «Славные сыны Отечества», посвященная 10-летию Конституции Российской Федерации (Выставочный зал ГРДНТ «Народная галерея» (Москва); 2003; 293 работы из 27 регионов) и т. д. [Всероссийская выставка ... , 2020: 7].

В последние два года в системе самодеятельного искусства заметно масштабирование деятельности по мемориализации памяти о победе в Великой Отечественной войне. Так, одним из наиболее значительных событий становится Всероссийская выставка произведений художников-любителей и народных мастеров «Великому подвигу посвящается» в честь 75-летия Победы, ставшая итогом смотра художников-любителей «Салют Победы», организованного в 2019—2020 годах Государственным Российским Домом народного творчества имени В. Д. Поленова под эгидой Министерства культуры Российской Федерации. Смотр проводился «по отработанной десятилетиями методике», которая включала три этапа: 1) региональный — на уровне субъектов РФ специалисты региональных домов (центров) народного творчества реализовывали выставки на местных выставочных площадках, формируя экспозиции из работ художников, живущих в районных центрах; 2) межрегиональный — выставки в нескольких выбранных зональных центрах, где работали экспертные комиссии, состоящие из ведущих специалистов в области самодеятельного искусства и народного творчества; 3) всероссийский — его заключительным мероприятием является Всероссийская выставка, в 2020 году проведенная в пространстве Новой Третьяковки на Крымском Валу [Всероссийская выставка ... , 2020: 9].

На выставке 2020 года «Великому подвигу посвящается» представлены работы более 100 художников-любителей и мастеров декоративно-прикладного искусства из 57 регионов России. Эти произведения отобраны экспертными комиссиями на втором, межрегиональном этапе из произведений более чем 600 непрофессиональных художников и народных мастеров России. Всего на выставке в ГТГ было представлено более 300 уникальных экспонатов (объекты современного декоративно-прикладного искусства, живопись, графика, скульптура, мелкая пластика, художественный текстиль), что может быть репрезентативной выборкой для исследований функционирования коллективных и индивидуальных нарративов в мемориальной парадигме на примере творчества самодеятельных художников.

Среди ключевых теоретических терминов в данном микроисследовании выделяются понятия «коллективная память» и «индивидуальная память». Понятие коллективной памяти сформировано в работах французского социолога Мориса Хальбвакса. Согласно его подходам воспоминания могут выстраиваться в сознании человека двумя разными способами: группироваться вокруг определенного человека или распределяться по большому или малому сообществу. Воспоминания человека иногда вписаны в рамки его личности или его частной жизни, и «даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других» [Хальбвакс, 2005]. Коллективная память развивается по собственным законам, в нее могут проникать индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности. Индивидуальная память — динамичное средство проработки индивидуального опыта, но при этом она не герметична

и всегда опирается на социальный фундамент. По мнению Хальбвакса, абсолютно одинокий человек не способен на воспоминания, поскольку они обусловлены коммуникацией, то есть формируются и закрепляются благодаря речевому общению с другими людьми. Память как конгломерат наших воспоминаний вырастает в человека извне, подобно языку, который, бесспорно, является для нее важнейшей основой.

Память также является обширным пространством для манипуляций и конструирования извне. Жак Ле Гофф делает акцент на бессознательной природе исторической памяти, что дает возможность ее манипулятивного использования мыслящими сообществами [Ле Гофф, 2013: 6]. В современных исследованиях функционирования памяти как культурного феномена отмечается ее внешняя функция стратегии тегогу-идентификации, основанная на «политике памяти», «на целенаправленных усилиях властных, политических, финансовых и иных элит по формированию заданного образа прошлого и на определяемой этим образом коммеморативной стратегии» [Шуб, 2016: 72—73]. Но также, помимо этих внешних усилий, направленных на формирование памяти и реализуемых посредством различных механизмов отбора и сегрегации, функционирует и внутренняя тегогу-идентификация, выполняющая компенсаторную, легитимирующую и компенсирующую функции на уровне субъекта. Опираясь на обозначенный теоретический базис, творчество самодеятельных художников можно анализировать не только как саморефлексию и поле личных воспоминаний, но и как феномен, включающий репрезентацию корпуса коллективной памяти и, в отдельных случаях, отражение государственной «политики памяти».

«Дети войны» и рефлексия индивидуальной памяти

Самодеятельное искусство — это преимущественно творчество людей «третьего возраста»; в 2010-х — начале 2020-х годов это «дети войны» или те, кто родился и вырос в первые послевоенные десятилетия. Личная память о войне этих поколений связана с детскими воспоминаниями, неясными, фрагментарно запомнившимися моментами жизни в тылу, празднованием Победы или рассказами отцов и матерей и других старших родственников о жизни в годы войны. Коллективная память в искусстве современных наивов и самоучек также является мощным генератором его образности и языка. Многие из самодеятельных художников старшего поколения выбирают свое, близкое, сопричастное личной истории.

Так, в камерном холсте Тамары Киселевой из Кемеровской области рассказывается трогательная и совсем, казалось бы, негероическая история, сюжет которой укладывается в название самой работы: «Максим Твердохлеб доставил мандарины детям блокадного Ленинграда». Важно отметить трансформацию визуальности самодеятельного искусства. В этой работе использован принцип монтажа: в композиции соединяются мерзлый военный детдом с наряженной елкой и ящиками мандаринов и Дорога жизни, по которой на грузовике мчится Максим Твердохлеб.

С непосредственными, личными воспоминаниями о днях Победы, негероическом, близком сердцу и виденном, пережитом лично, связана работа «С днем Победы» Людмилы Пилюгиной из Новосибирской области. Она так описывает сюжет своей картины:

...Жили мы недалеко от железнодорожного вокзала, и поэтому с ребятней часто там обитали. Хотя станция была и небольшая, но поезда все же приходили, основная часть из них были воинские эшелоны. Это была Беловская станция, тогда еще в Новосибирской области. К нам в Белово привозили тяжелораненых солдат в середине войны, а также приходили поезда с военными. Они выходили

на перрон веселые, с гармошкой, а мы, ребяташки, искали сред них своих родных, отцов, ушедших на войну... Именно эту атмосферу я и хотела отразить в своей работе [Всероссийская выставка ... , 2020: 54].

Тамара Киселева (1956 г. р.)
Под вой снарядов Максим Твердохлеб доставил мандарины
детям блокадного Ленинграда. 2019
Холст, масло. 40 × 60 см¹

Людмила Пилюгина (1939 г. р.)
С днем Победы. 2019. Картон, масло, 63 × 75 см

¹ Здесь и далее представлены фотографии картин, сделанные автором статьи.

Автору, ребенку военных лет, запомнилась радость возвращения солдат домой: стоят открытые вагоны, женщины держат за руки героев, а рядом — девчонки, одна из которых, вероятно, сама художница в детстве. Так же безыскусна, правдива, а не подсмотрена, как это порой бывает у самодеятельных художников, и композиция холста. Об индивидуальности и аутентичности свидетельствует и цветовая гамма картины: без привычных «победных» красных флагов, георгиевских лент и т. п. Анализируя нарративы и символический ряд этой работы, можно выявить, что она далека от формализованных схем «воспоминаний о войне»: в сюжете нет военного или трудового подвига, преувеличенно акцентированных, как на плакате, символов победы и войны, плакатов и лозунгов. Напротив, в самом сюжете и визуальных кодах заметно снижение пафоса героизации: солдаты навеселе, в расстегнутых гимнастерках, с расхристанными бабами, поют под гармошку, девчонки тянут воинов за рукав, но «женский пол» для демобилизованных явно интереснее. Сам пластический язык, его колорит и характер письма делают сцену более камерной.

Оммажем личному, но более «встроенному» в принятые нарративы и официально закрепленные визуальные коды становятся работы Марии Колодезниковой. Она описывает сюжет своей картины, соединяя личную историю своей семьи и официальные сводки с «трудового фронта» родной Якутии в годы войны.

Мария Колодезникова (1955 г. р.)

Трудовой подвиг наших матерей. 2019. Картон, масло. 40 × 50 см

Якутия находилась в глубоком тылу. Здесь не было слышно гула летящих самолетов, грохота бомбардировок, не сгорали дотла дома, не стреляли фашисты по детям, женщинам и старикам, не угоняли в рабство и в лагеря смерти. В тылу количество рабочих рук сократилось на 41 %. Места ушедших на фронт занимали женщины, дети и старики. Они трудились не жалея себя, по 10—12 часов в сутки, чтобы приблизить победу. С 1941 года постановлением Пленума ВКП(б) народное хозяйство было перестроено на военный лад. Согласно этому постановлению предусматривалось увеличение добычи золота, олова, каменного угля, других полезных ископаемых, выпуска продукции местной промышленности... [Всероссийская выставка ... , 2020: 22]

Сюжетно и формально картина «Трудовой подвиг наших матерей» построена в следовании некоторому идеальному образцу «канонического» самодеятельного искусства и напоминает произведения, традиционно выставляемые на смотрах-конкурсах: «правильная» тема, рассказывающая о героическом труде в тылу, маркеры или символы советского государства (красный лозунг), узнаваемый, характерный художественный язык, восходящий к классическим кодам наивного искусства. В подобной логике и эстетике создана и работа «Красный обоз» Виктора Хрулева из Кирова.

Виктор Хрулев (1938 г. р.)
Красный обоз. 2019. Холст, масло. 36 × 60 см

Совершенно выпадающую из «классического канона» самодеятельного искусства образность и оптику представляет работа Виктора Наймушина «Розовая шляпка. Памяти мамы». В ней звучат воспоминания о личной истории, выходящие за пределы предлагаемого формального канона официальной политики памяти и, более того, нарушающие принятые табу визуализации «старшего поколения». Изображая близкое, прочувствованное и пережитое, до откровенной телесности, автор репрезентует зрителю то самое последнее поколение ветеранов, которые в 2010-е годы стали немощными стариками, и в этой визуализации происходит значительный разрыв с официальными и устойчивыми конвенциями фиксации памяти о Победе. Его мать в этом произведении изображена обнаженной — это двойное нарушение табу современной российской культуры и политики памяти: старость не может быть репрезентована в образах наготы, героический пафос побед прошлого не может быть снижен в подобных смысловых и визуальных вариациях. Мать, сидящая на фоне шкафа, в котором аккуратно, на «плечиках», размещено ее навсегда утраченное прошлое (наряды мирных времен, орден, приколотый

Виктор Наймушин (1953 г. р.)
Розовая шляпка. Памяти мамы.
2015—2017.
Акрил, картон. 143 × 85 см

на платье), изображена в своей экзистенциальной обнаженности, на пороге «последней своей двери». С реальностью жизни и пространством памяти ее телесно связывает только розовая шляпка.

Виктор Наймушин
Розовая шляпка. Памяти мамы. *Фрагмент*

Официальные нарративы и их вариации

Более привычный «победный» нарратив в искусстве самодеятельных художников связан с образами маршалов и солдат, государственной символикой и парадом. Многие художники-самоучки заимствуют и трансформируют уже существующие в «большой», официальной культуре сюжеты и композиции. Парадоксально, но эта образность в творчестве художников-самоучек часто не пересекается с их личными семейными историями или воспоминаниями, они воспроизводят некоторые шаблоны коллективной памяти, паттерны визуальной пропаганды, в пространстве которой живут десятилетиями. Характерным для такой оптики и образности,

Сергей Ставер (1949 г. р.)
К. С. Рокоссовский. 2015.
Холст, масло. 57 × 42 см

например, являются работы Сергея Ставера, отец которого был фронтовиком, разведчиком и, вернувшись с войны инвалидом, много рассказывал сыну о военных годах. Но это личное, индивидуальное видение войны никак не отрефлектировано в искусстве художника-самоучки. Картины Сергея Ставера по логике сюжетов и символике, композиционному и колористическому решению воспроизводят паттерны визуальной пропаганды и официального советского искусства: символический красный фон, устойчивое пространственное построение, акцент на государственных наградах и знаках воинского отличия.

Иначе героика военных лет выражена в триптихе Глеба Ларина из Красноярского края. Логика трех частей композиции — «На марше», «Приказ», «Перед атакой» — демонстрирует разницу физических и внутренних состояний человека в моменты войны вне привычных клише профессионального искусства. Обращает внимание необычное композиционное построение работ: они напоминают оплечные деисусы, в холстах сформирован

специфический ритм, образованный сочетанием трехчетвертных и профильных портретов. Знаки воинского отличия присутствуют, но они не педалированы яркостью колорита.

Глеб Ларин (1970 г. р.)
Перед атакой. 2019. Холст, масло. 50 × 70 см

Тема Победы воплощена в творчестве современных самодеятельных художников также через конструкты политики памяти, реализуемой в современной России. В триптихе Ираиды Зиновьевой «Никто не забыт, ничто не забыто» заметно, как в восприятии современной самодеятельной художницы, заставшей парады и визуальные «победные» нарративы и символы эпохи СССР, образность позднего советского периода соединяется с логикой «политики памяти», проводимой сегодня. Тема Бессмертного полка — феномена последних лет — визуализируется через устойчивые для советской «победной» символики мотивы орденских звезд, георгиевских ленточек, сияющих красных башен Кремля, Вечного огня, торжественного караула у Могилы неизвестного солдата. Про эту безусловную связь советского и российского говорит и соединение в симметричных композиционных элементах двух государственных флагов. О заимствовании советской «победной» образности свидетельствует стилистика изображений — сочетание открытых цветов (голубого, оранжевого, желтого и красного), уплощенная плакатность фигур, предметов и фонов, композиционная связность частей триптиха «открыточной» георгиевской лентой.

Ираида Зиновьева (1951 г. р.)

Триптих «Никто не забыт, ничто не забыто». 2019. Холст, масло. 70 × 150 см

Религиозная и эзотерическая проблематика

В последние десятилетия возможно выявить значительное обновление проблематики и стилистики непрофессионального творчества. Это проявляется в обращении нового поколения самодеятельных художников к визуальности компьютерных игр, модернистского и постмодернистского искусства; гибридации образов, транслируемых современными массмедиа, и индивидуальных воспоминаний; рефлексии собственного наивного языка и мимикрии с профессиональным полем. Одним из специфических и необычных смысловых аспектов этой трансформации в перспективе изучаемой проблемы является соединение образов Великой Отечественной войны и религиозных и эзотерических нарративов.

Диверсификация религиозных нарративов, репрезентация в некоторых произведениях «личной религии» становится характерной особенностью художников-аутсайдеров, формирование которых как творцов приходится на постсоветский период (это обусловлено кризисами коллективной идентичности, что в личных историях совмещается с кризисами индивидуального порядка) [Суворова, 2020; Suvorova, 2019]. В ходе анализа произведений самодеятельных художников возможно выявить корпус

произведений, в которых проблематика войны и победы совмещается с религиозными символами, сюжетами и визуальными кодами. Это может быть гибридизация темы войны с контекстом традиционного или специфически переосмысленного православия или использование образности и нарративов новых религиозных феноменов, которые оказались актуализированы в постсоветском пространстве.

Светлана Шепелевич (1949 г. р.; псевдоним Клер Роше)
Родина-мать Заступница. 2019. *Картон, акрил.* 66 × 50 см

Так, Светлана Шепелевич (Клер Роше) создает картину «Родина-мать Заступница» (2019), в самом названии которой соединяется некоторый официальный советский нарратив «Родина-Мать», связанный со смысловыми кодами официальной пропаганды, и апелляция к одной из православных икон Богоматери. В визуальной образности этой картины также заметно влияние традиционной православной иконографии: изображение тяготеет к симметрии и статичности, очерк плеч и наклон головы «Родины-матери» напоминает абрисы иконных образов, характерны одеяние (покрытая голова, двуслойность одежды) и специфичность лика изображенной. Но одновременно мы видим и авторские символические элементы: лики защищаемых Богоматерью, которых она обнимает полукругом рук, и свастики над ее плечами. Это неожиданное символическое пересечение художница объясняет услышанной однажды историей, которая, по ее мысли, иллюстрирует равенство и ценность немецкого и русского солдата перед великой Матерью-заступницей, а свастика — это «знак Света, Солнца, Любви, Жизни»:

Как на Диксоне я познакомилась с женщиной по имени Генрих. Метеоролог. Много лет жил в Арктике, участвовал в экспедиции в Антарктиду. Мне он рассказал историю своего имени.

Его отец воевал в Первую мировую войну, был ранен, потерял сознание. Очнулся в избе на полатах рядом с молодым человеком. Хозяйка избы нашла их на поле и притащила в избу, уложила на полати и выхаживала. Оба молодых человека говорили на разных языках. Один на русском, другой на немецком языке. Так и лежали они на одних полатах — две враждующие стороны. Но простые солдаты могут договориться между собой. Молодые люди подружились и поклялись, что каждый назовет своего сына именем друга.

Перед Матерью все сыновья равны независимо от национальности и вероисповедания. Она дает жизнь и защищает её. Мать — Родина. Она Защитница и принимает всех под защиту свою.

Всякая Война — Зло. Ни одна Мать не желает отдать на заклятие своих сыновей, но если случается, что сыновья по воле отморозков превращаются в пушечное мясо, то Мать принимает души погибших в свое материнское лоно.

За плечами Матери Свастика. Древний символ — знак Света, Солнца, Любви, Жизни.

Взгляд Матери направлен вовнутрь. Вглубь себя. Она позаботится и защитит души ее сыновей [Воспоминания Светланы Шепелевич, 2020].

Владимир Зороастров (1962 г. р.)

Вторая война (Преслушание и Послушание). 2019. Холст, темпера. 80 × 100 см

Также к образу Богоматери, но несколько в другой вариации обращается Владимир Зороастров. Будучи воцерковленным человеком, Зороастров работает с религиозными темами с 2000-х годов, соединяя в своих произведениях каноническую иконографию и собственные авторские нарративы. В картине «Вторая война (Преслушание и Послушание)» художник-самоучка разбивает пространство бытия на две сферы: в одной царит Бог, мир и добро, в другой — погруженное во тьму

пространство войны и зла. В последней Дьяволом создаются танки и ракеты, невинная дева оплетена змеем, древо познания плодоносит смертью. В пространстве Божественного — добро и благоденствие, рука Бога-отца выпрастывается из небес и выпускает голубя мира, Богородица в сияющей мандорле воплощает мир, а миряне, как положено в пространстве иконных изображений, в нижнем регистре катаются на лодочке под голубым мирным небом в окружении цветов и белых лебедей — символов верности и любви.

Владимир Зороастров
Вторая война (Преслушание и Послушание). *Фрагмент*

Иной, трагический нарратив воплощается через религиозную символику и образность в картине Василия Косаурова. Он рассказывает личную документальную историю своей семьи и в определенном смысле концептуализирует ее посредством использования образности религии: изображения нимба и креста в руке, специфической фронтальной композиции, характерной для культовых изображений. Логику создания образа Василий Косауров описывает так:

В нашем роду Косауров Василий Матвеевич — мой дед, в честь которого я был назван, — то ли погиб под Берлином, то ли попал в концлагерь. Наугад я зашел на сайт Освенцима и был удивлен своей находкой. Книга смерти поведала мне о том, что 15 июля 1941-го он, мой дед, попал в лагерь, а 26 октября 1941-го его уже не стало... Я мог бы написать портрет деда. Он у меня есть. Но я умышленно сделал образ собирательным. Ведь сколько таких погибло? Миллионы? Точной цифры неизвестно. Вот почему он у меня святой мученик, одетый в простое рубище. Это мой долг деду, моя память о нем» [Всероссийская выставка ... , 2020: 114].

Василий Косауров (1959 г. р.)
 «Безвинно убиенным...» Посвящается Василию Матвеевичу Косаурову,
 погиб 26 октября 1941 г. в концлагере Освенцим. 2016
Картон, масло. 70 × 50

Всероссийская выставка произведений художников-любителей и народных мастеров, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, позволяет выявить специфику репрезентации темы войны и победы в современном самодельном искусстве России. Художники-самоучки придерживаются в работе с данной проблематикой вариативных стратегий, спектр которых рознится от дословного следования устойчивым паттернам официальной советской пропаганды и современной государственной политики памяти до авторских индивидуализированных нарративов и художественных языков. Это 1) использование индивидуальных нарративов, апеллирующих к личным историям (а также соединение этих историй с коллективной памятью); 2) обращение к паттернам и визуальным кодам официальной государственной политики памяти (российской и советской); 3) соединение темы войны и победы с полем религии и эзотерики посредством авторских нелинейных интерпретаций и заимствования символов и иконографических деталей.

Библиографический список

- Бобрин А. А., Лейбович О. Л., Суворова А. А., Янковская Г. А.* . Трансформация Великой Утопии. Советское наивное искусство / под ред. А. А. Суворовой. Пермь: Музей советского наива, 2012.
- Воспоминания Светланы Шепелевич (1949 г. р.; псевдоним Клер Роше). 6 октября 2020 г. // Личный архив А. А. Суворовой.

- Всероссийская выставка-смотр «Салют Победы»: каталог / сост. Т. Синельникова. М.: ГРДНТ им. Поленова, 2020.
- Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К. З. Акоюна. М.: РОССПЭН, 2013.
- Суворова А. А. Аутсайдерское искусство в России: тенденции, темы, образы. М.: Городец, 2020.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (40—41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 06.10.2020).
- Шуб М. Л. Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4 (48). С. 71—76.
- Suvorova A. La révolution de 1917 et la période post-révolutionnaire dans l'art naïf soviétique et post-soviétique // ILCEA est la revue portée par l'ILCEA4 (Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie — E. A. 7356). 2019. № 36. URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/6739?fbclid=IwAR1pl1iTapRiOvArk0jzMhPMKKA si1E17CxvgdwH96hQPraYmfxINzz629Q> (дата обращения: 06.10.2020).
- Suvorova A. Russian Outsider Art and Religion. Kindle Edition: Amazon Digital Services LLC, 2019.

References

- Bobrikhin, A. A., Leibovich, O. L., Suvorova, A. A., Iankovskaia, G. A. (2012) *Transformatsiia Velikoi Utopii. Sovetskoe naivnoe iskusstvo* [Transformation Of The Great Utopia. The Soviet naive art], A. A. Suvorova (ed.), Perm': Muzei sovetskogo naiva.
- Khal'bvaks, M. (2005) Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Collective and historical memory], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2—3 (40—41), available from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 06.10.2020).
- Le Goff, Zh. (2013) *Istoriia i pamiat'* [History and memory], Moscow: ROSSPEN.
- Shub, M. L. (2016) Funktsii kul'turnoi pamiati [Functions of cultural memory], *Vestnik kul'tury i iskusstv*, no. 4 (48), pp. 71—76.
- Suvorova, A. (2019) *La révolution de 1917 et la période post-révolutionnaire dans l'art naïf soviétique et post-soviétique*, ILCEA est la revue portée par l'ILCEA4 (Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie — E. A. 7356), no. 36, available from <https://journals.openedition.org/ilcea/6739?fbclid=IwAR1pl1iTapRiOvArk0jzMhPMKKA si1E17CxvgdwH96hQPraYmfxINzz629Q> (accessed 06.10.2020).
- Suvorova, A. A. (2020) *Autsaiderskoe iskusstvo v Rossii: tendentsii, temy, obrazy* [Outsider art in Russia: trends, themes, images], Moscow: Gorodets.
- Suvorova, A. (2019) *Russian Outsider Art and Religion*, Kindle Edition: Amazon Digital Services LLC.
- Vospominaniia Svetlany Shepelevich (1949 g. r.; psevdonim Kler Roshe) (2020) [Memories of Svetlana Shepelevich (born in 1949; pseudonym Claire Roche)], Lichnyi arkhiv A. A. Suvorovoi.
- Vserossiiskaia vystavka-smotr «Saliut Pobedy»: katalog (2020) [The all-Russian exhibition-competition “Victory salute”: the directory], Moscow: GRDNT im. Polenova.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Анна Александровна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: suvorova_anna@mail.ru (PhD (Art), associate professor, Department of cultural studies and social and humanitarian technologies, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation).

LABYRINTH
2020. No. 1. P. 86—88

LABYRINTH
2020. № 1. С. 86—88
УДК 070.4

**Всероссийская конференция
«200 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»
(Санкт-Петербург, 3—4 октября 2019 года)**

История русского присутствия на Ближнем Востоке, а точнее в Палестине, насчитывает около десяти столетий. В начале XII века Святую Землю в качестве паломника посетил русский игумен Даниил. Впечатления от этой поездки изложены им в «Хождении игумена Даниила», одном из выдающихся произведений древнерусской литературы. В Средние века паломников, посещавших Палестину, были единицы, в XVIII веке — уже десятки, в XIX веке — сотни. В начале XX столетия в эти места ежегодно устремлялись уже тысячи паломников из России. Для поддержки их Русская православная церковь основала в Иерусалиме духовную миссию, российским министерством иностранных дел были созданы консульства и вице-консульства в Иерусалиме, Бейруте, Акре, Яффе, Хайфе и других городах. Крупным событием стало возникновение в 1882 году Православного Палестинского Общества, получившего через некоторое время статус Императорского (ИППО). Оно построило подворья (гостиницы) для паломников в Иерусалиме и других городах, организовало их массовые поездки в Вифлеем, Назарет, на Иордан и по другим священным местам Палестины. Председателем этой организации стал брат императора Александра III великий князь Сергей Александрович, а после его гибели от руки террориста — его вдова, великая княгиня Елизавета Федоровна.

В настоящее время в Иерусалиме функционирует принадлежащее России Сергиевское подворье — международный культурно-просветительский центр. Открыт российский культурно-деловой центр и в Иерихоне. Императорское Православное Палестинское Общество на постоянной основе организует паломнические поездки россиян в Израиль и Палестинскую автономию, на территории которых находятся вселенские святые христианства.

В современной России активно идет изучение истории российского православного присутствия на Ближнем Востоке. Исследования на эту тему публикуются в «Православном Палестинском сборнике» — одном из старейших российских научных журналов, основанном в 1880-х годах и ныне выходящем ежегодно.

© Балдин К. Е., 2020

Ссылка для цитирования: Балдин К. Е. Всероссийская конференция «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке» (Санкт-Петербург, 3—4 октября 2019 года) // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 1. С. 86—88.

Citation Link: Baldin, K. E. (2020) Vserossijskaya konferentsiia “200 let diplomatičeskoj podderzhki russkogo prisutstviia na Blizhnem Vostoke” [Russian National Scientific Conference “200 Years of Diplomatic Support of the Russian Presence in the Middle East: History of the Creation and Activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire” (St. Petersburg, October 3—4, 2019)], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 86—88.

По той же проблематике публиковались научные труды в таких повременных изданиях, как «Иерусалимский вестник», «Иерусалимский православный семинар». В последние два десятилетия несколько монографических изданий увидело свет в столичном издательстве «Индрик».

Организаторами прошедшей 3—4 октября 2019 года в Петербурге Всероссийской конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке» выступили Министерство иностранных дел России, Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) и Государственный Эрмитаж, в аудиториях которого проходили заседания конференции.

На заседаниях прозвучало несколько десятков докладов и сообщений исследователей из Москвы, Петербурга, Иванова, Краснодара, Красноярска, Мурманска, Нижнего Новгорода, Орла, Перми, Ростова-на-Дону, Саранска и других городов. На конференции были представлены вузовские ученые, общественные деятели, духовенство, работники музеев и библиотек.

Многие участники конференции рассматривали в своих докладах такой феномен, как массовое православное паломничество из России в Святую Землю. Оно в XIX — начале XX столетия стало важным фактором российского присутствия на Ближнем Востоке. Авторы докладов и сообщений подчеркивали, что паломничество как таковое отнюдь не тождественно туристическому путешествию, соответственно и методологические подходы к изучению паломнических мемуаров и дневников должны отличаться от подходов к обычным путевым запискам. Паломники в своих мемуарах обращали внимание не только на то, что привлекало светских туристов. Эмоции, пронизывающие многие из паломнических воспоминаний, серьезно отличаются от туристических впечатлений по поводу различных мирских достопримечательностей и красот природы. В паломнических записках нередко встречаются упоминания о контактах с отечественными дипломатами и о той помощи, которую они оказывали приехавшим из России мирянам и представителям духовенства.

Участники конференции в своих докладах обсуждали тот факт, что российское православие представляло собой, по современной терминологии, «мягкую силу» во внешней политике России на Ближнем Востоке. Они не раз обращались к истории Русской духовной миссии в Иерусалиме, которая являлась одним из инструментов этой мягкой силы на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX столетия.

Собравшиеся в Петербурге ученые отметили, что Россия довольно успешно сочетала в своем присутствии на Ближнем Востоке официальную и неофициальную дипломатию. Причем в данной ситуации дипломатия неофициальная не являлась дипломатией тайной. Неофициальный характер ее заключался в том, что она открыто реализовывалась не только через консульские структуры, но еще и Императорским Православным Палестинским Обществом, а также Русской духовной миссией. В связи с этим неслучаен интерес целого ряда докладчиков к истории ИППО, которое выступало важнейшим воплощением мягкой силы России в этом регионе. Палестинское Общество создало в Восточном Средиземноморье разветвленную структуру своих социально-культурных учреждений. Это были странноприимные дома для российских паломников, больницы, школы для местного православного арабского населения и т. п.

С интересом были восприняты просопографические изыскания некоторых докладчиков. Они рассматривали деятельность председателя ИППО великого князя Сергея Александровича, руководителя Русской духовной миссии архимандрита Антонина (Капустина) и некоторых других иерархов Русской православной церкви. Внимание присутствовавших привлек также исторический сюжет о несостоявшемся

визите в Палестину наследника русского престола цесаревича Николая Александровича — будущего императора Николая II.

В некоторых докладах, носивших источниковедческий характер, содержалась очень ценная информация об источниках личного происхождения, до сих пор оставшихся совершенно неизвестными исследователям. Это касается прежде всего отдела рукописей Российской национальной библиотеки, в фондах которого отложились интересные и содержательные мемуары россиян, побывавших в Палестине.

По итогам конференции выпущен сборник докладов и сообщений (200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: материалы Всероссийской научной конференции, СПб., Государственный Эрмитаж, 3—4 октября 2019 г. / под ред. С. Ю. Житенева, К. А. Ваха. М.: Индрик, 2019. 508 с.).

*К. Е. Балдин,
доктор исторических наук, профессор*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу <https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

— сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);

— аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);

— ключевые слова (не более 10);

— фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>;

— название статьи на английском языке;

— аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);

— ключевые слова на английском языке;

— место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

LABYRINTH
Теории и практики культуры
Научный журнал
№ 1 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *О. Л. Яковлева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
Дизайн обложки *А. Евлоевой*

Дата выхода в свет 06.11.2020 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 7,0.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru